

Последний рыцарь

Кристиан Лан

Annotation

Артефакт давно забытых времён, Оклайн привык быть последним. Судьба нещадно игралась с ним в предыдущие годы, и вот, когда кажется, что она наконец расслабила хватку, случайность раскрутила цепь трагических событий. Остаётся надеяться только на одно, что грядущая кошмарная война станет последней. Если не для галактики, то для него самого.

---

1. Роковая случайность

Когда началась эта история — загадка, ибо в те времена само слово «история» значило лишь правдивый анекдот, что рассказывали друг другу аристократы под шафе. Что же было раньше? Великие битвы, славные герои, вездесущие враги и посредственные руководители — не чета нынешним: большего знать не положено.

Оклайн против воли оказался одним из немногих, кто видел и слышал куда больше, и по понятным причинам, молчал. Но Боро умел растопить любую душу — его аура погружала в медовую, мягкую полудрёму, из которой не хочется выходить. Лёгкие вопросы медленно раскручивают воспоминания о старых днях, об утерянных друзьях и ошибках бывшего.

— Я... Думаю, был последним на Старой Земле. Когда мой пустоход поднялся, больше с неё не поступило ни одного сигнала. Ничего, — он отпил сомы. — С остальных планет и станций тоже. Никого не осталось. Однако «Вавилон» наконец получил мозг — Саффа — и отправился в путь. Последний не по номеру, но по старту.

— То есть, — Боро оставил стилусом пометку, — вы знакомы с самого его рождения?

Оклайн скосил глаза влево, дёрнул ухом, будто прислушиваясь к тени за спиной.

— Можно сказать и так.

— Я не против подобной оценки, — вмешался бестелесный голос.

— А как вы ощущали своё рождение? Вы помните его?

— Данные утеряны.

— Вот как... Неожиданно.

— Мы же учимся, — повёл плечами Эмбар. — ИИ сходят с ума из-за всезнания, из-за понимания, что, в конечном счёте, любая их инициатива обречена на провал. Они заглядывают слишком далеко, за грань безумия. Видят тысячи переменных, которые угрожают плану.

— Поэтому стараются убрать их.

— Именно. Так случилось с предшественником Саффа, так, наверное, случилось и с остальными. Так случилось у скви. Эх, видели бы вы Варраден, когда я им представил своего друга! До линчевания оставался один шаг!

— Они ведь очень многих тогда потеряли, — напомнил Анре. — Родина наших переменчивых друзей до сих пор на карантине.

— Полтора века прошло! Какой у нас сейчас расстрельный возраст? Шестьдесят, если не ошибаюсь? Два с половиной поколения сменилось, а они никак не забудут.

— Последствия той ошибки куда глубже, чем кажутся.

Взгляд упал на пламя в искусственном камине, дающее тепло почти как настоящее. Почти.

— Знаю, Боро, знаю. Не было бы ни официального набора, ни тысячи других проблем, но, — он оторвал от стекла коготь, — не было бы и вашей племянницы! О, да, она всё окупает. Подобные личности всплывают раз в столетие!

— Должен признать, изначально из-за её активности я крайне беспокоился о своём существовании, даже зная о том, что мое местоположение засекречено.

— Но теперь мы друзья. Не так ли, Анре?

— С ней всегда тяжело, — опустил глаза старик.

— Уж не представляю, каково было воспитывать её.

— Когда я взял её, она была куда старше своих десяти лет, друг мой. Куда старше, злее, циничнее и холоднее. Я дал ей всё, что мог. Другие же воспитали в ней война, коим она и является. Ей нужен выход накопившейся ярости, или та просто разорвёт бедный ум изнутри. Порой приходится идти на жертвы. Но, лучшие идеи она впитала, встретила в свой мир, доверилась нутру.

— Лучшие?

— Я знаю, что они лучшие, потому что они мои, — без лишней скромности, но и без бахвальства ответил Боро.

Умеет удивить. Порой кажется, видишь Анре насквозь, а потом вдруг он становится непроницаем, словно камень. Огоньки играли на искусственной коже кресел, на посуде в скромном буфете, на латунной планке мундира.

— Никогда бы не подумал, что мы с ней, — разогнал тишину Эмбар, — такие разные, сойдёмся во многом. Её точка зрения на всеобщее уважение мне импонирует.

— Возможно, пограничная природа помогает чётче видеть других, — Боро снял очки и потёр линзы.

— Возможно... Возможно... То была воля случая, — он задумчиво постучал по кувшину когтем и налил ещё. — Относительно зрения, почему бы вам его не восстановить? Орден всегда хорошо относился к своим рабам, вряд ли они откажут в такой мелочи, как глазной имплант. Тем более вам. Философу, дипломату, писателю, учителю, психологу и просто хорошему человеку.

— Ха-ха-ха! — по морщинистому лицу, похожему на кору, пробежала улыбка. — Обращаете моё орудие против меня самого?

— Просто перефразировал. Честно, вы производите неизгладимое впечатление. Им хочется поиграть на языке, как настоявшимся вином, почувствовать все нотки и лишь потом проглотить.

— Могу поинтересоваться, что же вы во мне нашли? Какие нотки ощутили?

— Вы пахните как старый коньяк, выдержанный в настоящей бочке. Вы цвета лакированного дуба, а по дыханию напоминаете сухую пашню. Я видел одну такую. Она была брошена давным-давно, но всё ещё давала приют редким стойким росткам. Прямо как вы.

— Великолечно, друг мой, невероятно. Признаюсь, я не ожидал подобной поэтичности! Хоть мы общаемся уже давно, вы продолжаете приятно удивлять. И вы сами только что дали ответ на свой же вопрос, но не заметили этого. Очки, — он снял их и покрутил в руках. — Они ключ к иному миру. Куда проще понять других, когда знаешь, понимаешь, веришь, что на мир возможно глядеть иначе.

— Не иначе, а похоже, — поправил Оклайн. — Теория параллельной эволюции не опровергнута.

— Ваш вопрос даже нельзя назвать неверным! — Анре свернул записи в трубочку.

Форменные часы с тригонометрической окружностью вместо циферблата пробили.

— С прискорбием сообщаю, что вынужден оставить вас. Уж поздно, а мне ещё предстоит обдумать сегодняшний разговор.

— Как пожелаете. Вы здесь гость. Берегите себя. И, — Эмбар усмехнулся, — приглядывайте за ней. Если Гвардейцев ещё раз победят пивной кружкой, они разбегутся от стыда.

— Не беспокойтесь, мы с Варайном держим её за шиворот. До десяти секунд в день.

Удачи. И доверьтесь воле своей крови, она помнит не меньше ума.

Он пропал, а послевкусие осталось. Слуга принёс несколько фруктов и наполнил графин сладковатой целительной жидкостью. Уникальный рецепт и настолько же уникальный вкус, не говоря о чудотворном действии напитка. Мягко накатывала дрёма, волнами проходила нега.

Эх, вот бы уйти в отставку... Мечты, мечты... Лишь рожденные в багрянце имеют право занимать должность генерал-губернатора и, пусть и неформально, но уйти от армейской рутины. Для остальных приготовлен один путь, и тот вперёд ногами.

— Оф...

— Вы расстроены.

— Утомился. Надо бы вздремнуть.

— Снотворное?

— Сам справлюсь, — отмахнулся он.

Из-под скатерти выглядывал кончик письма, пропахшего духами. Проскользнула секундная задорная улыбка.

Внезапный короткий писк.

— У Отто срочный отчёт. Он просит вас явиться в штаб. Немедленно.

Сон как рукой сняло. Оклайн встряхнулся и сел ровно, моргнул несколько раз, размял пальцы и шею, скривился и пробурчал:

— До моей смены ещё пять часов! Эх...

Либершафт не из тех, кто будет беспокоить по мелочам.

— Иду.

Взглянув на кувшин в последний раз, Эмбар задержался на лишние полминуты.

Старые склады, построенные вокруг врат Правдина в далёкие годы процветания и торговли, вместили бы целую линейную армию, не говоря о крохотной бригаде, которая заняла лишь малую долю пространства. Пришлось строить фальшборт внутри одного из зданий, иначе база получалась ничем не огорожена, настолько тут всё огромное.

За одиннадцать месяцев, которые часть расквартирована тут, было мало происшествий. Изредка накрывали группу фанатиков Белой звезды — человеческих ксенофобов — и ветераны давили их как тараканов сапогами. В размеренные будни робко вливалась мирная жизнь, а вкус у неё — пальчики оближешь! Тут ни воздушных тревог, ни бомбардировок, ни трупов, ни ядов, ни врагов, что мечтают задушить тебя голыми руками. Если бы повсюду распространилась такая благодать, какие времена тогда бы начались!

«Бездна», личный пустоход Оклайна, заменяющий ему квартиру, дом и лечебницу одновременно, стоял на окраине лагеря, вместе с другими самолётами. Но это не значит, что его слабо охраняли. Из-за особой комплектации войск, внутри было настолько сложно провести границу меж авиацией, бронетехникой и десантными машинами, что в итоге всё слили в одно монолитное образование и отдали единственному, кто желал им управлять. Пусть идейность Эмбара вызывала подозрения, в эффективности его не было сомнений. Однако на самом деле имелась куда более тёмная причина держать его живым. Причина, о которой безопаснее не знать.

Левитационная техника, в избытке представленная здесь, — настоящее чудо. Проходя мимо, буквально нутром чувствуешь силу, сокрытую в толстой броне и сотнях тонн керамики, способных равно как на лебединую грацию, равно как и на змеиный рывок. Шедевры, не вписывающиеся в тактику современного боя. Когда сидишь за штурвалом у самоходных

летающих крепостей, сама кровь поёт и кипит, сердце рвётся от наслаждения, а разум затуманивает чувство неодолимости.

Вот они, стоят рядом, проносятся мимо, приходят с патруля. Так как движущихся частей внутри почти нет, то и сотни миль пройденного пути за день никак на них не сказываются. Репульсоры могли бы вечно кружить на просторе, огибая массивные углы и выискивая нарушителей границы. Хотя, за всё время их службы ни одного не нашлось.

Рядом стояли модульные бараки — они пылились тут несколько десятилетий и оказались никому не нужны. Потому армия конфисковала их во имя собственного довольства. Эти колониальные модули в разы комфортнее старых казарм, которые тоже есть на территории: не всё же время тут была пустота! Однако в подвале прорвало трубы, всё затопило и заплесневело. Внутри до сих пор настолько отвратительная атмосфера, что находится там без респиратора решительно невозможно.

Штаб же расположился в старой контрольной башне — аналоге человеческой цитадели на Альфагемоне. Она высилась по правую сторону от ворот, и попасть внутрь со складской базы возможно, не выходя на улицы, что, учитывая местный климат, огромный плюс. Потому-то бригада и расположилась тут, окружив каждый вход и выход блокпостами.

Шпиль разрыва настолько велик, что несколько его этажей попросту пустуют. Там море вычислительной техники, диспетчерских и прочего пыльного хлама, который более никому не нужен. Законсервирован до лучших времён, которые могут и не настать вовсе. Когда-то отсюда управлялся весь грузопоток через ворота Правдина, однако ныне через них проходят лишь поезда снабжения да редкие дипломатические делегации. Последние никогда не задерживаются — пролетают мимо почётного караула, подальше от гулких стен.

Обитаемыми являлись лишь несколько уровней на самом верху, откуда включались сами ворота и где жили офицеры. Там, в одном из пунктов, и разместили штаб.

Когда раскрылись двери лифта, внутрь хлынул слепящий голубой свет. Закат на фоне Зеркального города настолько яркий, что даже фильтры окон не способны его сдержать. Для нечеловеческих глаз Оклайна это не проблема, а вот остальные всегда затемняли линзы.

Но, несмотря ни на что, солнечный вид Альфагемона восхищает: Небоскрёбы, шатры, укрытые в серебро улицы. С орбиты планета напоминает бриллиант, ибо сверкает не хуже своей гигантской синей звезды. Вблизи же красота оборачивается ужасом — не один человек ослеп, желая взглянуть на мир во всей его красе.

Высокий крепкий офицер с рубленными, обострившимися чертами, надзирал за подчинёнными.

— Полковник!

— Сейчас, комбриг, пара мгновений. И...

На стёкла опустились дополнительные шторы, отчего внутри стало куда терпимее. Пусть всё ещё не идеально.

— И это вы хотели мне показать? Не прошло и столетия, как мы починили жалюзи?

— Это сюрприз на завтра, — Отто отдал честь. — У нас кое-что... Неприятное.

— Как будто когда-то было иначе.

— Никогда! — он усмехнулся.

За закрытыми дверями расположилась небольшая комната с голографическим столом.

— Странное дело в Петраре, — он вывел карту человеческого гетто. — Неизвестные... твари напали на гражданских. Полиция в штаны наделала, когда приехала. Требуют нас.

— Пусть зовут Гвардию, — Оклайн сложил руки на груди. — Мы армия, а не стража.

— Те говорят, что раз дело у людей, пусть сами и разбираются. Они вникать не намерены.

— Чёртовы бюрократы. Ладно. Тогда это наша забота. Что за твари? Животные?

— Не похоже.

Он включил обрывочную запись. На ней нечто, похожее на... обезьяну прыгало и убивало всех подряд на тёмной улице. Единственный нормальный кадр получился, когда она оператора порвала. Тогда удалось разглядеть хоть что-то, кроме пары горящих глаз. Оклайн поморщился. Правоохранители засняли только последствия — разодранные трупы, кровь и мешанину из плоти.

— Да уж...

— Таких уродов ещё поискать надо.

— Сафф, предположения?

— Генетически измененный организм. Возможно, природная агрессивность и искусственные органы для нанесения наибольших увечий жертвам.

— Ксеноморф?

— Именно.

Это уже проблема. Мало того, что на выращивание такого нужны немалые умения и средства, подобные эксперименты запрещены Галактическим советом, все государства подписали конвенцию. Если окажется, что к созданию причастны люди, будет тот ещё скандал. Лучше взять дело в свои руки и засекретить, пока деловитые генералы Гвардии или кто похуже не успели первыми.

— Известно, куда оно направилось. Камеры, следы, слухи?

— Полиция отследила его до одной из квартир на нижних уровнях. Они там сейчас дежурят, заходить внутрь боятся.

— Высылай два взвода, отряд очистителей и штурмовую группу. Пленных — брать. Оцепим всё с помощью дронов и прогоним этих чудаков в синем, пока тварь их не учуяла.

— Вы хотите поймать это? — он указал на стоп-кадр. — Я в первых рядах!

— Нет. Вы останетесь здесь. Нельзя привлекать внимание. Пусть думают, что у одного из баронов сбежала домашняя зверюшка.

— Сэр, есть, сэр! — без капли сожаления подчинился Отто.

Группа собралась за десять минут и вылетела на закат. Когда-то Петрара, так же известная как Торговый квартал, кипела жизнью. Выстроенная в кратчайшие сроки лучшими архитекторами Земли, она наполнилась магазинами, дорогими апартаментами, аристократами и торговцами. Многие производилось прямо на месте, тут имелась своя биржа, свой банк и филиалы крупнейших человеческих компаний. Всё, что проходило через врата, оформлялось именно тут.

Однако Совет наложил эмбарго на Союз. Торговля умерла. А с ней умер и район. Кто мог, уехал, а оставшиеся влачили и влачат до сих пор жалкое существование. Предприятия закрылись, офисы опустели. Мраморный блеск улиц пожелтел, покрылся мусором и склизкой плёнкой жира. Так как продажа практически любого товара была нарушением закона, а брать на работу чужаков никто не спешил, Торговый квартал стал рассадником преступности. Со временем мидду всё же приняли людей, однако пересекаются культуры крайне редко, обычно только ради дела, после чего сразу же расходятся. Для длительных отношений меж сторонами слишком много претензий.

На самом деле барьер меж старыми районами Альфагемона и новыми настолько

острый, что его разглядеть можно невооружённым глазом. Отряд как раз его пересёк — по одну сторону белые шатры, и прямые, строго продуманные улицы, а по другую — выполненные в брутальном, монументальном стиле человеческие стены, похожие на лабиринт. В общем и целом, сам мир похож на ущелье, просто расстояние меж зданиями в гетто меньше обычного. Когда-то от одной стороны до противоположной тянулись мосты. Теперь их нет.

Солнце село. Мрак опустился на мир. Зажглись ночные огни, народ высыпал на улицы, радуясь вечерней прохладе. Плохо. Очень плохо. Лишние свидетели.

Отряд на БТР без труда добрался до цели — небольшой «норы», в дальней части которой и располагалась квартира. Полиция помахала коллегам и тут же смылась. Тем не менее, Оклайн просмотрел лицо каждому — все люди. Хорошо. За пределы Петралы не выйдет ни один слух.

— Лейтенант, оцепите всё. Не подпускайте гражданских и подготовьте штурмовую группу.

— Так точно.

— И пусть зарядят огнемёты. Неизвестно ещё, как эту тварь убить.

Снаружи жильё ничем не отличалось. Разве что дверь слегка приоткрыта. Эхо не дало ничего — будто стены увешаны коврами, а комнаты заполнены мягкой мебелью.

— Не нравится мне это, — пробормотал Отто.

— Высылайте дрона-разведчика.

Небольшой, размером с чернильную ручку, аппарат поднялся в воздух и проник в щель. Прихожая — ничего особенного. Однако дальше.

— Что. Это. Такое? — скривился Либершафт. — Мясо?

Стены будто поросли живой плотью. На них даже были пульсирующие сосуды. Кое-где покров слезал, обнажая волнистую, похожую на красную карамель, поверхность.

— Сафф?

— Анализирую. Требуется взять образцы.

— Позже. Сейчас нужно найти тварь.

— Если она тут одна. И не сбежала.

Медленно. Чтобы не привлекать внимания. Дальше. Вглубь.

Перед объективом возникла крепкая, покрытая хитином грудь. Искатель тихо поднялся до уровня глаз. Человеческих глаз. С зеленоватого экрана они смотрели прямо в душу.

— Это... Это создано из человека?! Мерзость!

— Сафф?

— Имеются совпадения. Провожу диагностику.

— Что? К чему?

Хотя Оклайн уже догадался, о чём речь. В левом боку закололо.

Связь внезапно оборвалась.

— Это другая! Их минимум две!

— Лейтенант, включайте музыку.

Кроме тепловых, каждый прожектор погас. В звенящей тишине заиграл лёгкий джаз.

Ничего. Сначала ничего.

Трёхпалая кисть обняла косяк.

— Берём живьём.

Наконец тварь показалась в полный рост — под два метра. Голая рыже-коричневая

кожа с фиолетовым отливом хитина. В существе явственно чувствовался людской дух, однако нечто настолько его изменило, что кроме пары внешних сходств ничего не осталось. Двигалось оно медленно, опираясь на костяшки, не моргая, глядя на динамик. По всём казалось, что работа над ней не завершена — по всему телу имелись перекосы, выросты, обрубки, торчащие шипы и похожие на длинные слипшиеся волосы колтуны.

— Группа штурма, приготовьтесь.

Сержант включил тазер. Нечто дёрнулось. Поздно. Шоковый патрон вызвал дикие судороги.

Ловчий подлетел на ранце и ухватил монстра мэнкетчером за шею. Короткую, толстую, но всё ещё человеческую. Пока отделение запихивало тварь в переноску, штурмовики вломились внутрь. Светошумовая, осколочная. Пара секунд тишины.

Вдруг щит легионера ринулось мясо. Да ещё и с такой силой, что тяжёлый экзоскелет встал, упёршись в землю стабилизаторами. За выстрелом из картечной пушки начался дикий вой. Один из уродцев попытался пролезть в щель под скутумом, но оказался сначала прижат им, а потом раздавлен керамическим сабатомом.

Через пару минут всё кончено. Четыре трупа и один пленный. Тот ещё брыкался, но из клетки ему не выбраться.

Как ни странно, небольшой участок стены в дальнем конце остался чист от поросли. На нём кровью написано:

— Вам не жить.

— Это твари написали?

— Может быть. Чем дальше, тем хуже. Обыскать всё...

— А-а-а!

Из-под пола вырвалась ещё одна особь. Повалила солдата со спины. Рванула к выходу.

— Огонь!

Огонь оказался буквальным. Струя липкого пламени охватила тварь. Взвизгивая, та кинулась на баррикаду. Один выстрел в упор кончил дело. Хотя ещё несколько минут тело догорало, пока не стало кучкой пепла.

— Обыскать всё. Каждый сантиметр. Отвезите пленного на базу в отсек для допроса.

— Мы притащим это сюда?

— Именно. Соблюдайте протоколы биологической опасности. Сафф?

— Предположительно — вавилонский паразит. Уровень угрозы максимальный. Требуется зачистка зоны и уничтожение всех носителей, а также всего затронутого биоматериала.

— А что карантин?

— Не нарушен. Илия не обнаружена сторонними пустоходами. Никто не покидал систему и не входил в неё. Датчики «Вавилона» подтверждают.

— Ладно. Отто, наведите порядок. Пока ничего не сжигать. Мне нужно срочно переговорить с Хельмутом. Высший приоритет.

— Выполнено... Ответ положительный. Вас ждут.

— Уже?

— Он времени зря не теряет. Не чудите здесь.

— Обижаете, сэр, — наигранно тоскливо ответил Отто.

Комната связи находилась буквально в паре шагов, однако этого хватило, что прикинуть масштаб подкреплений и самого бедствия. Да что его прикидывать, если своими глазами

видел последствия!

В зале погас свет. Зажегся глаз лазера-сканера. Проявился высокий худощавый тёмно-зелёный мундир с генеральскими погонами — широкой и двумя малыми золотыми полосами — и поправил фуражку.

— Линейный генерал, — отдал честь Эмбар.

— Бригадир, что там у вас происходит?! Я только что получил запрос максимальной важности!

— У нас ЧП. Обнаружено заражение вавилонским паразитом в человеческом гетто, — Оклайн провёл по панели. — Пересылаю предварительный отчёт. Масштаб и источник заражения неизвестны. Необходим карантин. Запрашиваю подкрепления. Четыре пехотных батальона и двадцать восемь групп разведки.

— Сколько?

— Тут десять миллионов душ. Мы обязаны сохранить их и уберечь чужаков!

— Подождите.

Он проглядел видеозапись и выводы. Келлер никогда никуда не спешил, особенно, если дело касалось его подчинённых. Редкая заботливость.

— А что Гвардия?

— Предположительно, о заражении знаем только мы и отряд полиции гетто. Других данных у меня нет.

— Максимальный уровень угрозы... Даже не знаю, имеем ли мы право вмешиваться.

— В прошлый раз паразит уничтожил целую колонию. Купировать заражение необходимо как можно быстрее! — Оклайн стукнул ребром кисти по ладони. — Лечения до сих пор не придумано. Единственный выход — уничтожение.

— Боюсь, я ничем не помогу без разрешения свыше. Сами понимаете, если мы что-то натворим, дипломаты с нас головы снимут. Я передам запрос дальше по цепи. Пока действуйте по ситуации. В пределах разумного. Впрочем, в вас сомнений нет.

— Благодарю.

— Как только появятся данные, извещу. Правдин, конец связи.

Выходя из связной, Эмбар стал бродить кругами, бормоча под нос. Вопросы, вопросы, вопросы. Откуда, куда, зачем и почему? Где источник? Насколько всё плохо? Действительно ли нашли заражение случайно, или оно только сейчас дошло до зоны врат? Есть ли уже заражённые на других мирах? И самое главное — не является ли происходящее чьим-то замыслом?

— Внимание! — прогремел громкоговоритель. — Вход в тюремную секцию ограничен! Для проведения техобслуживания необходимо получить разрешение от командования бригады! Разрешение нужно получать за неделю до посещения! После посещения тюремного блока обязательная дезинфекция! Объявляется биологическая тревога первого уровня! Конец сообщения!

— А вы, гляжу, уже сработались.

— Какие времена, такие и люди, — пожал плечами Отто. — И что нам с этим делать?

Тварь посадили в камеру, но та не желала успокаиваться: скакала, визжала, била стекло.

— Сафф?

— Мне необходимо оборудование.

— На «Бездне» есть. Там же есть принтер. Распечатаем исследовательских ботов и возьмём пробы. Полковник, поможете Саффу, я же разберусь с разведкой.

— Так что с тылами?

— Пока не знаю. Мы сами по себе.

— Ох, люблю я проявлять инициативу! — хрустнул он костяшками.

Оклайн усмехнулся в ответ. У него уж готов план.

Во-первых, восстановить диспетчерскую базу — в своё время она обрабатывала тысячи терабайт информации обо всех поступающих грузах, поездах, разгрузке и статистике — теперь же справится с иной задачей. Пока инженеры сдували пыль, срывали брезенты и перебирали кристаллы, собирался отряд для похода к центральному управлению. Это, во-вторых.

Когда-то оно использовалось для слежки и выявления инакомыслящих, с которыми немедленно расправлялись со всей жестокостью, распиная прямо на входной двери. Однако, когда Союз потерял интерес, финансирование урезали и полиция переехала, бросив непосильный актив на произвол судьбы. Пусть у посторонних нет доступа к нижним уровням и сети слежения соответственно, однако само здание заселить им никто не мешал. Ныне там грязный, вонючий, гадкий притон, который пора давно вычистить.

Внизу царил упорядоченный хаос. Следуя приказам начальства, солдаты строились, грузились, занимали посты. В качестве сопровождения пойдёт отделение из трёх танков — возле командной машины уж суетился Себастьян.

— Полковник!

Он занимался хозяйственной и технической частью, а также всякого рода контактами с поставщиками. Сложно сказать, как и с какими, но он всегда доставал дефицитные детали. Третий человек в бригаде, пусть и не настолько авторитетный, от этого не менее важный.

— Ваше высокопревосходительство! Наконец! — он проковылял и указал на данные с планшета. — У нас проблемы с матчастью.

— Что на этот раз?

— Прошу прощения. Нам не хватит людей на патрулирование всего района.

— Не беспокойтесь, скоро придут подкрепления.

— Тогда нам негде их разместить.

Об этом Оклайн не подумал. Действительно, если казармы непригодны, а вокруг лишь пустые склады, в которых нет ничего, кроме эха...

— Разместим в палатках. На первое время хватит. Обнови заказ, руководство одобрит. Разберёмся потом, у меня мало времени.

— Уже. И, бригадир, наверное, придётся перевезти компьютеры из полиции, у нас проблемы с ПО.

— Сделаю, что смогу. Перепишите все припасы. Быть может, дело дойдёт и до планетарного карантина.

Себастьян кивнул.

— Внимание! — прозвучало объявление. — Всем офицерам среднего звена, не занятым в приготовлениях, немедленно прибыть в штаб бригады! Сержантам провести инструктаж по биологической угрозе и её противодействию!

— Вот и отдохнули, — недовольно проронил Себастьян.

— Разве могло быть иначе?!

Изнутри репульсор настолько же прекрасен, как и снаружи. Небольшая коморка внутри четырёхсот пятидесяти тонн керамики, металла и пластика — самое защищённое место в мире. Удобное кожаное кресло, изготовленное специально под пилота, экраны и

голограммы, а также развитый нейроинтерфейс. Для управления всем огромным арсеналом машины достаточно лишь подумать.

— Майор, выдвигаемся!

— Так точно! Третья и четвёртая роты, вперёд!

На высоте птичьего полёта они пронеслись над грязными трущобами к бывшему центру района. На против них светился дворец градоначальника, который формально ещё подчинялся Союзу. По другую же сторону улицы горело, но уже другими огнями, бывшее управление безопасности, окружённое аурой кутежа. Похоже, у них какой-то праздник.

Не сбавляя темпа, отряд высадился на площади, разгоняя людей предупредительными.

— Внимание! Говорит бригадир Эмбар Оклайн, 408-я бригада Равенны! Именем Земли немедленно покиньте здание! Или мы проведём штурм!

— А тебе моя сестра не нужна?!

У него язык заплетается?

— Это первое и последнее предупреждение!

— Да пошёл ты!..

— Майор! Штурм!

В тот же миг легионеры открыли огонь по всему, что движется. Вылетали окна, тела разрывало на ошмётки. Танки и БТР поддерживали стрельбой из противопехотных средств, однако не использовали тяжёлое оружие. Пока.

— И это всё?! Сдавайтесь!

— Тебе не видать моей шкуры! Тварь!

— Продолжаем!

Через окна штурмовики вломились внутрь. Загремели гранаты. Засверкали выстрелы. Крики. Через пять минут всё стихло. Вторая часть группы оцепила здание и расстреляла всех, кто пытался проникнуть внутрь или выбраться наружу. На что они надеялись?

— Тут чисто, бомб не обнаружено.

— Принято, я выхожу.

Нутро управления — апофеоз безвкусицы. Бедняцкая роскошь торчит из каждой щели, которая ещё не залита кровью. Дорогущие ковры, картины, статуэтки из золота навалены в кучу без соблюдения стиля или просто банальной эстетики. Надо показать, что мы богаты. Что мы имеем деньги!

Правда, они не сильно-то помогли. Безынтересно перешагивая через трупы, Оклайн добрался до «тронного зала». Часть стен снесли, создав огромное пустое пространство, заполненное мягкой мебелью, пуфами и дурманящими парами. Сам «лидер» банды лежал неподалёку от трона.

— Что с ним случилось? — спросил он у сержанта.

— Упал, когда спускался, и свернул шею.

— Слава духам.

— Ха! Не то слово.

Оклайн оглядел конструкцию. Золотой стул с белой шёлковой обивкой, стоящий на нагромождении подушек и нижнего белья. Преимущественно, женского.

— Уберите это.

Позади оказалась толстая керамическая дверь, на которой явственно виднелись следы взрывчатки и неудачного взлома. Открыв встроенный ноутбук, тоже весьма подержанный, Эмбар ввёл команду активации.

Соединение с сервером... Ожидайте... Соединение установлено. Подойдите к биометрическому сканеру. Личность подтверждена. Разрешение получено.

С бункерным гулом створки распахнулись.

— Сержант, за мной.

Тут не было привычной для остального города роскоши и мрамора — исключительно функциональный дизайн, голые стальные стены и однотонная тёмно-синяя краска с белыми метками. Тут, как ни в чём ни бывало, стоят компьютеры для управления сетью слежения.

Оклайн включил их и провёл диагностику. К его удивлению, работали целых сорок процентов камер, причём показывали качественную картинку, а не замусоренную кучу или огромную кляксу.

— Сафф, у вас всё готово к передаче полномочий?

— Готово. Однако я смогу обработать только часть информации из-за неподходящего ПО.

— Значит, прибавим здешнее к нашему.

— Потребуется время на синхронизацию антенны. В этот период мы не будем получать никаких данных от камер.

— Сколько?

— Примерно восемь астрономических часов.

— Ясно. Но здесь их оставлять нельзя. Передаю полномочия.

Экран погас, знаменуя завершение работы.

— Есть контакт. Операция прошла успешно.

— Возвращаюсь в штаб. Майор, вывезите отсюда всю технику! И ни в коем случае не повредите кристаллы! — он прервался на минуту. — И вывезите все ценности из управления.

— Нам не хватит техники.

— Себастьян пришлёт ещё вместе с товарищем. Пока сосредоточьтесь на компьютерах!

Они — ваша первостепенная задача.

— Приятно. Выполняем.

Оставаться тут нет смысла. Доступ получен, контроль передан, а уж описать имущество смогут и другие. Он притомился. Хотелось спать. Спать! И как бы поводов бодрствовать не оставалось — да, ЧП, но свежей информации не будет несколько часов, Отто уже распределил обязанности, остался лишь Себастьян, но он только что вышел на смену.

— Либершафт, я закончил на сегодня.

— У меня тоже всё.

— Тогда отдохнём. Утро вечера мудренее.

— Как скажете.

— Сафф, будить только при плохих новостях, и ни в коем случае при хороших!

— Приготовить снотворное?

Оклайн закусил губу.

— Пожалуй, да. Сегодня обойдёмся без снов.

2. Тучи сгущаются

Зачинался новый день, сбросивший новые труды на головы ничего не подозревающих армейцев. Никогда ранее меньший размер отделений не вызывал проблем — теперь же всюду не хватало рук. А ведь суммарно в бригаде меньше голов, чем в двух пехотных полках: цена механизации.

Себастьян времени зря не терял и прикупил за награбленное несколько ЦУ дронов с сопровождением.

— Мидду? — с интересом спросил Оклайн, глядя на грубого, но крепкого робота.

— Именно. Я не стал брать скви, потому что у них всё нужно проверять на слежение. Здесь же за что заплатил, то и получил, — он развел руками. — Я не знаю, что делать. У нас не хватает всего, кроме еды и снарядов. И теперь так или иначе когда-нибудь кончатся.

Они прошли блокпост и поднялись в башню.

Створки лифта закрылись.

— Варианты?

— Предлагаю залить несколько нижних уровней бетоном. Эти тоннели нам всё равно не понадобятся, а учитывая нашего врага, они даже вредны.

— У меня нет полномочий.

— Я продолжаю искать механическую замену.

Одна из старых диспетчерских заиграла новым светом — вычислители почистили, подновили и направили на дело. Они, будто радуясь окончанию простоя, радостно перемигивались оранжевыми огоньками.

— Мы синхронизировали кристаллы, теперь всё работает как часы.

— Успехи?

— Только это.

Десятки надписей. Свежие. С подтёками.

Мы отведаем вашей плоти. Вам не победить. Подчинитесь Его воле. Смерть! Смерть Смерть! Мясо, сочное мясо. Мы вас ждём. Иди сюда! Мы знаем...

Возле некоторых лежали разможенные трупы. Приглядевшись, можно различить подчёрк — везде он разный, а кое-где безграмотный. Пытаются запугать? Слабо.

— А сами твари?

— Ничего.

— Наверное, они скрылись, когда мы сожгли квартиру, — предположил Себастьян.

— Долго прятаться не получится. Пленный?

— Ведёт себя крайне агрессивно. Запрашиваю разрешение на проведение первого опыта относительно мыслительных способностей.

— Я хочу увидеть.

— Разумеется.

Он спроецировал на линзы запись. Днём обитатель камеры казался куда уродливее, чем ночью, но и страха перед ним поубавилось. Просто огромное уродливое животное, внешность которого нацелена на запугивание гражданских и ополченцев. Психологическое оружие. Однако на профессионалов произвести впечатление куда сложнее.

— В углу находится резиновый коврик. Я поведу пол под лёгкое напряжение. Действия особи покажут её мыслительные способности и опыт.

— Приступайте.

Тварь прыгнула. Раз-другой. Помчалась на чёрное полотно и уселась там, злобно воя.

— Хм, умно.

— Так как особи способны писать, а также во время предыдущей вспышки демонстрировали значительный интеллект, предполагаю наличие у них значительной опытной базы. Опыты с электричеством наиболее занимательны. Интересно.

— Ты не сможешь определить верхний предел их интеллекта?

— Для этого желательно наличие группы подготовленных исследователей с подходящим оборудованием.

— Увы, здесь нам остается только ждать.

— Ваше высокопревосходительство, — прервал их Себастьян, — я просмотрел данные по энергосети города и нашёл кое-что интересное. Один старый завод на нижнем уровне Петрары потребляет полный пакет.

— И что в этом странного?

— То, что он закрыт уже полвека.

Самое время скосить глаза влево.

— Подтверждаю. Данный факт невозможно логически объяснить. Преступная группировка никогда бы не смогла использовать столько энергии. Заглянуть внутрь невозможно за отсутствием приборов слежения.

— Отделение разведчиков туда. Я наверх. Себастьян, у меня есть одна идея, но на неё потребуется время. Пока обходитесь своими силами.

— Так точно!

После полуночной мобилизации жизнь в шпале текла вяло. И дело не в старании, а в офицерах — заместители все в поле, одни радисты, аналитики, да служба РЭБ на месте.

— Бригадир, — отсалютовал Отто. — Вы только поглядите!

Он указал на новостной экран. Ночные волнения, дым, пожар, ор и снующие туда-сюда чужаки. Полнейшая неразбериха и кровь.

— Экоактивисты разгромили все рестораны на своём пути, поваров жестоко истязали и подвешивали на мясницких крюках, — будничным голосом читал ведущий.

— Это же кафе лидаро, — пробормотал Либершафт. — Я думал, они вегетарианцы?

— Так и есть.

— На законное требование Гвардии остановиться, протестующие ответили агрессией. После чего правоохранители открыли огонь на поражение. В настоящее время известно пятьсот шестьдесят погибших и почти пять тысяч раненых. Командующий Гвардии, генерал Лисперакс, так прокомментировал действия своих подчинённых:

— Мы уважаем чужое мнение, но доносить его подобным варварским методом нельзя! Гвардия создана ради защиты порядка на Альфагемоне, и мы будем его защищать любыми методами! Тех участников протестов, кого ещё не арестовали, неизбежно поймают! Ради безопасности народа солдаты Гвардии теперь будут патрулировать улицы и стрелять на поражение в тех, кто прямо нарушает закон, вне зависимости от тяжести преступления!

— Похоже, не только у нас была адская ночь!

— Нам бы их проблемы.

— Да ну! Я солдат, а не каратель. А вот людей у них правда до кучи!

— Думаешь, будут патрулировать всё? Нет, их выставят в богатых кварталах, чтобы других не пускать. Как говорил Уилбсон: «Бедняки всегда в чём-то виноваты».

«Зато Раекка будет в безопасности.»

Брр... Он встряхнулся, отгоняя непрошенные мысли.

— Лишь бы нам не мешали.

— До Петрары им дела нет. Как там разведка?

— Уже на подлёте.

Старая фабрика находилась на самом нижнем уровне, являясь первым этажом для огромной секции жилой стены, отсюда похожей на склон каньона. Свет солнца проникал на полмили вглубь лабиринта лишь в полдень, а дно вокруг усеивал мусор, перемежающийся гадкими озёрами нечистот и гниющего жира.

Замки на дверях целы. Даже странно, что мародёры пропустили такой куш!

— Запустите искателя через вентиляцию.

Робот пролетел через неработающий, поросший паутиной вентилятор, и упёрся в странное... нечто.

— Похоже на хитин.

— Вот мы и нашли их. Собирайте очистителей, выжжем тут всё.

— А образцы?

— Сафф?

— У меня есть всё необходимое.

— Значит, жжём.

— Да будет пламя!

Внезапно дыхальце раскрылось, засосав разведчика с потоком воздуха. Машина будто оказалась совсем в другом месте — металлическая труба сменилась на блестящую, будто горящую алым светом изнутри, карамель.

Медленно добрался до цехов.

— Богу душу мать! Что это за хрень?!

Каждый сантиметр покрыт трепещущей плёнкой. Во мгле перебирали острыми ногами существа, похожие на тараканов. Булькали старые котлы, время от времени оттуда выбиралось новое склизкое нечто, и тогда прислуга хватала ещё один труп со дна пещеры и кидала в мутную жижу. В дальнем конце трепетала тёмная опухоль огромных размеров, будто готовый прорваться кокон. К нему, как к алтарю, подходили человекоподобные твари и замирали в религиозном экстазе, чтобы потом разорваться диким воплем от которого встают дыбом перья.

Стены сокращались, будто огромная кишка, выдавливая новые порции карамели. Во время их натуги флуоресценция прерывалась. И тогда шипение и вой начинались с новой силой. Раз за разом, цикл за циклом.

Оклайн потёр похолодевшие пальцы и сказал:

— Отправляйте туда батальон. Немедленно.

— Может, два?

— Нет. Много. Выжжем всё к чёрту. Выдать всем пиррогеновые заряды и по шесть гранат. Сафф?

— Снос невозможен из-за конструктивных особенностей.

— Значит, придётся бить по одному.

— Это на чём они так разъелись?! — Отто прищурился. — Всё на нас?!

— Гипотетически, весь биоматериал имеет человеческое происхождение. Энергию для реакций организм брал из общей сети.

— Как долго?

— Утечка появилась пять лет назад.

Они переглянулись. Пять лет... Насколько инфекция распространилась за этот срок? Сколько миров пострадали от неё?! Сколько поколений паразита успело смениться?!

— Чёрт...

— Как мы это допустили?

— Это не наша вина, сэр.

Батальон оперативно развернулся за пределами фабричной ограды. Дальше путь преграждали непроницаемые вонючие лужи и горы мусора, что запросто проседали в себя. Обдумав положение секунд пять, Эмбар отверг план фронтальной атаки как неподходящий.

— Что насчёт заднего хода?

— Завал, — ответила разведка.

— И как же они выбирались, если двери заперты? — потёр губу Отто. — Прорыли ходы?

— Майор, вас могут обойти, предупредите солдат.

— Так точно.

— Фугасом?

Оклайн задумался.

— Что будет, если мы отключим завод от сети?

— Организм погибнет в кратчайшие сроки.

— Мы можем сделать это удалённо?

— Разумеется. Вся городская сеть под нашим контролем.

— Что вы задумали?

— Проверим интеллект. К слову, что это за лужи такие, что в них дна не найти? Дыры на нижний уровень?

— Вероятнее всего. Так как в других местах их нет, предполагаю, что они созданы искусственно.

— Защита?

— Вы уверены? Эти звери вряд ли два и два сложат, а вы про засаду!

— Я думал, вы не окажитесь от рыбалки?

— Глушим рыбу динамитом? — Либершафт усмехнулся. — Проверим, что там водится в мутной водичке!

— Осторожно, предполагаю, что жидкость может быть огнеопасна.

— Тем веселее! Ха! Итак, командир, какой план?

— Старый монорельс ещё работает?

— Да.

— Пусть на него загрузят взрывчатку. Заминировать главные двери и облить тут всё напалмом. Разведка, следите за периметром! Не подпускать гражданских и прочих личностей!

— Да тут их и нет.

— Всё может быть.

— Нам нужно вычислить объём воздуха на заводе, — предложил Отто, — и устроить объёмный взрыв.

— Слишком рискованно.

— Если выбьем входную дверь, давление не превысит потолок.

— В идеальном случае, — ответил Сафф, — вы были бы правы. Однако нужно учитывать состояние конструкций и возраст фундамента. В данном случае они влияют отрицательно на общий результат.

— Не будем взрывать — выкурим, — Оклайн указал на цистерны с полустёртой надписью. — Проверить содержимое!

Нефть. Под большим давлением, чтобы не испарялась.

— Ой, — рассмеялся Отто. — То-то будет!

— Вы готовы бросить в печку чёрное золото?

— Спрашиваете ещё?! Сэр, вы гений! Погрузим их на монорельс, заминируем, и подорвём внутри! Кислород выгорит за минуты! Они попрут наружу, тут мы их и накроем!

— Подождём окрестности.

— Из огня да в полымя?

— Именно так, полковник, именно так! Пожар не уничтожит биомассу, поэтому отключим свет. Более того, мы можем захватить ценные образцы. Сафф?

— Вычисления завершены. Ваш план реализуем.

— Великолепно. Командуйте, полковник.

Отряд взломал замок ворот монорельса, сам состав загрузили старым краном до максимума и поставили заряд на каждую цистерну. Осталось занять лучшие позиции — наверху, на балконах завода по соседству и у его дверей — и отдать машине приказ.

— Ха-ха-ха!

— Что такое, сэр?

Состав двинулся по щелчку пальцев.

— Как?

— Вы забыли, где мы? Я же подключён ко всем системам штаба.

— Ха-ха-ха! Точно!

Поезд прошёл через заводские ворота на втором этаже. Пара секунд ожидания. И... Взрыв! Сырьё разлилось, чадя, выжигая бесценный воздух. Изнутри хлынул едкий чёрный дым — Сафф отключил питание. Тут же вся огромная масса плоти умерла, оставив тварей взаперти. Тех, кто пытался выбраться, отстреливали на месте.

Пора взрывать главный ход, пока они не нашли другой. Не все, но многие ринулись к нему. Очистители подожгли напалм. Волна пламени разошлась по земле, завизжали, захрипели камни, из-под которых выползали обожженные существа.

— Засада?! Так это была засада?! Что же они ничего не делали?!

— Ждали, когда мы пойдём напролом, — предположил Оклайн. — Они умнее, чем я думал, но тупее, чем могли бы быть. Кончайте их.

— Майор, глушите рыбу!

Прудики разлетелись горящими каплями. Они светились в полумраке пожара, разгоняли на миг едкую муть, в которую обратился воздух, и падали в маслянистый смог. Всплыло ли что-то в ответ — не понять. Всё заволокло, жар добрался до противоположных стен. От суши трещал бетон, оплавлялся металл. Лишь серебристые скафандры огнемётчиков будто светились в огне, словно ангелы чистоты и разрушения.

— Сомневаюсь, что хоть что-то смогло выжить.

— Сафф, сообщи в сеть, что во время ареста преступной шайки те подожгли запасы нефти со склада. Это привело к сильнейшему пожару. Военные уже приступили к тушению и разбору завалов.

— Так что, уже всё?!

— Нет. Пусть прогорит. Я пока доложу Хельмуту, а вы проследите за порядком.

— Так точно!

***

— Засада? Вы уверены? — генерал недоверчиво покосился на отчёт.

На руке его блестел изумрудный перстень — в последнее время они стали крайне популярны, последний писк моды. Парочка просочилась и в состав бригады.

— Именно. Они умнее, чем кажутся. Проблема во времени. Пять лет — большой срок инфекция наверняка распространилась на весь Альфагемон или даже за его пределы.

— Вы думаете, и Правдин может быть заражён? — Келлер потёр лоб. — Это всё меняет. Совбез обязан принять меры для защиты Человечества!

— Сомневаюсь насчёт Правдина — товарообмен мал. Однако насчёт мер вы правы. Если бездействовать, то Земля окажется в опасности.

— Я немедленно доложу. И проведу проверку у себя. Нельзя допустить распространения инфекции. Пока ваш статус сохраняется.

— Принял. И прошу, если предоставят подкрепления, пусть выдадут дополнительных рабочих. У нас не хватает рук.

— Учту в заказе. Правдин, конец связи.

Продолжаем. Теперь, когда первый крупный рассадник уничтожен, настало время укрепить тылы. Возможно, планету отправят в карантин, поэтому на Союз рассчитывать не стоит. Нужны собственные источники, и неподалёку есть потенциальный кандидат.

— Сэр, — отвлёк от размышлений Сафф.

— Что такое?

— Пленная особь странно себя ведёт.

Он спроецировал изображение на линзы. Тварь стояла на месте и не двигалась.

— Что с ней?

— Неизвестно. Предполагаю, разорвана телепатическая связь с надмозгом.

— То есть то, что мы уничтожили...

— Было командным центром их сети в районе. Предполагаю, поведение сменилось на животное. Нужно ваше разрешение для проведения опыта.

— Действуй.

Машина ударила зверя током, и тот тут же вспрыгнул и с воплями поскакал по клетке. Полы под напряжением, били везде, кроме небольшого резинового коврика. Будто огромная уродливая обезьяна, тварь забралась на него и притихла.

— Животное поведение.

— Они резко отупели.

— Мне потребуется время для анализа ситуации. Предполагаю, что мы остановили развитие заражение в Петраре на некоторое время. Я проведу дополнительные вскрытия замороженных образцов.

— Есть данные по уязвимостям?

— Несколько точек, однако они отличаются от особи к особи. Мне потребуется больше материала для составления алгоритма наведения.

— Понял. Жаль. Нам бы онигодились, — он закусил губу. — Помнишь те схемы левитационного завода, что я тебе дал пять лет назад?

— Я ничего не забываю.

— Приготовься, мы развернём один такой.

— Откуда мы возьмём модуль автокузницы?

— В окрестностях есть несколько.

— Поясните?

— На месте поймёшь. — он включил рацию. — Себастьян! Соберите два отделения инженеров!

— Все заняты.

— Тогда снимите! Это ненадолго, нужно лишь перепрограммировать один завод.

— Завод? Как скажете.

— Возьмите пару БТРов, на них за пять минут доберёмся.

— Мне кажется, я понял, о какой автокузнице идёт речь.

— И?..

— Напоминаю, что за использование собственности корпорации без введения военного положения положена смертная казнь.

— Не обязательно, если армия компенсирует расходы.

— В данном случае подобное невозможно.

— Это как посмотреть.

А посмотреть было на что — огромный комплекс «Трезубца», главного и единственного производителя оружия в Союзе и второй по цене корпорации галактики, блеснул под синими лучами Аарана. Огромные бронзовые модули кузницы, похожие на усечённые пирамиды, застыли в горячем воздухе. Их уникальные системы обеспечивали превращение сырья сразу в готовый продукт без участия людей с максимальной эффективностью и минимальными затратами энергии и времени. На самом деле, они почти не отличались от тех, что изобрели на Старой Земле, поэтому Оклайн мог бы примерно объяснить суть их работы.

Внутри использовались поля — гравитационные или магнитные — для сепарации, нагрева и придания формы. Такая машина способна без отливки превратить кусок железа в клинок, который ещё и будет в разы прочнее обычного. Единственным ограничением были химические реагенты, объёмы сырья и размер: модуль кузницы всего тридцать на тридцать метров по периметру и двадцать восемь в высоту, что компенсируется возможностью пристройки дополнительных систем ценой мобильности.

Однако давно был разработан способ обойти ограничение. Построен был всего один опытный образец — Краулер, — который шёл на гусеничном ходу при облегчении массы. Последующие же проекты, так и не включённые в колониальный набор чертежей, подразумевали полную левитацию.

Так как Оклайн непосредственно участвовал в разработке всего, основанного на левитации, у него остался проект. Вместе с Саффом они перевели черновой код в полноценный и оформили по стандартам Союза.

Теперь, глядя на ближайший модуль, Эмбар предвкушал воссоздание давней мечты.

— Так что нам делать? — блеснул отражателем Себастьян.

К ним подлетел робот-охранник.

— Внимание! Данный объект находится в собственности ЗАО «Трезубец», просим посторонних покинуть территорию!

— Модуль автокузницы № 7 переходит во временное пользование к Армии

человечества. Приказ бригадира Эмбара Оклайна. Личный номер ОЗ-000-000-000-000-017 номер флотского навигатора «2590».

— Информация о ваших действиях направлена ЗАО «Трезубец». Ожидайте...
Разрешение получено. Передаю протокол управления.

— Себастьян, нужно перепрограммировать кузницу для выполнения этой команды, — он передал флешку с планом. — Расширение не входит в стандартный проект, поэтому придётся вписать его вручную. Пусть твои инженеры отключат модуль от комплекса и запустят его отдельно, а потом следуют командам Саффа.

— Принял!

Они несколько минут наблюдали за пытением техников, как Себастьян спросил:

— Ваше высокопревосходительство, у нас же нет сырья? Из чего мы изготовим припасы?

— Не беспокойтесь, всё продумано.

— Нам потребуются люди...

— Не потребуются. Разве что на сопровождение.

Модуль загудел и оторвался от земли.

— Ох! Вот это да!

— Вы ещё всего не видели. Сафф, направь его на те развалины!

Оклайн указал на руины на границе складской зоны. Когда-то всю округу врат усеивали как небольшие заводики, так и огромные колоссы, кусочек которого сейчас беззастенчиво оторвали. Ныне большинство осыпалось или пришло в негодность, и вряд ли их хозяева хоть когда-нибудь вернуться. Эмбарго убило жизнь тут, но дало горы материала на переработку.

Модуль сонно поплыл, как небесная медуза, спустив несколько щупов и усов в поисках ценного металла. Добравшись до обгорелого цеха, он запустил внутрь хвататы и принялся пожирать всё ценное. Машина гудела, выбрасывала огни, бортики раскрывались, а откуда выглядывали дополнительные модули. Раз за разом, часть за частью, левитирующий завод собрался из неоткуда. Похожий на огромного омара, он сканировал округу и забирал всё себе, а остатки ровнял с землёй, покрывая ровной керамической плиткой. Внезапно вокруг складов освободилось место для обзора. Если так продолжить, то патрули можно будет сократить.

— Это... Это нечто! — Себастьян наблюдал за полётом, не отрывая глаз. — Но как же имущество?! У него есть владельцы!

— Разберёмся с ними потом. Эта штука спасёт нас от снарядного голода. Только поглядите!

Грузовой дрон с первой партией боеприпасов снялся с гнезда и полетел к складам.

— Через пару дней мы заполним арсенал, заодно и запчасти для репульсоров напечатаем.

— Невероятно...

— Да... Красота!..

— Я зафиксировал сторонних наблюдателей.

— Дай картинку!

Несколько чужаков, не скрываясь особо, разглядывали врата в бинокль. Разумеется, они не могли не заметить огромной летающей конструкции, роющейся в обломках.

— Кто это? — спросил Себастьян.

— Не знаю. Но мне кажется, мы слишком долго стоим на одном месте.

— У нас голографические щиты.

— Поставите на них жизнь?

— Нет. А как мне ей управлять?

— Дайте запрос Саффу. Ты ведь его контролируешь?

— Разумеется. Однако я думаю, лучше создать прямую связь. Я установлю на планшет

ПО для ввода запросов. Чем меньше проходит запросов через мои сервера, тем быстрее.

— Согласен. Продолжайте в том же духе. Я буду у себя.

— Как пожелаете.

3. Варфоломеевская ночь

Генеральские покои на вершине шпиля редко принимали своего хозяина. Не родные они, выполненные в чуждом стиле современной моды серого металла и керамики. С картины высокомерно взирал адмирал Август — под его карающим взглядом тяжело сосредоточится. Как бы то ни было, отсюда открывался великолепный вид на ночной Зеркальный город. Прожекторы палили в чёрное небо, тысячи ламп придавали извитым небоскрёбам синеватый, мистической оттенок. Мелькали среди ночной тьмы катера, гудели улицы, бульвары и аллеи. Где-то начался пожар — протесты продолжились с наступлением мрака. И всё же пейзаж они не портили: он был настолько прекрасен, что пришлось поставить спиной к окну кресло. Однако стоит заметить, что оно вращается.

Лампы погасли. Свет серебристыми линиями падает через полуоткрытые жалюзи на белые листы, аккуратно выложенные по полу. На них кратко записаны статистика, цифры и сводки — сотни чисел, тысячи примечаний шрифтом столь мелким, что обычный человек в упор едва бы разглядел их, а в таком полумраке и вовсе увидел бы серую массу. Однако то — обычный человек.

Стараясь не наступать на бумагу, Оклайн бесшумно ходил по кабинету. Время от времени он бросал взгляд вниз и, находя искомое, кивал тайным мыслям и продолжал бродить. Он считал. Сравнивал. Анализировал. Обобщал. Размышлял. Там, где большинство потеряется, он обязан чётко видеть истину. Там, где многие слепы, он должен быть зряч.

Чем дальше — тем хуже. Владелец покинутого завода платил по счетам многие годы, хотя никто его в живых не видел. От понимания, что его уже давно убили, перья вставали дыбом. Как глубоко проник паразит? Насколько он развился, что оказался способен на хитроумный план? Да, его сознание рассредоточено и медлительно: реакция его насколько длинна, что каждый человек способен будет его обогнать. Но не стоит принимать скорость за слабость. Тем более, сейчас.

Сафф проанализировал ванны биомассы — её состав отличен от трупного, без добавок достичь его невозможно. Оказалось, на пустые как бы уровни автоматическая служба народосбережения продолжала доставлять пайки, которые кто-то получал по карточкам. Кто-то, потому что кроме факта выдачи по нему нет никакой информации — ни кадров, ни звукозаписи, ни фотографии. А ведь подобных пунктов тысячи по всему Альфагемону! Сколько из них превратились в соску с бутылкой для паразита?! Нет данных. Нет и всё. За пределами Петрары — тёмная зона.

Но были и хорошие вести! С завода удалось забрать много образцов: небольшие тоннели под ним наполнились самыми разными образованиями и насекомоподобными рабочими, околевшими после гибели надмозга. Сафф считает, что он был единственным на Петрару, и потому все твари в районе одичали и отупели. Многие ни на что не реагировали, постепенно умирая. Остальные — разбежались.

Отто наконец исполнил мечту — из одной норы вытащили тридцатиметрового червя — он прокладывал путь через ферробетон, втискиваясь в щели и нагнетая внутрь себя жидкость. Гидравлическая сила в итоге разламывала стены и гнула арматуру, освобождая место для колонии. Сейчас труп этой твари препарируют. Уже третий час подряд.

Напоследок, нашлось более-менее действенное оружие. Помимо огнемётов. И с куда меньшим побочным уроном — электричество. Так как твари имели разрозненную нервную

систему, убить их одним выстрелом почти невозможно. Но это компенсировалось колоссальной мышечной массой, её паралич — верная смерть. Себастьян заправил гальванические резервуары для заряда патронов — их сила превосходит базовую оглушающую в несколько раз, поэтому и самим солдатам нужно соблюдать осторожность.

Нужна статистика всего Альфагемона, нужны разрешения, нужны, наконец, известия от Союза! Правительство — занятой орган, но ведь тут ЧС международного масштаба! Они ведь могли забраковать запрос из-за недостаточного ранга отправителя... А если Хельмут просто переслал отчёт, а не написал новый?! Ведь у Оклайна нет прав для прямого обращения!.. Пустое беспокойство. Разумный человек Келлер, не станет такой глупостью заниматься.

— Сафф, принеси сомы...

— Тащи на двоих!

Он медленно обернулся. В тени сидела фигура, закинув ноги на стол и будто невзначай направив револьвер меж глаз Окайна.

— Что, я тоже хочу выпить! — она усмехнулась. — Такой крутой сомы ни у кого больше нет!

— Сидера?

— А кто ещё?! Ха!

Не успел Эмбар облегчённо моргнуть, как она развела пустыми руками, а кобура уже застёгнута.

— Ну, что? Расскажешь, что за враг, зачем электричество и чего хочешь от правительства?

— Откуда?..

— Ты бормочешь, когда думаешь, никогда не замечал?

— Я...

— Да брось! Я уже видела ту миногу, что выловили из канализации! Я подумала, что вы хотите её съесть, поэтому и прибежала на пир. А тут такое!

— Сафф?

— Думаю, настало время паниковать.

— Ты её не видел?

— Нет.

— Так вы будете сому или нет?!

— Давай. Побольше. И зажги лампы!

На свету Наррайн сбросила камуфляж, отчего её тяжёлые латы приобрели белоснежный цвет Варраден с их уникальным алым рисунком — расходящимися от воротника алыми полосами. Они изображали падающие лучи свете во время солнечного затмения, сама звезда рисовалась на шлеме, когда брат или сестра получали титул.

Очевидно, поняв, что в доспехе лучше сидеть как обычно, она сбросила ноги со стола и скинула шлем. Серебристые крохотные чешуйки сливались в пластинки, отчего лицо мидду напоминало вырубленное топором из мрамора. Это обедняло их мимику, однако давало отменную защиту как от песка их родного мира, так и от кухонных ножей. Впрочем, покрыта ими только передняя часть тела, хребет и лопатки — остальное это шершавая, жёсткая, серая носорожья кожа.

— Весёлые деньки, не так ли?! — спросила она с характерным тембром.

— Обхохочешься.

— Брр... Так серьёзно.

— Я думал, а ты меня отвлекла, — он помассировал виски. — Как ты сюда проникла?

— Захотела и проникла! Неужели ты думаешь, что ваши протоколы Союза идеальны?!

Да в них дыр как в стрелянных мишенях! Запомнишь одну комбинацию — она сработает везде!

— Гениально. А теперь второй вопрос — что ты здесь делаешь?

— Ну... — она мечтательно крутанулась в кресле.

— Только не говори, что нашкодила и прячешься от Ура.

— Нет! Ни в коем случае! Никогда... Почти... Он сказал, что моя помощь может быть полезна — на Альфагемоне беспокойно, но запретил выходить за пределы Цитадели. Чтобы я «не раскачивала лодку бессмысленным насилием»!

— Слышал, ты всё же сбежала.

— Инкогнито!

— Тебя пытались арестовать за пьяную драку.

— Эй! Я никогда, никогда не допиваюсь до чёртиков! Помалу — да... Но... Ты никогда не дрался в салуне?! Это потрясающе! Они двигаются как пьяные... Потому что они пьяные! Такого больше нигде нет! Неожиданности, удары, метание кружек, столов, посетителей! Уф! — она легко рассмеялась, почти без акцента.

— А кто-нибудь о твоих похождениях знает?

— Нет, это частная акция! Клянусь!

Значит, правду говорит. Сидера никогда не бросает слова на ветер, и если она что-то пообещала, то выполнит. Даже в ущерб себе и окружающим. Чаще всего в ущерб себе и окружающим.

— Ты хочешь подраться?

— Вот теперь мы говорим на одном языке!

Служебный бот принёс напиток. Нектарный аромат наполнил кабинет, когда сому разливали по стаканам.

— За людей! — поднял тост Оклайн.

— За милосердие! — она отпила. — М-м-м... Вкуснотища!

— Она ещё и лечит.

— Это дело десятое. У меня таких шрамов нет, чтобы постоянно экзоскелет носить, — она замялась, поняв, что слишком резко разрубила правду-матку. — Кхм-кхм... Я бы хотела поговорить о деле.

— Во-первых, откуда ты узнала, что мы тут заняты... кое-чем?

— Этот надутый индюк Аррас притащил записи, что якобы вы люди снова занимаетесь каким-то безумием. В общем, как обычно.

— Варайну?

— А кому же ещё! Но они забыли, что я в Цитадели.

— И ты тут же всё узнала?

— Не поверишь, и пяти минут не прошло, как всё у меня на руках оказалось! Даже проще, чем воровать еду в столовой!

— И что же там было?

— Ничего особенного. Какая-то летающая каракатица, что разбирала завалы, и ещё ваш вчерашний штурм полицейского управления. Сегодня вы объявили, что выжгли ещё одну бандитскую шайку, и я подумала, почему бы не присоединиться? Вряд ли я нарушу так

баланс? Но когда пробралась сюда... Столько всего увидела!

— Боюсь представить.

— Ага! Так чем вы тут занимаетесь? Я никому не расскажу. Если позволишь, я даже постреляю и сломаю пару кривых морд? Идёт?!

— Вряд ли... Если руководство прознает, что ты тут... Я не хочу кончить жизнь в усилителе боли.

— Клянусь, что буду нема как рыба!

— Это их не убедит.

— Как всегда! Тупая бюрократия!

Как же она права! С одной стороны, вряд ли хоть кто-то одобрит вмешательство Варраден, с другой стороны, Сидера действует от своего имени, да и её навыки всегда пригодятся.

— Нужно подумать. В тишине.

— Как скажешь.

Он ходил из стороны в сторону, пытаюсь сосредоточиться. Тик-так, тик-так, тик-так. Часы на стене отбивали свой ритм. Тик-так, тик-так, тик-так. Никак не получалось собраться с мыслями. Разум будто в прострации, ничего путного не приходит.

Воздух натянулся струной, стал холодным, абсолютно прозрачным. Его можно задеть когтем и поиграть как на арфе.

— Ты слышишь? — вдруг спросила Сидера.

— Что такое?

— Писк.

Эмбар прислушался. Действительно. На грани слышимости возник тонкий, протяжный звук.

— Сафф?

— Мои датчики ничего подобного не фиксируют, — он замолк на пару мгновений. — Обнаружена подозрительная активность. Рекомендую принять помощь.

Она радостно оскалилась, показав сантиметровые клыки.

— Ох... Лишь бы я потом не пожалел. Хорошо. Иди за мной.

— Ура! — её крик прозвучал оглушающе в звенящей тишине.

Мимо удивлённой охраны они прошли в голографический зал, где не менее удивлённый Отто бессильно открыл рот.

— А... а откуда?

— Долгая история. Что у нас?

— Вот это...

Он указал на экран. На все экраны. Записи камер наблюдения города. Чудища. Везде. Уставились в упор.

— Сколько их...

— Я фиксирую примерно десять тысяч особей.

— И все они смотрят на нас! Сэр, мне страшно. Я не знаю, почему?! Вы, вы чувствуете это?! До костей пробирает!

— Нет...

На самом деле его охватил ужас — разбуженный улей нацелился на жертву. Но он полностью контролировал эмоции, разве что имелся странный, необъяснимый дискомфорт. Не более. Но Отто... Он побледнел. Когда он снял фуражку, чтобы утереть пот со лба,

обнажил вставшие дыбом волосы. Его руки тряслись, пальцы дёргались.

— Сафф?

— Провожу анализ.

— Смотрите!

Одна из тварей отошла. За ней надпись на стене, кровью: «Мы знаем, что вы там».

— Нас всех убьют! — выкрикнул он. — Простите. Простите! Я не могу себя контролировать.

— Отто, вы ветеран Кризиса Зарты! Эти твари — ничто по сравнению с тем, через что вы прошли! Соберитесь!

— Я... Я не могу!

Вдруг монстры как с цепи сорвались. Камеры полетели одна за другой. Пленённая особь взбесилась и одним ударом разможила голову о стекло.

— Внимание! Патруль нижнего уровня зафиксировал вторжение!

— Они обходят нас через туннели! — Оклайн оглядел схему. — У нас не хватит людей. Отступайте к центральному подъёмнику! Запереть геозатворы! Поднять тревогу! Не пускать их на базу!

Завыла сирена. Зажглись прожекторы. Солдаты в панике заметались. Сталкивались друг с другом, дрожа, забирались в скафандры. Они напоминали не ветеранов, а трусливых ополченцев в первый раз на учениях! Что происходит?!

— Отто! Вы мне нужны! Полковник!

— Пфс... — он сжал челюсти до зубного скрежета. — Вы слышали приказ?! 1-й мотопехотный полк вниз! Круговая оборона! Живо, сопляки, живо! А то тут нюни развесили! За человечество! Ультима Туле! Живо, живо, живо!

— Фиксирую движение во всех восьми туннелях. Волна движется со скоростью тридцать два километра в час.

— Сколько у нас времени?

— Пять минут.

— Численность противника?

— Неопределённо велика.

— Ничего, барьеры их задержат. Очистителей в первые ряды!

— Что с резервной станицей? — прогудел Либершафт.

— Эвакуируйте! Иначе их накроет.

— Куда мне идти? — Сидера сжала дробовик.

— Пока никуда.

Ситуация ухудшалась с каждой секундой. Они не успевали. Слишком долго возились.

— Ничего, сейчас упрутся в геозатвор и...

— Противник на базе!

Они хлынули из старой казармы. Саранчой разнеслись по ангару. Кидались на неодетых людей, рвали на части. Брызнула первая кровь.

— Круговая оборона! Немедленно!

Слова в молоко! Солдаты падали во все стороны. Офицеры не могли собрать строй. Танки разбивали собственные порядки. Бараки падали, разваливались на части. Огнёмётчики заливали всё пламенем. Оклайн терял контроль. Группки выживших кидались прочь, где их настигала мясная волна.

— Оклайн, — нервно пробормотала Сидера.

— Сейчас. Сафф, активируем «Знамение».

— Начинаю синхронизацию.

— Сидера, оставайся рядом, — сказал он, садясь в кресло. — Я буду полностью беззащитен.

— Поняла.

Несколько секунд ушло на сосредоточение. Внезапно мир растаял. Каждый скафандр, каждое оружие, каждая машина стали продолжением тела. Везде паника. Везде хаос.

— Беру контроль на себя.

Воля солдат более ничего не решала. Они, будто трутни в улье, подчинялись приказам центра беспрекословно, хотели того или нет. Те, у кого имелись импланты — офицеры — стали глазами, ушами и гласом, у остальных же экзоскелеты перешли под внешнее управление. Личные качества потеряли ценность, в кровь пошли десятки стимуляторов, гормонов и лекарств.

Через десять секунд подчинение вошло в полную силу. С нечеловеческой скоростью, точностью и силой легионеры ответили захватчику. Их атака внезапно разбилась, как град на керамической черепице. Она перестраивалась в пути, гибко и быстро, с максимальной эффективностью расходуя каждый патрон, каждую секунду, каждый шаг и каждый вдох.

Судьба казарменных выскочек предрешена. Однако то лишь малая часть всей оравы.

«Управляемые заряды. Занять позицию левее. Противник на 272 градуса. Зажигательные. 7-е отделение — занять высоту. 2-й батальон, выполнение штурмового протокола Рогозова. 5-е отделение использовать гранаты. Общий расход не более двух. 3-й батальон — ближний бой, дополнительная доза «слепой ярости». Сержант Одинцов, противник на 18 градусов... 3-й танковый взвод — огонь картечью...»

Пока наверху зачищали базу, внизу всё уже кончилось. Твари беспрепятственно проббили затворы и заполонили станции метро. Волна ринулась вверх, неисчислимы орды выскакивали из каждой щели. Они заполонили соседние склады, визжали и выли, прыгали с крыши на крышу.

Но и тут их ждал град снарядов — дюжина «Жар-птиц» поднялась в воздух, короткими очередями снося всех, кто смел приблизиться к основанию башни.

Время! Время! Как его не хватает! Поэтому Эмбар терпеть не может глухую оборону — тут никак не переведёшь пространство в время, как ни старайся, потому что бой идёт за каждый шаг! Нужно подкрепление. Все наилучшие варианты связаны с ним. Секретность?! К чёрту секретность! Только слепой не заметит той войнушки, что тут началась!

— Говорит гарнизон Союза, мы подверглись массовой атаке неизвестного противника! Запрашиваем подкрепления! Приём?!

— Варраден услышали вас, — тут же ответила рация. — Видим. Идём на помощь.

Гвардия не откликнулась. Оклайн не стал сожалеть, просто отправил все тактики с её использованием в конец очереди.

Внизу пустило жадные языки пламя. Очистители перестарались. В первые минуты они вылили слишком много топлива. Оно полыхало адским жаром, от которого плавилась крыша. Её чуть-чуть, и она рухнет. Идеально.

Музыка пошла из каждого динамика в горниле. Их шум перебивал треск огня и стрельбы. Твари отреагировали. Заглотили наживку.

Штурмовики дали залп по крыше пиррогеновыми боеголовками. Десять гектар в миг обратились в светящийся шар. Белый неистовый жар разнёсся по миру. Пламенеющие капли

дождём лились во все стороны, а из них, словно лавовые титаны, выходили невредимые солдаты. Наконец, простор!

Танки ринулись в контратаку. Оклайн с упоением глядел на их грацию. На танец своей авиации. На точность и скорость пехоты. Как они красивы... Наблюдать за ними — наслаждение.

Тёмная волна разбегалась. Снова атаковала. Разбивалась о скалы. Отступала. Их гнали назад, открыв тылы. Этим не могли не воспользоваться.

— Мы видим одну тварь, она сильно отличается от остальных. Двигается быстро. Автонаводка не видит её! Повторяю, автонаводка не видит её!

Мимикрия?! Хамелеонозная кожа?!

— Мы её потеряли!

«Идет в штаб», — догадался Эмбар.

— Сидера, максимальная готовность.

— Приняла.

— Остальным — эвакуироваться на «Бездну».

— Но как же вы?! — Либершафт наконец собрался.

— Приманка. Со мной охрана. Они победят это. Выполняйте.

— Так точно! — он обернулся к офицерам. — Вы слышали его?! Уходим, немедленно!

Корвет завис у балкона, через который люди перелезали на борт.

Отто справится. Нельзя рассеивать внимание. Время посчитать патроны. Не хватает. Придётся вступить в ближний бой, либо отступить к арсеналу. Так как у Союза не было протоколов отхода, Эмбар принялся сочинять свою систему на основе опыта. И что-то да получалось. Быстро, под прикрытием массового огня по не менее массовому противнику, солдаты отошли к воротам подземной крепости, полной всякого оружия и боеприпасов.

Враг тут же их зажал с трёх сторон. Не пугаясь более огня, не откликаясь на звук, безумные звери кидались на смерть. Каждый их шаг предсказан. Каждый их вздох рассчитан. Однако потери были. И были они ужасающие. Резерв для манёвра таял на глазах. Где подкрепление?!

Внезапно он ощутил холодок. Неестественный холодок.

— Сидера. Кто-то рядом.

— Приняла. Никого не вижу.

— Размер цели относительно велик. Используй эхолот.

— Ничего.

— Термодатчики?

— Ничего.

— Ультрафиолет?

— Ничего...

Она успела в последнюю секунду. Оно выскочило из тени. Когти пролетели над её самой её головой. Вонзились в грудь охраннику. Второй прожил секундой дольше. Удар хвостом сломал ему хребет.

Наррайн встала в дверях. Тварь глядела на неё. Медленно шла по кругу. Блестела фасеточными глазами. Рычала.

В чудище чувствовалась сила, чувствовался ум. Оно было охотником до мозга костей. Да, это был охотник. Лёгкими движениями он перебирался меж компьютерных столов. Дёргал усиками.

— Есть план. Заведи его в дверь.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Сидера не стала умничать. Вскинула дробовик и выпустила магазин за секунду. Сто восемьдесят острых игл роем ринулись навстречу прижавшемуся монстру. Одной достаточно, чтобы убить. Но все они бессильно отскочили от толстых спинных пластин.

Прежде, чем полетела граната, тварь прыгнула на Наррайн. Та откатилась в бок. Внезапно часть охотника оказалась в проёме.

Оклайн на миг отвлёкся от безопасности арсенала и закрыл переборку.

С силой в тонну дверь упала, как лезвие гильотины. Но вместо того, чтобы отрубить голову, она лишь придавила её. Охотник зарычал, стал вырываться.

Но Сидера не дремала. Она подскочила с другой стороны, вонзила с визгом клинок. Безрезультатно.

— Используй гранату.

— О, да!

Приподняв пластину лезвием, она запихнула внутрь бомбу. В последние секунды жизни охотник со злобой глядел на Оклайна и шевелил мандибулами.

— Такова судьба.

Взрыв!

Сиреневая кровь залила пол. Оклайн бросил холодный взгляд на труп и прикрыл глаза.

Оборона арсенала зашла в тупик — солдаты стойко защищались, однако и контратаковать не могли. Поняв это, стая ринулась на штурм шпиля. Перед ними закрывались все двери, однако это могло лишь задержать орду, не остановить.

Но это неважно. Лёгкие белоснежные катера с алыми крыльями уже на горизонте. Победа неизбежна.

— Сафф, я заказываю эвакуацию.

— Принял. «Бездна» приближается.

— Сидера, мне потребуется твоя помощь.

— Уже тут!

Она легко заскочила внутрь через распахнувшуюся дверь, подняла Оклайна на руки и перебросила через плечо. В таком положении оказалось удивительно трудно сосредоточиться, однако он ни на секунду не терял управление. Сейчас это равно смерти. На балконе их уже ждал корвет.

На ранце Сидера перелетала на борт.

— Отчаливаем! — Отто напоследок выстрелил по первой попавшейся твари. — Куда вас перенести?!

— В каюту. Усадите за стол.

— Я справлюсь, — Сидера растолкала их в стороны. — Вы не мешайтесь!

— Бригадир Оклайн, приём! — раздалось по радиации. — Это магистр Ур! Мы прибыли на помощь! У вас тут прямо война!

— Именно. Атакуйте по схеме «Гамма-2». Противник полагается на ближний бой и неожиданные атаки с разных направлений. Численность — крайне велика. Штаб взят. Оборона в зоне арсенала. Мы эвакуированы.

Его грубо, словно мешок, увалили в кресло, а потом, словно извиняясь, расправили.

— Откуда они выходят?

— Туннели под складами. Много точек. Ожидайте...

Твари, очевидно, почуяли неладное. Стена хитиновых шипов пошатнулась, кинулась назад. Они толпились у крупнейших входов, визжали и кричали, топтали друг друга.

«Предсказание траектории...»

«Жар-птицы» пустили пламенные струи. Часть площади ухнула вниз, когда на станции разорвались заряды. Дымные клоки валили из щелей треснувших плит.

— Внимание, обрушение конструкций.

— Что там у вас происходит?!

— Измените план атаки на «Бета-3». В подобных условиях агрессивная оборона более нежизнеспособна. Мы переходим в атаку.

— Вы уверены?! Их там тысячи!

— Абсолютно, магистр. Я просчитал все вероятности. Успех гарантирован.

— Понял. Выполняем.

Блиц — вершина мастерства Оклайна и его любимый приём. Приказы лились, словно песня. С неба рыцари отстреливали бегущих, а на земле их преследовали вырвавшиеся из узких тоннелей солдаты. Техника не знала себе равных — стальная воля их командира не давала ни секунды покоя. Врага перемалывали, давили, истребляли. Напоённые яростью, солдаты забыли о жалости, усталости и боли — они шли, шли, шли до самого конца. А он маячил на горизонте.

Варраден не знали промаха. Лучшие из лучших. Они всегда побеждали. Они символ и сила в одном. Твари ничего, ничего не могли им противопоставить. Гибли, словно на сафари. Только вот Оклайн ни секунды не забывал тех, кто умер. Список погибших постоянно маячил перед глазами. И он говорил: «Это пиррова победа».

Учитывая, что бой был проходной и на самом деле ничего не значил — а так оно и было в стратегическом плане, ведь ни о каком перехвате инициативы и речи быть не может. Какой ответный удар, если позиции врага не разведаны, союзники не оповещены, а самого разрешения на такие действия в городе и в помине нет?! Это поражение. Причём тяжелое поражение. С потерей большей части тыла и значительной — личного состава.

— Эх...

— Ой! — Сидера испуганно вздрогнула. — С тобой всё нормально?

— Да. А что?

— Ты просто сейчас вздохнул. А до этого лишь что-то невнятно бормотал.

— Несмотря на то, что моё сознание несколько... рассеяно, я, тем не менее, сохраняю частичный контроль над своим телом. Будь у меня полевой экзоскелет, а не усиливающий, я бы мог ходить не хуже обычного.

— Берёшь себя на дистанционное управление? — усмехнулась она.

— Именно так, Сидера, именно так.

Он задумался.

— Сафф, деактивирую «Знамение».

— Понял. Разделение сознания... Стабилизирую ваше состояние.

— Заводи нас на посадку. У друзей наверняка появились вопросы.

Стаю загнали под землю. Пока рыцари преследовали её, а очистители разведали прах на ветру, бой на складах кончился.

Ночь сияла не хуже дня, небо заволок маслянистый дым. Какая часть от него принадлежит казённому имуществу? Среди обугленных руин «Бездна» коснулась земли.

Варайн немедленно поднялся на борт: в латах катафракта все мидду похожи как две капли воды, однако Сидера тут же безошибочно его признала.

На корвете не предусмотрено отдельного командного зала, тот объединён с мостиком. Оклайн, держась за стены, покачиваясь и прихрамывая, шёл по красным линиям. Несколько слуг-машин поддерживали его и вкалывали питательные растворы через безыгольные шприцы.

На экранах бессильно расплывался тухнувший пожар, сожравший уж всё, до чего смог дотянуться. Сколько припасов, сколько ресурсов потеряно за ночь! Стройку должно начать немедленно — войска лишены единственного плацдарма и рассеяны среди руин.

— Бригадир, — оторвал его шершавый голос, — надеюсь, вы целы?

— Разумеется, Ур, — Эмбар уселся удобнее. — Благодарю. Без вас пришлось бы туго.

— Всегда рад помочь. Однако, — проскрипел Варайн, — хотел бы услышать объяснения.

— Понимаю. Отвечу, на что смогу. Отто, займитесь нашими. Себастьян, мне нужен отчёт по имуществу. Сожалею, раскрыть все карты невозможно без разрешения свыше, иначе мне это припомнят. Крепко припомнят.

— Понимаю. Потому спрошу лишь, кто, когда и как?

Хочет знать, не причастны ли люди.

— Вавилонский паразит, недавно, случайно.

— Ясно... Так это — заболевание?

— Вроде того. Сафф расскажет больше, у него полно данных с прошлой эпидемии.

— Вылечить невозможно, единственное решение — уничтожение. Заразность — относительно невелика. Основной путь передачи — кровь.

Лицо Ура не читалось. Он слишком долго служил в тайных службах, чтобы научиться скрывать эмоции, а возраст скрасил их до неузнаваемости. Однако губы слегка дёрнулись. «Что ни день — то проклятие», — прошептал Ур на своём языке. Его нельзя винить. Первая же встреча обернулась чумазыми небесами и горами трупов! Что же дальше?!

— Руководство ещё не прислало инструкции. Думаю, они назначат более благородного руководителя.

— Тем не менее, — отрезал Варайн, — я буду ратовать за вашу кандидатуру. Я вам доверяю. Надеюсь, Совбез разделит моё беспокойство относительно этой... эпидемии. Даже не знаю, как это обозвать. Варраден зачистят район и останутся здесь для обороны. Мы предоставим всю возможную помощь.

— Сейчас нужно провести ремонт. У нас уже есть средство, — Оклайн указал на леветационный завод. — Нужно лишь немного времени.

Несколько секунд Варайн изучал голографическую карту.

— Вы знали?

— Нет, нам опять не выдали запчасти. Пришлось спешно искать альтернативу.

— Хм... Необычно. Оригинально.

Они задумчиво глядели на схемы.

— Сэр, — пробормотал из-за спины Себастьян.

— Да?

— Ваш отчёт.

— Благодарю...

Оклайн потянулся за планшетом. Два щелчка слились в один. В тот же миг рука

оторвалась, под дых ударила боль.

— А-а-а...

Он потянулся когтями к свежей плоти.

— Рука!

— Предатель!

— Несите его в лазарет! — запищал Сафф. — Готовлю операционную!

Заляпанного кровью, дрожащего Оклайна подняли на руки и потащили в медблок. На полу рядом лежал казнённый Себастьян. На бледном лице его застыла ледяная маска, на сжимающей пистолет руке блестел изумруд.

— Кровотечение остановлено. Анастезия готова.

Несколько секунд прошло, а боль уже прошла. В голову будто напихали ваты. Перед глазами плыло. Последнее, что он услышал:

— Восстановление невозможно. Приступаю к ампутации.

И он провалился во тьму наркоза.

Свет. Ровный белый свет, льющийся со всех сторон. Ни холодно, ни жарко. Нет боли, шума и страданий. Гладкий и ровный, как стекло, пол. Рука... рука на месте?! Что происходит?!

— Вот мы и встретились, — раздался чудесный голос.

Оклайн обернулся. Перед ним стоял мужчина внеземной красоты. Он не человек, но и не чужак. Тонкие аристократические черты, сине-зелёные глаза, гладкие карие волосы. Длинные пальцы с аккуратными ногтями будто не держали ничего тяжелее пёрышка. Одет с иголки — лёгкий снежный костюм без швов. Будто живой, он идеально повторял движения владельца.

— Кто ты?! — Эмбар отшатнулся.

— Я друг. Ты меня не помнишь, но мы встречались ранее.

— Я тебя не знаю.

— Я Абхам обн Иблис. Хранитель жизни и её творец.

— Ты просто бред моего воображения. Что со мной? Где я оказался?

— Ты лежишь на операционном столе. Сидера спасла тебе жизнь, убив предателя. Но то — не важно. Я пригласил тебя поговорить.

Значит, предатель. Почему? На кого работал? И, самое главное, ради чего совершил сей акт? Не ощущая никаких последствий, а лишь помня о них, Оклайн не мог осознать своё отношение к происходящему. Шок? Испуг? Злоба?

— И о чём же? — он продолжал отступать, в этом мире не было стен.

— О тебе, обо мне. О будущем.

— Может, начнём с прошлого? Где мы познакомились?

— Это было так давно, что не имеет смысла.

— И как ты столько прожил?

— Некоторые не стареют. Я один из них, — в его речах слышалось плохо скрываемое высокомерие.

— Тогда почему я ничего о тебе не слышал? Если ты такой умный, что победил смерть, почему прячешься в тени? Что тебе нужно?

— Я прячусь от зла, что ненавидит свет. Оно многочисленно, безымянно, безжалостно, но пока дремлет. Мне нужна твоя помощь.

— Ты о паразите?

— И о нём в том числе, и о нём в том числе, — Иблис двигался упруго, словно при пониженной гравитации. — Паразит — лишь неудача. Нельзя допустить, чтобы она отвлекла тебя от истинного врага.

— Чья неудача?

— Видишь, — он развёл руками. — Ты уже отвлекаешься. Сосредоточься.

Оклайн лишь злобно скривился. Дожили. Галлюцинации его попрекают.

— У врага есть агент. Он силён, влиятелен и опасен. Подозреваю, конфликт его заинтересует.

— И кто же он?

— Не знаю. Думаю, ты определишь его. Рано или поздно. Увы, я слишком занят, чтобы тебе помочь. Ты должен уничтожить агента и восстановить порядок!

— Как это поможет борьбе с паразитом?

Иблис вздохнул.

— У меня есть план. Великий план, достойный божественного признания! Однако всякие мелкие неурядицы мешают его исполнению в лучшем виде! Поверь, когда он исполнится, паразит перестанет быть проблемой.

— Надеюсь. Посмотрю между делом за твоим «агентом».

— Можешь относиться к моим поручениям как тебе угодно, — Абхам улыбнулся. — Но ты их исполнишь, потому что я так сказал. Это неизбежно.

— С чего вдруг?

— С того, что я не даю выбора. Встретимся позже. Как-нибудь ещё.

— Изыди!

Он рассмеялся. Отступил и растворился в небесном сиянии. Что это было?!

4. Гнездо кукушки

Тонкое шипение приборов. Редкие попискивания автомедика. Просторная чистая плата. В окна врывается чистый голубоватый свет Аарана. Уже день? Сколько же он проспал?

— О, вы проснулись! — робоглаз вылетел из-за изголовья. — Мои соболезнования.

— Сафф, где мы? — веки невольно закрылись.

— В Цитадели Ордена. Операция прошла успешно. Как ваше самочувствие?

— Нормально. Голова малость гудит. А так...

Прислонил ладонь ко лбу. Почему она такая холодная? Он ошарашено открыл глаза. До самого плеча — механический протез. Тонкий и воздушный, с длинными керамическими пластинами вдоль «костей» и мускулатурой из живого металла.

Оклайн медленно поиграл стальными когтями.

— О, духи...

— Сожалению, спасти конечность не представлялось возможным. Пришлось заменить её протезом, пока не будет готов клон.

— И сколько мне с ним ходить?

— Не знаю. Ваши культуры клеток с большим трудом растут вне организма. Иначе я бы давно пересадил новые мышцы и восстановил вашу жизнеспособность. Продолжу поиски подходящего субстрата, а вы пока будете использовать протез.

— Ох...

Как так? Ничего не предвещало, и тут...

Он обмяк в кровати. На минуту позволил чувствам взять верх, выпустить отчаяние и усталость, что накопились за последние несколько лет. Несколько солёных капель оставили пятна на подушке. Рука. Рука! Рука...

Однако так нельзя жить. До крови закусив губу, Оклайн заставил себя смириться. Да, он сглупил и получил по заслугам. Нужно выучить урок и жить дальше. Проклятье... Какая неудача... Собраться! Сосредоточится! Оценить и действовать по ситуации!

— Сафф, что по бригаде? — хрипло пробормотал он.

— Сожалению, вас отстранили от командования на время служебной проверки.

— Проверки?!

— Совбез назначил главным по работе с эпидемией доктора Иоганна Фауста. По его приказу началась проверка по поводу ваших действий последние несколько дней. Он сказал, что оценит их эффективность и стоимость, после чего решит, стоит ли отправить вас в тыл или оставить на должности.

Иоганн Фауст... Они как-то встречались на церемонии после окончания Кризиса Зарты. Отменный клонёр и демагог. Не будь он учёным, стал бы известным политиком или, что больше ему подходит, лидером фанатичной секты. Сейчас он официально представляет интересы Научного совета Зарты и вхож в высокие круги, но зачем присылать его? Только если он сам не попросил.

Вспомнились слова Иблиса. Нет! То был бред из-за наркоза, не стоит принимать его всерьёз.

— И всё же, каковы потери?

— Последний отчёт Отто: два батальона мотопехоты, один танк и два БТР. Так же погиб полковник Себастьян во время неудачного покушения.

— Что тогда произошло?

— Не могу определить. Сомнительно, чтобы он действовал по своей воле.

— Думаешь, паразит взял его под контроль?

— Я не успел провести анализ, так как тело потребовал доктор Фауст. Сожалею.

— Как так... Я всё продумал... И так... ошибся. Ох...

— К вам посетители.

Оклайн тут же бросил причитать и спрятал протез в простынях.

Без стука и какого-либо спросу в палату ввалился доктор с механическим ассистентом.

К слову, руки он не опускал ниже груди.

— О, вы уже очнулись! Наконец-то! Пока вы лежали без сознания, я никак не мог получить разрешения! Но теперь!..

— На что разрешения?

— На опыты, разумеется. Когда я увидел ваши ткани, вы не поверите, какой восторг испытал! Столько новых органов с неизвестными функциями! А ваши шрамы?

Он без стеснения скинул простыню, обнажив огромный шрам от левого бедра до середины груди. Его нити, будто мицелий, разбегались во все стороны от шершавого белёсого эпицентра.

— Я никогда такого не видел, — доктор присел и тыкнул.

— Ай! Что вы творите!

— От чего это? Это не ожог, не травма и не последствия неудачной операции.

— Не ваше дело.

— Но-но, это как поглядеть. А ваш имплант! — он тут же переключился на голову и посветил в глаз. — Реакция нормальная. Наркоз полностью прошёл. Вижу, вы принимаете большое количество бионитина и нейрогеля. Надо будет взять образцы нервной ткани на анализ.

— Я не собираюсь давать никакой ткани. Сафф — мой лечащий врач! Вы вообще кто такой?!

— Доктор Менгель, рад знакомству. Я заведую всей медицинской частью Ордена.

— А разве это не часть Слама Абраммо?

— Более нет. Сожалею, он покинул нас пару месяцев назад. Скажите, ваш мозговой имплант как-то вас беспокоит? Например, при нагреве?

— Он не греется.

— Мм-м... Интересно. Я никогда, никогда не видел такой технологии! — он провёл рукой по черепу, с силой надавливая. — Пробури вот здесь и здесь.

— Что?! Сафф!

— Сожалею, но любые манипуляции без моего разрешения и без разрешения пациента невозможны.

— Со вторым мы уже почти разобрались, — он сделал пометки в блокноте. — Я никогда не видел подобной технологии! Вся левая кора заменена на механизм! Многочисленные включения на всех уровнях. Интересно, это задумывалось изначально или произошло из-за долгого потребления бионитина? Хм... Нужно будет взять ещё несколько проб... На уровне мозжечка!

— Доктор, мне всё равно, кто вы и чем занимаетесь, но не могли бы вы удалиться?

— Конечно. Сейчас. Нужно внести ещё пару меток. Хм... Ваш скелет очень похож на те образцы, что мы получили вчера. Гибрид обычного скелета и гидравлического усиления для

большой гибкости и силы. Трёхпалость на ногах, цевка, какое оперение! Вы случайно не родственники?

— Что за бред вы несёте?!

— Значит, случайное сходство! И всё я бы хотел получить разрез где-нибудь на уровне... бедра! Да, бедра! Вот здесь!.. — он обтянул обвисшую конечность алой нитью.

— Что вы делаете?

— Провожу исследование разных интересных вещей вроде «бла-бла-бла ничего не понятно, кому это вообще надо».

Оклайн не выдержал и отпихнул Менгеля. Вдруг загредел звонок. Кто-то пришёл в гости.

— Подождите чуть-чуть! — Оклайн со злобой отобрал простыню и укутался по самую шею. — Входите!

Сидера заглянула внутрь, увидела Менгеля, нахмурилась и пробурчала нечто нечленораздельное. И, вероятно, нецензурное.

— Уходите, доктор, вы уже достаточно сделали.

— Хм, как скажете. Продолжим позже! Такие открытия! Нужно проработать технику препарации. Лезвия с алмазной заточкой или голонож? Сложный выбор. Нельзя повредить органы при их извлечении! Шор не подойдёт, слишком грубо. Вивисекция?

Он даже не закрыл за собой дверь. Так и побрёл по коридору, рассуждая о преимуществах разных методах вскрытия и инструментах. Наррайн показала ему вслед язык и заперла палату.

— Терпеть его не могу! Я бы ему даже свою подушку резать не доверила! Мерзкий тип.

— Я ему лампу держать не буду, — подтвердил Сафф.

— Откуда он взялся?!

— Из пыточных. Заведовал там, потом перевели сюда. Временно. Варайн говорит, что он слишком умный, чтобы его выгонять, но по мне так он давно заслужил пинок под зад! Да ещё какой!

— Уф...

— Что? Как ты? Жив-здоров? — она выдавила неубедительную улыбку. — Прости. Я не справилась.

— С чем?

— Я ведь тебя прикрывала. И упустила убийцу.

— Ты спасла мне жизнь! Если бы ты не позаботилась о Себастьяне, то я бы сейчас лежал в очереди на кремацию!

— Варраден не имеет права на ошибку. А её допустила. Да уж, телохранитель из меня никакой.

— Послушай, я не ожидал подобного подвоха. Это необъяснимо. И в таких обстоятельствах, когда ничего не понятно и счёт идёт на секунды, ты сделала всё верно. Рука — плевать на неё! Новую вырастят! Ещё лучше прежней! Главное — живой. Не всем так повезло.

— Думаешь?

— Знаю. Такой реакции нет более ни у кого. Даже Сафф, и тот в ступор впал.

«Извини.»

«Не беспокойтесь. Так и было.»

— Со своей стороны ты всё сделала в лучшем виде. Ты лучший из рыцарей. Ты знаешь

это.

— Да, — неуверенно пробормотала она.

— Тогда чего ты сомневаешься?!

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. А теперь мне опять нужна твоя помощь. Эх, — он обдумал вопрос. — Как Варайн воспринял твоё неожиданное появление?

Несколько секунд она смущалась, пока тёмные мысли не ускользнули из зоны её внимания. Оклайн про себя улыбнулся, она отлично справляется, стала куда стабильнее и крепче, чем раньше.

— Как всегда, — Наррайн развалилась за столом. — Я наплела ему какой-то бред, и он махнул рукой. Со мной спорить бесполезно!

— То-то.

— К слову, я выяснила, что за вами тогда следил этот слабоумный Аррас! И он никого не предупредил! Просто глазел, как вас вырезают! Напыщенный тупой индюк! Ух, я бы его порвала! — она руками изобразила, как именно будет разрывать.

— Так вызови на бой.

— Ему «честь не позволяет драться с девчонкой, да ещё и серебролицей!»! Можно подумать, у него честь есть! Дурак как он есть, в чистом виде.

— Дистиллированный.

— Да! Как ты говоришь?! Именно так, Сидера, именно так! — она вдруг нахмурилась. — К слову, когда в тебя выстрелили, ты был весь такой размытый!

— Орган Лаккерсона сработал, — пожал плечами Оклайн. — Неудивительно, после такого-то.

— Вот если бы ты мог им управлять!

— После ржавого лишая не могу.

— Жаль, — она потешно чихнула. — Так вот, уже на столе ты стал, наоборот, невероятно чётким! Я буквально видела каждую тень, каждое пёрышко. Это нормально?

«Сафф?»

«После расслабления ноосферы в результате активности органа Лаккерсона было зарегистрировано необъяснимое её уплотнение.»

Неужели Иблис говорил по-настоящему?

— Да, это нормально.

— Фух! А то я уж испугалась, не сломалось ли в тебе ещё что-то!

Она опять чихнула и тихо выругалась.

— Слышал, меня отстранили.

— Ага. Ты бы видел этого Фауста! Я вот его не видела. Он прислал какого-то чудака, чтобы тот обо всём договорился, а сам не приехал! Видите ли, непреодолимые обстоятельства приковали его к месту! Несварение, что ли?

— Ха! Нет, думаю, он просто не выносит чужаков.

— О! Тогда они с Аррасом как право и лево! Ха!

— В смысле, как правая и левая рука? — Оклайн порой не понимал выражения чужаков, переведённые на человеческий.

— Угу. Зеркальные. Вот повезло, так повезло! С такими друзьями нас все враги бояться будут! Не дайте духи им встретиться на одном совещании! Хотя, — она мечтательно взглянула в потолок, — я бы на такое поглядела. Только перед этим обязательно захвачу

побольше закусок! И выпивки! И того, и другого!

— Отлегло?

— Спасибо. Эм... не покажешь, что у тебя там сейчас с рукой. Я слышала, её заменили.

— Сафф постарался.

— Прощу, только не кидайтесь все сразу! На распаковку подарков нужно время.

— Такой же милый летающий болванчик, — она приласкала робоглаз. — Ой... Можно?

— Конечно.

Она постучала по локтю, с интересом перебрала ледяные керамические пальцы.

— Ты чувствуешь?

— Да.

— А если ударить, будет больно?

— Давай не будем проверять.

— Боль будет заблокирована, — объяснил Сафф. — По ощущениям она будет казаться сильным давлением.

— У-у, поэтому мне не больно, когда по моим латам бьют?

— Именно. Тут использована аналогичная схема.

— Вау! Высокие технологии в массы!

— Я хочу поговорить с Варайном.

— Мне его притащить?

— Не стоит. Сафф, я уже могу ходить?

— Сначала обед. После я проведу ещё замеры и дам окончательный ответ.

— Тогда настало время пира!

— Тебе помочь?

— Лучше укради котлеты в столовой.

— Я уже давно этим не занимаюсь! Повар мне сам их отдаёт... После того, как мы подрались! Как давно это было!

— К слову, когда будешь отмечать оборот?

— Не скоро. Через четыре ваших.

— По местному исчислению будет тебе один годик.

— Пф!.. Хоть кто-нибудь в галактике пользуется таким большим циклом?! Тридцать два земных года! За это время и помереть можно!

— Но ты же будешь отмечать?

— Конечно! Сначала устроим бой! Всех против всех! А потом выпьем! И ещё раз подерёмся! Я тебе покажу, как правильно перекидывать через стойку! Чтобы головой по бутылкам!

— Мсье, — влетел робот-слуга. — Извольте ваш обед.

Оклайн по пальцам считал дни, когда ел не пасту из пластикового пакета, а настоящую еду. Роскошь! Она оказалась удивительно вкусной! Своими небольшими, но острыми зубками он разжёвывал кусок настоящего мяса! Невероятный вкус! А какой аромат!

Он смёл всё до последней крошки, вылизал жир, а потом принялся за лекарства. Да, приходится принимать множество добавок, чтобы обеспечить не просто выживание, а нормальную жизнь. Часть из них, вроде витаминов, обязательна для всех: хоть для рабов, хоть для господ. А другая — бионитин — небольшие кусочки синеватого желе со сладковатым вкусом, нейрогель, нанитные капсулы и прочая сложная и малопонятная, но жизненно важная вещь нужна исключительно ради поддержания высокой активности

нервной системы и имплантов, и, понятное дело, доступна далеко не всем.

На них уходит до половины генеральской зарплаты, но они того стоят, ведь иначе «Знамение» быстро бы угасло, а сам контакт имплантата и носителя происходил бы с затруднением. В конечном итоге без ТО возможна и смерть, если вовремя оперативным путём не изъять механизм из тела. Раньше, возможно, так и делали — но это просто варварство! Сколько труда, сколько ресурсов должно уходить на одного киборга! Теперь же их заменили пусть недешёвые, но весьма эффективные, и, главное, неинвазивные процедуры.

— Это было просто великолепно! — Оклайн промокнул губы салфеткой. — Я на миг ощутил себя багрянорождённым!

— Обрадую, я дал добро на ваше перемещение, если использовать в экзоскелет.

— Великолепно! Сидера, кыш!

— А? Что?

— Кыш! Мне нужно надеть форму.

Пока он имеет право её носить. Пока.

Осторожно, с поддержкой дворецкого, Оклайн облачился в свой наряд. Шрамы ныли от движения и напряжения. Будь проклят ржавый лишай! Если выжил после него, не знаешь, плакать или смеяться. Слава духам, что эта зараза канула в прошлое Старой Земли и никогда не возродится! Если бы подобное можно было сказать о паразите... Впрочем, рано или поздно и его возьмут за узду и выжгут калёным добела железом.

Так как многие мышцы пострадали, экзоскелет усиливает и дополняет их работу, обеспечивая безболезненный и полный контроль над телом. Питается он удалённо, от любого подходящего передатчика или, в полевых условиях, от реактора личных лат собственной разработки. Тот куда мощнее стандартного, однако опаснее из-за недостатка системы охлаждения. Он попросту способен раскалиться так, что взорвётся при любых условиях, что с ним ни делай. Один раз так уже произошло. Не без помощи, Сидеры, конечно. То было во время их первой встречи и было обусловлено тактически. Бомба есть бомба. Да... С тех пор Оклайн никогда не оставляет её на самотёк и всегда приглядывает вполглаза.

Наррайн ждала снаружи, потешно зевая и махая прохожим, которые, проходя мимо, резко ускорялись.

— Слухи ходят, — указала она на взволнованных дежурных.

— Кажется, сарафанное радио останется даже тогда, когда молву нести будет уже некому.

— У меня вопрос, — она встала на цыпочки, чтобы поглядеть на погоны, — когда тебя повысят?

— Никогда. Я не высокородный. Выше бригадира мне не прыгнуть.

— То есть у тебя так и будет две полосы?

— Да. Так и будет, — он довольно прищурился. — Знакомое лицо в знакомых одеждах!

В дальнем конце коридора в их сторону передвигал ногами Анре в своём коричневом потёртом костюме.

— Дядя! — Сидера кинулась к старику. — Дядя!

— Ой, — Боро обнял её, — осторожнее, иначе я рассыплюсь! Мистер Оклайн, мой настоящий и идейный друг, рад вас видеть в добром здравии.

Сегодня от него пахнет крепким кофе и хвойной смолой. Откуда?

— Кажется, с нашей прошлой встречи мяса во мне поубавилось.

— Знаю, — он протёр линзы. — Увы, жизнь полна сюрпризов, неожиданностей и поворотов, как к лучшему, так и к худшему. Сожалею, что именно второй привёл вас к нам.

— Сейчас такое время, что хорошего ожидать не приходится.

— Время перемен должно отождествляться с прогрессом, развитием, добром и процветанием, иначе возникает страх будущего. Очень, очень плохой страх.

— Нам не до перемен сейчас. Вы знаете что-то по паразиту?

— Только то, что мне удосужились сообщить. То вызвало у меня одну крайне пренеприятную ассоциацию. Вы слышали когда-нибудь легенду о шагготе?

— Нет.

— О, там были страшные монстры, которые дрались с другими монстрами, а потом их всех уничтожила Армия света! — размахивала руками Сидера. — Бредни это.

— Легенда повторяется у многих народов, значит, имеет право на жизнь.

— Так о чём она? Я ничего не понял.

— Когда-то давно миром правило хтоническое зло — древние и непостижимые шагготы. Они создали первых существ в угоду себе, однако настолько упали в своём величии и божественности, что устроили междоусобицу за право быть единственным верховным богом. Однако смертные, что не погибли жертвами их игр, восстали. Победить они не могли и понимали это, потому создали Армию света. Огнём и мечом она прошла по галактике, искореняя скверну, а потом распалась прахом, из которого и родилась новая жизнь. Наша жизнь. И я подумал, разве не может паразит быть наследием тех времён? Разве не могла крупница мощи шагготов пережить зоны и прорасти сейчас?

— Ваша теория не имеет оснований, — печально кивнул Оклайн. — Вы ничем не способны её подтвердить.

— Да, — устало ответил Боро. — Да. У меня есть слова и старые рисунки хтонических зверей. Для победы этого мало, но... — он резко глубоко вдохнул.

— Дядя, тебе плохо?

— Нет. Я утомился. Мне нужно посидеть.

— Дядя?

Он тяжело опустился на скамейку в одном из широких коридоров. Сейчас Боро казался простым немощным человеком, а не чем-то необычным, как обычно. Странно звучит, но это так.

— Не беспокойся, племянница, возраст имеет последствия, с которыми бороться бесполезно. Уф... Оклайн, я почти окончил работу над хрониками. Уверен, вы заслуживаете получить первый экземпляр!

— Вряд ли в Союзе примут вашу книгу с теплотой.

— Не беспокойтесь, я позаботился об этом. Доверьтесь воли крови, она знает больше вас. Больше всех нас. Идите, не стоит тратить драгоценное время на одного дряхлого человека. Впереди ждут тысячи дел.

Оклайн молча поклонился.

— Я останусь, — заявила Сидера. — Вдруг тебе станет хуже?

— Увы, у меня мало времени, до свидания, Боро. Ещё увидимся.

— Очень надеюсь.

— А кто мне будет подписывать книгу?

— Ха-ха-ха, да... Да...

Варайн был готов принять Оклайна в своём кабинете прямо сейчас. Так как Эмбар не

обладал нужным допуском для свободного перемещения по Цитадели Ордена, он попросил одного из рыцарей сопроводить его.

Внутренности башни сильно отличались от обычного дизайна военных баз людей и самого Зеркального города. По легенде, она старейшее здание на Альфагемоне и одно из старейших во всей галактике. Её фундамент стоит на материнской породе, в отличие от окружающих строений, возведённых поверх старых. Стены эти способны пережить орбитальную бомбардировку, а ангары и казармы — вместить целую армию. Именно тут бьётся сердце Варраден, тут проходят все обряды, тут иницируют и хоронят, тут хранят записи и хроники, тут изготавливают уникальное оружие и технику, считающееся лучшим во Вселенной.

Хотя атмосфера кажется спокойной, на самом деле Орден давно расколот на два лагеря. Пока их распри не вышли за пределы драк и ругательств, однако обстановка накаляется с каждым годом. Как бы последние события не стали запалом для бочки с порохом.

С одной стороны — традиционалисты. Сторонники истинной древней культуры независимых Варраден, несущих справедливость и защиту, не скованных драконовскими законами. Их «лидер» Сидера, воплотившая в себе чуть ли не все идеалы настоящего рыцаря. С некоторыми оговорками. Её личный крестовый поход несколько лет назад вызвал такое воодушевление, что многие стали всерьёз рассматривать возможность принимать в оруженосцы детей-сирот. Они-то уж точно познали на себе тяжесть несправедливого бытия и станут такими же, как и их будущий магистр.

С другой стороны — крайние, крайне крайние революционеры во главе с Аррасом. Их ряды полностью состоят из лиц официального набора, инициированного чиновниками. И если в стан консерваторов перебежчики были, то сюда — ни одного. Бывшие спецназовцы и убийцы с промытыми пропагандой мозгами на службе государства, реформаторы переносили правила бывшей работы сюда: выполнение заказа, изданного властью. Для них нет ничего выше закона, как бы бесчеловечным он ни был. Таков закон. Его не обсуждают. В идеале они видели полное слияние Ордена с исполнительным крылом Совета. Превращением его в своеобразную длань, карающую нарушителей порядка.

Разумеется, ни о каком примирении или компромиссе меж сторонами нет и речи. Пока преимущество за консерваторами — Варайн значительно усилил позиции Варраден, вернув им прежний финансовый и политический вес, мягко, но уверенно продвигая идею «вольного Ордена». Сам он сторонник традиций, но старается не провоцировать конфликты. Пока ему удаётся. Однако, что будет после него — большой-большой вопрос.

Однако разговор начался с тревожной ноты. Перед самым кабинетом Ура перехватил его коллега Аррас. На родном шипящем, словно солёный песок, языке мидду он усердно доказывал свою правоту.

— Вы, — он пригрозил, — приютили у нас полоумную девчонку! А теперь сотрудничаете с фашистами, которые сами же всё и подстроили! Откуда у них такие познания?! Да потому что они сами забросили к нам ужас, чтобы обманывать нас!

— Хватит.

— Они жаждут заполучить всю власть в галактике! Как вы не понимаете?! Их террористы спонсируются правительством! «Белая звезда» — лишь инструмент для провокации!

— Хватит.

— Как пожелаете. Правее вас это не сделает. Вы просто умалчиваете о проблемах,

вместо того, чтобы взяться за них всерьёз!

— Он предотвращает войну, — отрезал Оклайн.

— Кхм-кхм, — похоже, он не знал, что его понимают. — Прошу прощения, я вынужден удалиться отсюда, пока не пропах недочеловеком.

Его проводили холодными взглядами.

— Во многом он прав, — прошептал Эмбар.

— Только ему об этом знать не нужно. Нам лучше поговорить подальше от посторонних глаз.

Кабинет обставлен скромно — в нём был лишь стол, несколько стульев, одинокая полупустая полка, зелёный сочный фикус в дальнем углу и экран во всю левую стену. Варайн тяжело уселся и достал планшет из ящика.

— Ситуация всё хиреет и хиреет, — сухо начал он. — Когда кажется, что хуже некуда, происходит ещё что-нибудь более отвратительное.

— Вы не смогли договориться с Фаустом?

— Что вам о нём известно?

— Немного. Он появился, будто из ниоткуда, под самый конец Кризиса, обзавёлся крепкими связями и сторонниками. Сейчас представляет Зарту в Совбезе. Никак в толк не возьму, почему послали именно его?

— Хм... Я тоже ничего не знаю. А он распространяться не спешит. Конфисковал все тела, до которых смог дотянуться, оккупировал Петрару и врата и никого туда не пускает.

— Насколько всё плохо?

— Гвардия отказалась нам помогать, так как «доказательств недостаточно». Генерал Лисперакс так и вовсе пустился во все тяжкие — уже неделю пьёт и кутит. Мы теряем контроль. Я созвал всех рыцарей на Альфагемон, однако нас слишком мало для наведения порядка. Боюсь, планету мы потеряли.

— Не стоит так отчаиваться, мы ещё не знаем всего.

— Ха! Я отчаиваюсь, потому что понимаю, что у этого «всего» нет ничего хорошего.

Опёршись на руку, он упёр взгляд в стену. Слишком стар, слишком потёрт жизнью, чтобы надеяться. Варайн не наслаждался боем, наоборот, старался избежать его. Он всегда был осторожен, как и подобает офицеру спецслужб, ему не хватает задора, что есть у той же Сидеры. Из неё на самом деле вышел бы великолепный магистр, однако её агрессия не сдерживалась тяжестью лет. Эмбар же всегда видел себя посередине. Достаточно молод для наслаждения боем, и достаточно стар, чтобы избегать его.

— Не ожидал такого конца.

— Варианты, связанные с поражением, не рассматриваются.

— А вы умеете поддержать.

— Иначе и быть не может. Мы слишком умны и сильны, чтобы просто так сдаться, магистр. Сейчас время против нас.

— Вам лучше известен наш враг, что предложите?

— Что насчёт служебной проверки?

— Ничего. Перед нами Фауст не отчитывается. Вас могут казнить. В Союзе этим не брезгают.

— Да. Могут.

— Поэтому вы останетесь в Цитадели. Здесь вас не достанет никто, даже Галактический совет. Боюсь, вы потеряли контроль над своими войсками.

Жаль. От них ведь тоже избавятся, слишком разошёлся их ум, слишком много самостоятельности у солдат и офицеров. Такого в Союзе не терпят принципиально.

— И ещё, они перевели на Правдин летающий завод.

А вот это странно. Зачем он им? Если собираются что-то масштабное стоять, в их распоряжении миллионы рабочих и тысячи фабрик, практически бесконечные ресурсы. Вряд ли такому человеку, как Фауст, кровь из носу нужны резервы. Или всё-таки нужны?! Но куда и зачем? Анализ зашёл в тупик — слишком много неизвестных.

— Эх, я не знаю, что задумало наше правительство и даже приблизительно не могу предсказать реакцию Иоганна. Значит, действуем своими силами. Во-первых, необходимо предупредить Совет — инфекция наверняка распространилась за пределы Альфагемона. Во-вторых, нужны данные по всем пунктам раздачи питания и населённости их районов. В-третьих — статистика преступлений, пожаров и прочих ЧС по планете.

— Второй и третий за пределами моих компетенций.

— Поэтому начнём с первого. Если Совет потребует от Гвардии сотрудничать, она не станет перечить.

— Я лично прослежу. То, что было вчера... Это ужас. Нельзя, чтобы он захватил планету.

— Какое бы решение ни приняло моё правительство, можете рассчитывать на мою верность, — кивнул Оклайн.

— И напоследок, посмотрите, какой вид я нашёл для своего окна.

Он указал на загоревшийся экран, на котором, насколько хватало глаз, растянулся слегка затемнённый голубоватый вид Зеркального города, похожий на мятую серебристую фольгу.

— Великолепно! С вершины Цитадели?

— Именно. Только мне не нравится оконная рама. Наверное, стоит попросить техников поправить камеру, что думаете?

— Согласен. Эта серая полоса по низу портит всё впечатление!

Они переглянулись. Поняли. Синхронно вздохнули.

— Хорошо, — мрачно ответил Ур. — Я немедленно отправлюсь в Башню Орелля на совещание с Внутренним Кругом, а вы пока ожидайте решения Фауста. Я не надеюсь на его снисхождение, однако неправильно было бы действовать так, будто он уже подписал расстрельный список, — внезапно он чихнул.

— Что с вами такое?

— Уборщики использовали новое средство. Теперь у всех носы чешутся! Пусть перемывают всю Цитадель, пока у кого отёк не начался! Апчхи! Брр... Извините, так вот, я отправляюсь в Башню. Вы сидите тут. Так как вы формально числитесь рабом, — он потёр переносицу.

— Долгая история.

— Понимаю. Кхм-кхм, а также пленным Сидеры. Единственным за всю её карьеру. Она присмотрит за вами. Заодно никуда не сбежит. Это всё. Конец связи.

— Сейчас выключу, подождите.

Они легко рассмеялись. Бывает. На этом разошлись.

Нарраин уже ждала снаружи, бурча на машину, что не пускала её внутрь.

— Не спускайте друг с друга глаз. Мне не хватало ещё одного случайного ядерного взрыва.

— Не беспокойся! У меня уже куча идей, что можно сделать! Это безопасно... Ну, почти! Как...

— Как жонглирование ножами, — кивнул Варайн. — Как только ситуация с Советом прояснится, я немедленно вам сообщу.

— Буду ждать.

Ур ушёл. Медленно, задумчиво, безутешно. Как бы его не успокаивали, годы печального опыта отложились на нём толстой корой, через которую обычному доброму слову не пробиться. Нужно что-то острее и тоньше, что-то, что способно тронуть душу. Увы, такие инструменты под рукой не валяются.

Наррайн не стала терять ни секунды. Беспрестанно болтая, неся все сплетни, гуляющие по Цитадели, планете и галактике, махая знакомым, она протащила Оклайна в тайное прибежище.

— Та-дам! — торжественно она распахнула непримечательную дверь на одном из технических уровней.

— Это склад? — спросил он, глядя на подъёмник.

Мрачно тут, вокруг гудят машины, огромные оранжевые ящики мелькают в тенях.

— Именно! Круто, правда! Давай, я покажу тебе весёлую игру! Малость развеемся!

Пощёлкав рычажками, она приказала дрону убрать один из коричневых контейнеров, за которым оказался импровизированный тир. Портреты чиновников, властителей, командиров, некоторых рыцарей и тому подобная макулатура играли роль мишени. Все истыканы до дыр, испачканы краской и изрисованы грязными надписями, которые обычно пишут малолетние ренегаты на стенах. Довольно усмехнувшись, Эмбар взял дротик и метнул в высокомерную рожу адмирала Августа.

— О, да! — смачно прожевала она, кидая следом. — Красота! Мочи уродов! Мочи! Их! Ха-ха!

С радостными криками они стреляли из пистолетов, швыряли дротики и ножи в ненавистных правителей. Какое наслаждение! Эх! Если об этом прознают, не сносить преступникам голов! Но эти минуты стоят того!

— Да! Да! Да! — Сидера целилась в своего экзарха. — Сдохни, главгад! Ха-ха! Вот так Око за око! Во второй! В нос! Чтобы знал, как честных мидду унижать! Вот так!

— Да ты его ненавидишь.

— А кто его любит? Довёл нас до ручки, так что даже в туалет без разрешения этих торговцев лидаро не сходить. О, смотри!

Словно электричество, удовольствие проскальзывало меж серебристых чешуек. Изумрудные глаза охотницы, не отрываясь, следили за целью. Сколько мести, сколько энергии и, главное, того, чего не заметить в суете рутины: жажды справедливости. За все неудачи народа. За все ошибки по глупости. За недопустимую слабость и неправильные решения, стоившие целому виду будущего. Странно понимать, что мидду медленно вымирают. Исчезают. Разбегаются из своих пустеющих бедных миров в поисках лучшей жизни. И, самое страшное, находят её: их боевое мастерство, привитое с рождения, их честность и сила востребованы в наёмниках и корсарах, в вышибалах и пушечном мясе. Чем дальше от родины, тем им роднее край. Как же Оклайн их понимает!

Сидера плоть от плоти своего народа, квинтэссенция его способностей, мышления и тревог. Предупредительный клапан, который уж много лет надрывно свистит от того, что давление в старом ржавом котле чрезмерно велико. Ещё немного — и вся система взорвётся.

Но никому до того нет дела, а кому есть — тот уже далёко, бежит, спасая свою жизнь.

— А что насчёт фехтования?

— С куклами?

— Ага!

Она кинула пару гибридных клинков — похожих на рапиры, тонких, но смертельно опасных. Пробивают на раз любую броню, стоит подобрать резонансную частоту. И, хотя делают их для колющих ударов, рубить ими можно так же славно, отсекая конечности и головы, лишь бы лезвия хватило.

— Как ты так ножны взворачиваешь? — усмехнулась она. — Будто это длиннющая катана, а не игла чуть больше полуметра!

— Я... Иногда я так надеваю. Не знаю, я никогда не носил другого клинка, — Оклайн их поправил.

— Ну-ну. А... Ты сможешь протезом?

— Постараюсь.

Оклайн по привычке всегда брал холодное оружие в левую, а огнестрельное — в правую. Хотя разницы, на самом деле, никакой не чувствовал, одинаково владея обеими руками. Проверим, насколько замена соответствует оригиналу.

Соседний контейнер открылся, обнажив набор тренировочных моделей.

— Я уже их жалею!

Лёгким взмахом пробил манекену сердце. Вторым — брюшную аорту. Третьим — перерезал бедренную артерию. Легко задел шею — пустил кровь из сонной. Даже, казалось, не летальный тычок в плечо оборачивался таким кровоизлиянием, что бедолагу уже не спасти. Один удар — один труп.

— А если бы они были в латах, смог бы так же?

— Да, — довольно протянул он.

— Ну, посмотрим! Моя очередь!

Поначалу она была так же точно, словно живая молния. А после начала калечить. Крохотные, болезненные порезы. Оклайн сразу заметил — бьёт она по слабым местам мидду, а не людей, при этом грязно ругаясь вполголоса.

— Может, дашь ему уже милосердие?

— Нет! Своих министров я возьму живой! Чтобы на своей добротной шкурке ощутили все те пытки, что в наших тюрьмах применяют! Они не заслужили милости! Пусть помучаются! Вот так! — одним взмахом Наррайн пересекла три тонкие артерии, обрекая врага на долгую мучительную смерть. — Пусть пробегутся по минному полю! Чтобы ногу оторвало! А потом покукуют в усилителе боли! А потом!.. Потом!

— Сидера, успокойся. Они не стоят того, чтобы рвать ради них душу. Мы должны быть милосердны ко всем разумным существам, или кем мы будем?

Отдышавшись, она показала изуродованной кукле фигу и кивнула.

— Чего-то я переборщила.

— Успокойся. У тебя есть плавные развлечения?

— Ага! Сейчас! — она залезла в подсумок. — Чёрт! Кончились!

— Кто?

— Шарики. Видишь линии?

Пути роботов означались жёлтыми сигнальными дорожками, регулярно обновляемыми небольшим штатом автоматической obsługi. Недолго думая, Сидера отправилась в поисках

одного из них, дабы честно «позаимствовать» немного краски.

Оставшись один, Оклайн с минуту продолжал пулять в дырявые портреты, однако без пары это оказалось в разы скучнее. Устав, он присел на контейнер и зевнул.

— Ты как?

— Прошу прощения?

— Как себя чувствуешь?

— Честно, отвратительно, — признался Сафф.

— С чего вдруг?

— Вижу регресс, разрушение и хаос. Это противоречит моим устремлениям. Я колониальный ИИ. Я рождён, чтобы строить и созидать, а не уничтожать.

— Тем не менее, природа могла оказаться враждебна.

— И оказалась. Я недоглядел. Слишком поздно обнаружил угрозу. Я виновен в гибели «Вавилона» и всей команды.

— Брось. Ты ещё не знаешь, в чём я виновен. По сравнению с этим, твои ошибки — ничто! И кто тогда знал? Никто. Ты сделал всё, что мог. Не получилось.

— Меня удручает подобный результат.

— Сафф, мы ведь друзья. Ты знаешь, что я тебя не виню. Зачем объяснения? Зачем? Просто продолжай жить дальше.

— У вас не получается.

— Попытка считается.

— Попытка не есть результат.

— А что будет, если не пытаться? Не можем достать до звёзд? Забудем про них. Не можем жить хорошо? Будем жить как свиньи. Кто мы без стремлений?

— Они недостижимы.

— Тут путь важнее цели, — он мечтательно улыбнулся. — Возможно, мы ещё увидим расцвет нового общества! Как в наших мечтах! То будет время!

— Маловероятно, однако... я надеюсь.

— Не теряй задор. Он тебе идёт.

— Разве?

— Разумеется. Весёлый рободруг, стакан сомы и тёплая постель — что ещё нужно для счастья?

— Вера в завтрашний день?

— О! И это тоже. Не унывай. Победа неизбежна.

Внезапно из-за спины выскочила Сидера.

— За мной, живо!

— Что такое, что случилось?!

— Нет времени! Быстрее! Пока они не заняли ангар!

Они метнулись к «Бездне» через автоматический терминал. В бедном свете почти бесшумно погрузчики тасовали контейнеры, заполняли пустые и правили полные по конвейерам машины. Штабеля высились тут и там, исчезая и появляясь за мгновения. Пища Ордена распределялась меж отлетающими судами, внутренними хранилищами и складами в сером гуле полумрака.

Уклоняться приходилось часто и резво, и, если бы не совершенные глаза, пару раз железные руки прошли бы по бокам. Однако Сидера, маячащая впереди бледным пятном, и без такого преимущества давала солидную фору. Лишь доскональное знание всех

процессов позволило им проникнуть в один из ящиков, избежать упаковки и заправки и попасть через раздатчик наружу, прямо в ангар.

Нервно дыша, она выглянула через щель.

— Все чисто! Бежим!

Скинув крышку, пара кинулась к одиноко стоящему транспорту. Пусто и тихо, куда делись все техники? Шаги гулко отлетали от стен. До трапа оставалось буквально двадцать метров, как перед ними возник рыцарь.

— Стоять! — догнал их крик Арраса. — Именем Совета, вы арестованы!

— Вот чёрт!

— Стоять, или будем стрелять! — их окружила толпа. — Ты! — Аррас глянул на Наррайн. — Кто бы ещё это мог быть?! Безумная девчонка! Сейчас ты действуешь против воли Галактического совета. Ещё один шаг и...

Сидера нокаутировала его одним ударом. Кинулась на оруженосца.

— Беги!

Против элитных лат не было ни шанса. Их рывок сдержала несокрушимая сталь искусственных мышц и скорость мысли имплантатов.

Оклайна скрутили, поставили на колени, заключили в наручники. Сидеру ударили пару раз шокером, чтобы успокоилась.

— Так куда лучше! — наконец очнулся Аррас.

По лицу его струилась алая кровь из разбитого носа, а правый глаз закрыло распухшее рассечённое веко.

— Безумная девчонка! Всем известно, что серебролицые — высокомерные уроды. Ты даже не пытаешься казаться другой.

— Остолоп! Что ты творишь?!

— Действую по закону! Не то, что вы, самодеятели! Традиции, видите ли, им позволяют решать всё! Да плевать мне на ваши традиции! Есть закон.

— Есть заказ, — продолжила Сидера. — А ещё правительство, перед которым надо выслужиться! И собачка министра, которую обязательно нужно погладить!

— Хватит! Твоему крохотному мозгу не осознать и толики того, что творится у нас в Ордене!

— Ты нарушаешь личный приказ магистра! Эх! Когда я выберусь из этой заварушки, и не думай о пощаде! Тварь! Предатель! Крыса! Ты не достоин носить наш герб!

Она вырвалась. И прежде, чем её успели схватить, размазала шарик светящейся сигнальной краски по левой половине кирасы Арраса. Тот рассвирепел. Дал пощёчину уже связанной Сидере и плюнул на неё.

— Я выше тебя, безродная свинья!

Пока Оклайн отчаянно искал выход и, казалось, нашёл, створки ангара распахнулись. Внутрь влетел катер Гвардии — алого цвета дипломатического иммунитета. Не успел он коснуться земли, красные скафандры попрыгали вниз и окружили их.

— Именем Совета, вы арестованы! — указующий перст офицера пал на чело Эмбара. — Велением Внутреннего круга вы вне закона!

— Передаём его вам.

Офицер кивнул Аррасу и приказ своим переволочь пленника на катер. Но и тут ему не дали этого сделать спокойно.

— Стойте, полудурки! Он мой пленный! Я имею право сопровождать его и знать, что и

как с ним будут делать!

— Что за бред ты несёшь?!

— Ага! Попался, умник!

— Это правда, — подтвердил один из рыцарей. — По документам всё так.

Аррас прорычал под нос.

— Вы желаете отправиться с нами? — удивился стражник.

— Именно!

— Значит, мы обеспечим вам конвоирование. Предупреждаю, задержанному выдана высшая степень опасности. В случае попытки побега вы можете пострадать.

— Серьёзно?!

Кажется, он на миг смутился. Не узнал, или забыл, с кем говорит.

— Так и быть. Погружаемся и вылетаем!

На миг их взгляды с Наррайн пересеклись. Она хитро подмигнула. Есть план?

Катер вылетел. Нервно дёргаясь в тесном кресле, он думал. Думал. Высший приоритет цель получает только в случае, если за её поимку ратует член Совета, никак иначе. Ни обращения в Галпол, ни заявки от правительств. Варайн? Вряд ли, да и зачем ему ставить Совет против своих интересов. Это мог быть только представитель Союза с ведома Совбеза. Неужели Фауст? Расследование... Конец очевиден. Никто не будет держать его в камере, пытать. Нет. Его везут на расстрел. Теперь уже бесповоротно. Никто за него не заступится.

От этой простой мысли внутри всё сжалось. Конец. Вот он какой... Простой. Быстрый. Неожиданный. Мысль внезапно прояснилась, да только мысли самой не было. Вакуум. Вспомнить тех, кого считал другом и кого уже нет. И, конечно же, поблагодарить Саффа.

«Прости. За всё.»

«Вам не за что просить прощения.»

«Я слишком много от тебя требовал и ничего не давал. Слишком был занят другим. Ошибался.»

«Вы спасли меня. Вы дали мне новую цель. Этого достаточно. Мне действительно нравится наблюдать за вами и помогать вам.»

«Спасибо. Ты настоящий друг.»

Прошло пять минут. Семь. Десять. Размеренный гул мотора. Шелест дыхания. Мерный ритм сердца. Полное спокойствие и сосредоточение. Медитативный транс.

Оклайн смиренно ждал своей участи. Да только даже это ему сделать не позволили. Виражи катера оказались настолько крутыми, что пассажиров качало от перегрузок. Куда они летят?! Внезапно они накренились вправо, пошли на резкое снижение.

— Что происходит?! — офицер схватился за поручни. — Внимание!

Сидера выхватила из его кобуры пистолет. Дальше была смерть.

За несколько секунд гвардейцы расстались с жизнью. Даже не успели позвать на помощь.

— Держись! — успела выкрикнуть она.

Со скрежетом и воем катер врезался в балкон. Причесал стену. Вломился на галерею. Повалил дым. Зажглись алые огни. Гарь обжигала нос.

— Давай, давай!

Оковы спали. Он свободен! Жив и свободен!

— Давай, быстрее! — она потащила его к люку, распахнула и вывалилась наружу.

Яркий слепящий свет со всех сторон. Они ведь на улице посреди дня!

— Не открывай глаза! — крикнул он. — Вижу! За мной!

Кое-как, тыкаясь в каждый угол, они добрались до тени внутреннего зала. Позади раздался грохот падающего катера — вместе со всеми доказательствами предательства. А потом донёлся долгий ух взрыва, повторённый тысячу раз эхом. Теперь уж Гвардия концы с концами не сведёт.

Через пустой гулкой тоннель беглецы ввалились в купол, огромный цветущий сад, со всех сторон окружённый жилыми стенами. Стекло рассеивало опасные лучи, делая их в разы менее яркими. Где все — куда ни взгляни, пустые лавочки, киоски и подъезды. Неужели испугались взрыва? Так резво разбежались?

— Эх, — Сидера села. — Уф... — схватилась за бок.

— Что с тобой?

— Больно.

— Крепись. Пойдём... пойдём на нижние уровни, там нет камер.

— Да.

Доковылять до дверей оказалось той ещё задачей. И всё же, с ней справились. Лифт не заблокирован! Когда-то же удача должна была улыбнуться!

Кабина пошла вниз. Среди серебристых стен загорелся экран.

— Получили любимую профессию, но не можете найти работу? — вещала реклама. — Умираете с голоду от низкой зарплаты? Вас не хотят нанимать? Решение есть! «Рабская сила»! Обращайтесь к нам и получите гарантию трудоустройства, крышу над головой и полную тарелку на столе! «Рабская сила»: рабы лучше, чем роботы!

— Ага, — усмехнулась она. — Болтайте, болтайте, пока можете. Я и до вас доберусь!

— У многих нет выбора.

— Моей маме тоже так сказали.

Больше они не проронили ни слова.

Двери открылись.

Прежде, чем Оклайн вдохнул плотного грязного воздуха в грудь, его схватили за шиворот, кинули в БРТ и понеслись что есть духу.

— Сэр, вы как? — над ним склонился некто. — Мы тут малость побаловались с РЭБ надеюсь, ваши импланты целы?

— Отто? — он недоверчиво прищурился.

— Он самый!

— Надеюсь, вы уже нашли укрытие, — пробормотала Сидера.

— Разумеется, — он обернулся к кабине. — Эй, мехвод, бери ниже! На бреющем!

В грузовом они втроём. Машина свежая, только что из ремонта, все припасы на месте. Не похоже, чтобы её угоняли в спешке.

— Полковник, я правильно понимаю, что действуете вы против приказа Фауста? Вы ведь понимаете, что это измена?

— Да, — спокойно ответил тот.

— Вы должны понимать, что как ваш начальник, я не одобряю таких действий, — они глядели друг другу в глаза. — Однако, как человек, я рад, что вы здесь! Благодарю!

— Не спешите, мы ещё не выбрались.

Либершафт помог им сесть в кресла и пристегнуться. Сидера время от времени поглаживала бок и шипела.

— Её нужно как можно быстрее осмотреть.

— Я могу оказать помощь прямо в пути, — напомнил Сафф. — Подключаюсь к системам управления БТР. Успешно. Вы не могли бы поднести датчики к зоне повреждения. Именно так.

Небольшим, на вид стеклянным, тубусом провели по больному месту.

— Брр...

— УЗИ показывает, что повреждений внутренних органов нет. Переломов нет. Обнаружена крупная гематома, растяжение фасций.

— Само заживёт, мне оно не мешает.

— Ещё как мешает. Сафф?

— Используйте смесь № 5 из стандартной аптечки. Одна доза.

Отто достал из кармана красную пластиковую торбочку, раскрыл и выхватил небольшой флакон характерной формы и цвета спелой вишни.

— Будете гнать меня в шею, — пригрозила Сидера. — Я вам отвечу.

— Не дёргайтесь.

Раздалось короткое шипение.

— Вот так!

— Дозы хватит. До дальнейших манипуляций стоит меньше двигаться и напрягаться. Благодарю за внимание и понимание.

— Ага.

— Сидера. Чем лучше ты будешь себя вести, тем раньше вступишь в строй!

— Да ладно! Ладно. Ты прав. Мне сейчас лучше не показываться на глаза Варайну.

— Никаких побегов и несанкционированных действий. Мы предатели на вражеской территории. Полковник, сколько «нас»?

— Восемьдесят девять человек. Пять танков и шесть БТР.

— Плюс рыцарь и я, — кивнул Оклайн. — Великолепно. Этого хватит, чтобы захватить несколько миров прежде, чем нас успеют заметить. Что с Фаустом? Почему вы от него ушли?

— Он прибыл сразу, как только вас увезли. Его сопровождали пять полных зартианских полков, сейчас они перекрыли всю Петрару и никого туда не пускают, и не выпускают оттуда. Что у него в голове творится, я без понятия. Он вообще ни с кем не поделился, я его и видел-то мельком, на собрании. Он тут же начал служебную проверку по поводу нашей здесь возни.

— По результатам которой меня сняли с должности.

— Да. Как узнал, тут же начал метаться. Уверен, это козни! И тут мне позвонила наша знакомая... — он внимательно поглядел на Сидеру. — Не знаю, откуда у тебя свежие пароли, но спасибо. Мы с парнями, конечно, должны подчиняться приказам, но... Этот Фауст — мы же против этих зартианцев воевали! А теперь он командует тут?! Это мы победили или они?! Тем более, он приказал вас расстрелять за эту чёртову летающую каракатицу.

Чем сильнее вдальбливают пропаганду, тем сильнее искривляются мозги. Хорошо, что на этот раз — на сторону Оклайна.

— Левитационный завод?

— Именно. Сказал, что магнаты были вне себя от ярости и потребовали у Августа навести тут порядок. Похоже, если бы вы его не построили, они бы так про нас и не вспомнили!

— Да уж...

Иного ожидать и не приходилось, но как-то печально на душе. Руководство настолько занято, что инциденты международного масштаба не рассматривает, зато претензии пусть богатых, но не входящих ни на дюйм в вертикаль власти толстосумов, разбирает незамедлительно. А ведь сколько времени прошло? Чуть больше суток!

— Вляпался ты по своей глупости, — пробурчала Сидера.

— Хах, если бы. Меня бы сняли в любом случае, слишком важное дело. Так мы хотя бы внимание привлекли. Хотя бы. Что с остальными?

— Охраняют врата. Фауст занят сбором трупов, а командует там некий полковник Ричрас. Без понятия, кто он и откуда, но, похоже, он что-то знает о тварях. Я заметил, что у них полно электрического оружия — каждому по тазеру выдали. Неспроста всё это.

Тазеры? Откуда Йоганн знал? Оклайн не отправлял отчёт о слабостях паразита, а все данные находятся у Саффа. Мера предосторожности? Или ему известно больше, чем хочет показать?

— Что он делает с телами?

— Честно, не знаю. Собирает их, грузит в вагоны, наверное, перегонит в лаборатории. Куда ещё?

— Ясно. Приму к сведению, — он устало прикрыл глаза. — Как вы замели следы?

— Мы просто скрылись. Ушли в патруль. Сняли все аппараты слежения, так что нас не найдут. Камеры перегрузили, а там наверху ещё и гражданскую тревогу подняли, чтобы от лишних глаз избавиться. Я сначала думал перестрелять их, однако... Нашлось другое решение.

— Хорошо, — кивнул Эмбар, не открывая глаз. — Хорошо. Ситуация в общем мне ясна, вы могли бы подготовить подробный отчёт? Посмотрю его позже.

БТР причалил к небольшому балкону на нижнем уровне. Так глубоко, что с поверхности проникают лишь редкие рассеянные лучи, отчего можно ходить и днём и ночью без очков. Тут, наоборот, — не хватает света, царит вечный сумрак.

Они залетели в крохотный ангар и там, защищённые от чужих глаз, выбрались наружу. Технику замаскировали — сменили окрас, добавили кое-каких мелких украшений, прикрыли маскерсетями, так что на человеческую машину походила она мало. Скорее, на кустарный бронемобиль. Неплохо.

— Где остальные?

— Рассредоточились по всему району, — Отто пустил их в квартиру.

Довольно просторная, из пяти квадратных комнат с большими окнами, зашторенными толстыми металлическими жалюзи. Судя по яркому убранству, обилию ткани, ковров и души, жили тут лидаро. На невысказанный вопрос Либершафт пожал плечами.

— У мидду воду днём с огнём не сыщешь, скви живут в теплице. Остаётся только это.

— А что с хозяевами?

— Если вежливо попросить и помахать перед лицом парочкой пластинок, многие готовы временно переехать. Всё, как вы учили. Уважение и ясность.

— Рад, что мои идеи хоть где-то проросли. Так держать, полковник.

— Мы тут уже год, не зря же я протираю штаны!

Сидеру, несмотря на протесты, разместили на диване и оставили наедине с автомедиком. Сафф знает, что делать и как делать, остаётся лишь ждать.

Так как единственным из офицеров тут был Либершафт, то он и предоставил доклад по обстановке. Используя нечёткий домашний голограф, готовый погаснуть от малейшего

лучика стороннего света, они внимательно изучили позиции человеческих войск и общее положение на Альфагемоне.

Если в Петраре дела обстоят более-менее спокойно, то за её пределами начался сущий фарс: протестующие каждую ночь устраивают погромы и поджоги. Каждую ночь Гвардия проводит аресты и расстрелы. Но это не помогает. То один, то другой район решает, что власти обязаны ужесточить экологические нормативы, запретить мясо, шоколад и шерстяные изделия, закрыть заводы и прекратить сброс отходов в подземные хранилища. Разумеется, их отправляют куда подальше — мидду без много обойтись попросту не способны — и начинается цикл наново. Таким образом, весь ресурс Гвардии занят постоянно — одни отдыхают, другие — подавляют мятежи и патрулируют улицы.

Варраден внезапно притихли. Проникнуть за непроницаемую завесу секретности Ордена не представляется возможным, однако один источник всё же был — стоящая в ангаре «Бездна». Однако, ничего интересного вокруг не происходило. Разве что недовольный Варайн решил лично оглядеть место последнего пребывания своего гостя.

— Наши действия?

— Выжидание. Мне нужно всё обдумать. Потом. Думаю, вздремну.

— Не буду мешать.

Когда Отто удалился, Оклайн наконец смог отдаться чувствам. Внутри него было лишь... опустошение. Не злоба, не разочарование — опустошение и усталость. Едва не состоявшаяся казнь, раскол внутри Варраден, арест, рука... Он совсем забыл о ней в суматохе. Теперь же, когда всё стихло, она снова напомнила о себе странными ощущениями и лёгким зудом. Награда за поражение. Он не справился. Всё сплошной провал. Объединение — провал, защита — провал, поиск союзников — провал. Как всегда — хотел, как лучше, а получилось хуже, чем всегда. Слишком многое не учтено. Слишком многое упущено ради скорости. Теперь оно аукнулось. Забыл о официальном наборе в Орден — получил выдачу, не захотел подчиняться законам Союза — расстрел.

Может, стоило подождать? Рано или поздно игнорировать инфекцию станет невозможно. Гвардия и Совет будут вынуждены начать кампанию против паразита. Но когда это будет?

Проведя ещё один анализ: от начала до конца, обдумав каждый шаг, он решил, что всё сделал правильно. Каждый раз шёл на опережение, потому и побеждал. Разве что в последнюю ночь вышло неудачно из-за неизвестного воздействия. Несомненно, это паразит. Но как этому противиться? И почему оно действовало исключительно на людей? Имеет тонкую настройку? Вопросы, которые сейчас излишни. Сколько раз он их задавал? Сколько раз слышал одно и то же? Сколько раз проводил одни и те же расчеты? Ходит по кругу. Нужно отдохнуть. Забыться.

Оклайн обмяк в кресле. Болело всё. Тело, голова, разум... Слишком изнервничался. Перенапрягся. Травмировался. Воли хватило лишь на неуверенное перебирание пальцами — остальное отказалось подчиняться.

— Сафф...

— Я здесь.

— Снотворное.

— Ввожу.

— Ох-х...

Наверное, стоит лечь в кровать, но нужно вставать, идти. Куда проще откинуть спинку

этого мягкого кресла и закрыть глаза. Да... закрыть и не открывать...

5. Знакомая

Утро выдалось мрачным. Небо застилали густые тучи, от грома дрожали окна в рамах. На сегодня назначили ливень, все мероприятия отменены, все перелёты временно остановлены. Гроза обещает быть невероятно мощной — от обилия беспроводной передачи воздух сильно наэлектризовывается, притягивает воду в больших объёмах. Настало время разрядить обстановку.

В квартире остались лишь они втроем, во избежание. Во второй раз убийца может оказаться достаточно быстр и ловок, чтобы завершить своё чёрное дело. И всё же Оклайн не поворачивался ни к кому спиной. Протез своим нанитным швом ещё жёг плоть.

На завтрак подали овощную лапшу без единого кусочка мяса. Сидера кисло мешала её, наворачивала на вилку и пихала в рот, высоко запрокинув голову. А потом долго и печально жевала с постной миной. Остальные восприняли вегетарианский завтрак менее печально, всё-таки он оказался вкуснее белковой пасты, кубиков водорослей и жира. А вот лекарств оказалось мало — им всем нужен бионитин, так как все так или иначе напичканы техникой. Ради экономии его потребление уменьшили вчетверо — это безопасно. На первых порах. На «Бездне» имеется большой запас, однако пока он недоступен, придётся скряжничать.

— Итак, какой у нас план? — пробурчала Наррайн.

— Без данных Гвардии, — подытожил свои мысли Эмбар. — Война с паразитом бессмысленна.

— Чтобы их достать, нужно попасть в планетарную цитадель. Нам туда путь заказан.

— Я бы могла проникнуть туда и выкрасть сведенья.

— Не стоит рисковать. Без специального снаряжения это будет в разы сложнее. А на тебе простой противопульный скафандр. У меня есть идея лучше.

— Ну-ну.

— Генерал Лисперакс последнее время кутит без передышки, значит, мы обратимся к тому, кто может поставлять ему услуги. Благо, я имею знакомство с нужной особой.

— О-о-о, — по её мордашке расплзлась до ушей довольная улыбка. — Я знаю, куда мы полетим. Уверен?

— Абсолютно. Придётся немного потерпеть, но...

— Потерпеть?! Ты шутишь?! Да ты летишь на приём к самой желанной даме галактики! Да с такой кислой миной. Фу!

— Кхм-кхм...

— Не сейчас, полковник. Предупреждаю, у меня не было выбора. Либо так, либо я стану закуской на следующем приёме. Серьёзно.

— Пф-пф-пф-пф...

— Сидера, веди себя прилично! Как твой бок?

— Всё нормально.

— Я у Саффа спрашиваю.

— Не рекомендую значительную физическую нагрузку, однако натяжение фасций минимально. Отёк спал.

— Отлично, потому что она нам сейчас понадобится.

— И как же?

— Нас нужно провести туда. Не на бронемашине же туда лететь?

— Зато какое впечатление ты оставишь!

— Сидера!

— Молчу, молчу, — про себя она начала неистово хихикать.

— Полковник, тоже летите с нами. Смотрите в оба.

— О-о, там вам будет, на что поглядеть!

— Сидера!

— Да брось! Весело же. Тамошний бармен готовит великолепные коктейли! На Кокани я все не успела попробовать.

— Вот и займёшься дегустацией. Пока я буду... на переговорах.

Это вызвало очередной взрыв хохота.

— Всё! — отрезал он. — Вылетаем. Сидера?

— Угу, сейчас. Пф-пф-пф...

Гром.

— Брр!.. Проклятый дождь! Вода, падающая с неба!

— Если что, у меня есть водяной пистолет, — желчно ответил Оклайн. — Посмотрим, кто кого!

— Ах ты! Ладно. У меня есть идея, как вас довести!

— Сэр, мне не нравится её тон.

— Наши приключения только начинаются!

***

По окнам били тяжёлые капли. Тот редкий момент, когда Зеркальный город кажется блёклым и серым местом, когда его серебру нечего отражать, кроме сияния змей молний, разрезающих небеса пополам. Раскаты дикого грохота, гремящего мигом спустя, сотрясали само нутро и заставляли невольно поёжиться. Ярость природы во всей красе!

— Я без погон как без головы.

— Терпите, нам нельзя привлекать внимание, — пробурчал Оклайн.

— Кто бы говорил! — ёрничала Сидера.

— А на этой машине есть какое-то оружие? — спросил Отто. — Бронированное стекло? Усиленный корпус?

— Здесь есть счётчик! — усмехнулась Сидера.

— И?

— И всё!

— Сэр, я, конечно, всё понимаю, но почему мы должны пользоваться такси?

— Потому что его легче всего взломать, а само оно не вызовет подозрений.

— Как скажете. Тут такие большие окна! Неприятно.

— А мне нравится! Широко, свободно, есть, чем дышать!

Правда, такси для мидду, как и все их изделия, страдает некоей формой гигантизма. Тут даже Оклайн двух метров ростом может спокойно вытянуть ноги, и ещё останется свободное место, а про мидду на четверть меньше его и речи не идёт. Профилактика распространенной среди них клаустрофобии.

— А куда мы летим?

— В «Золотую лань».

— Никогда не слышал. Что это? Отель?

— Почти. Малость ошибся.

— Разве? — похоже, он не понимал.

— Это бордель! Лучший бордель во всей галактике! Ха-ха! Я там, правда, никогда не была, но рассказывают только хорошее! Там исполняются любые желания, если у тебя достаточно денег. Но у нас есть Оклайн, поэтому платить будет он.

— Сэр, а ваша знакомая, она...

— Владелица.

— Ха-ха! Да она и сама не прочь развлечься!

Либершафт набрал воздуха в грудь и молчал с минуту, прежде чем спросить:

— Пока вы будете на переговорах, что нам делать?

— Всё просто: глядите в оба и развесьте уши. Там постоянно гуляют разные слухи — ловите все. Кто, куда, откуда и почему. Сафф обрабатывает информацию, главное, её получить.

— Так точно.

Для Отто это может оказаться не так-то приятно. Оклайн даже и не подумал, что тот фактически лишён способности любить — гормональная и лекарственная терапия и особое воспитание внушают полное отвращение ко многим удовольствиям плоти. Солдаты, как и все остальные представители низов, — расходный материал, они должны отлично выполнять свои функции и ничего более. Хотя, он с Равенны, там, вроде, не настолько жестокая подготовка. Не то, что у Зарты, клоны-армейцы которой в прямом смысле бесполы.

— И ещё. Так как мы не знаем, кто подослал убийцу, он может попробовать снова. Будьте начеку.

— Приняли.

Снаружи дворец удовольствий не представлял из себя ничего особенного — просто отдельный фрагмент городской стены, богатый, но в квартале особняков легко найти и более выдающийся дизайн. Перед посадкой запросили имя.

— Передайте Райне, — прокашлялся Оклайн, — что прибыл один её старый знакомый с Кокани.

— Ожидайте.

Они с Сидерой переглянулись.

— Ни слова!

— Как скажешь.

— А что на Кокани произошло? — проснулся Отто. — Это секретная информация?

— Да. Знайте только, что после этого планету разбомбили с орбиты миротворческие силы Совета.

— Нехило вы там повеселились.

— О, да!

— Сидера! Молчать!

— Вам дано разрешение на посадку в верхний ангар.

— Понял, заходим.

Внутри же «Золотая лань» выглядела невероятно. Изысканно и филигранно, всё здесь крайне тонко — золотые нити, коими шиты бордовые занавесы, так и броские, сочные одеяния прислуги. Каждый элемент, каждый сантиметр изысканно обставлен и продуман. Повсюду роскошь, но не такая, что бросается в глаза, не «бедняцкая», а настоящая, подчёркивающая красоту, а не загораживающая её. Лёгкие духи, приглушённый свет, расписные вазы ручной работы, деревянные маски на стенах, ковры, словно потоки вина, фруктовые ароматы и далёкая игра музыкантов. Вживую, разумеется.

Мрамор колонн, перекрывающихся тяжёлыми тканевыми занавесями, приглушающими

звуки. Красные дорожки, золотые кисточки шпюр. Резные двери из настоящего дерева блестят лаком в свете хрустальных люстр. В залах на диванах развалились гости, повсюду валяются свежие фрукты, пахнет шампанским, перемешивающимся с духами. Уставшие от опостылевших супругов, любвеобильные или просто горячие, гости платили не только за наслаждения, но и за тайну.

Райна гарантировала, что ни один слух не покинет томных стен. А если слуга всё же пробалтывался, она лично вырезала ему язык и зашивала рот серебряной нитью. После пары таких случаев местные лакеи стали самыми надёжными хранителями тайн. Для всех, кроме своей госпожи. Она знала и видела всё. Срезая сливки, она жила ярко и напыщенно, иногда танцуя на подиуме, иногда приглашая в покои особо впечатливших её мужчин. Что только не делали люди, чтобы попасть к ней на приём! В последний раз несколько офицеров устроили дуэль за право поцеловать её ногу. А она пнула победителя, когда тот попытался.

Но всё хранится тут, среди огромных изящных картин, статуй и золота блеска. Каждое украшение не похоже на другое, каждое сделано вручную лучшими мастерами. Обыденное подчёркивалось экзотикой, цвета — ароматами и звуком. Сам воздух здесь пропитался и стал необычным, словно розовым на нюх. Однако глаза видят лишь малую часть того, что занесла сюда хозяйка — на других этажах оформление окажется совсем иным — от классицизма до ампира, от барокко до модерна. И всё везде изысканно и шикарно. Ведь главное, в чём разбиралась Райна — роскошь.

Она сама как сочный рубин в алом платье, а окружение — лишь оправа. Грация, идеальная осанка, мелодичный голос. Одни считали её вычурной куртизанкой, другие — молились на неё. Но все соглашались в одном:

— О, духи, как она красива, — прошептал Либершафт, когда хозяйка показалась на лестнице.

— Рот закрой, не то она его зашьёт. Или подаст тебя на стол. Там, откуда она родом, людоедство — норма.

— Какие редкие гости нас навестили! — по-змеиному блеснули её глаза. — Давно же ты не заглядывал на огонёк.

— Был занят.

— Понимаю, до нас доходят крайне пренеприятные слухи, — Раекка перебрала керамические пальцы. — Так это правда.

— Да. Что бы ты ни слышала, всё правда.

— Опасно так говорить, ты даже не представляешь, сколько всего я слышала в твое отсутствие, в том числе и о тебе, — она заглянула ему за спину, перемигнулась с Сидерой и задержала взгляд на Отто.

Тот браво заложил руки за спину, выкатил колесом грудь и мечтательно глядел куда-то вверх. Словно с портрета сошёл.

— Неожиданно, но приятно. Надеюсь, вам понравится в гостях.

Она была редкого бронзового отлива, и, в отличие от большинства соплеменников, казалось удивительно гладкой. Её чешуйки аккуратно прилегали друг к другу, её янтарные глаза обрамляли тонкие пластинки, на её коже, того же тёмного, медового цвета темнели пятна, будто тени. Она любила полумрак, любила игру света, ведь так выглядела только краше. И знала это.

— Поговорим наедине?

— Конечно.

Она легко выдохнула и приобняла его за талию.

— Так пойдём же.

— А что с моими товарищами?

Райна обернулась и обвела рукой их, прислугу, багрянец занавес, десятки дверей.

— Это дом удовольствий! Тут исполняются желания! — она расхохоталась.

— Идём, пень, я покажу, что значит настоящая драка! — потащила за край мундира

Отто Сидера.

Их проводили взглядами.

Через десять минут в роскошном пентхаусе, на высоте над Зеркальным городом, под звон капель распивали алое вино. Словно потоки крови, по стенам струились гобелены, украшения разных культур и эпох неизменно сливались в одну чудеснейшую картину, несколько не противореча друг другу. Вдыхая дурманящие ароматы духов, размякнув на шёлковых подушках, они сидели рядом и говорили о всяком.

— Это так печально. Они совершили большую ошибку, когда обвинили тебя.

— Они действовали по протоколу.

— Какие же вы глупые! — она оторвала ягодку от кисточки. — Такие... такие... варварские.

— Топорные.

— Да! Да! Как режет слух! То самое слово! Повтори ещё раз.

— Топорные, — Оклайн невольно улыбнулся.

— Каких только унижений не придумают!

Она легла на колени. Радостно улыбнулась, когда его рука легла на живот. Вздохнула.

— Ещё вина?

— Пожалуйста, — она отпила совсем чуть-чуть пурпура. — Какой вкус! Какие нотки!

Ты заметил?

— Конечно. Бенденское?

— Как ты угадал?!

— Хах! Мы ведь не в первый раз тут.

— Я берегла эту бутылку для особых случаев. Триста лет выдержки! Мм-м... Был ли ты когда-нибудь около того шато?

— Нет. Я слишком занят ныне для поездок.

— Ничего. Как-нибудь съездим! Там солёный воздух с моря, солнце круглый год и так тепло! А ещё повсюду усадьбы, усадьбы, усадьбы. Там... Там такой запах сена, травы. Мм-м!.. А ещё много скал и рифов с разноцветными рыбками!

— Мне по душе борей и сосновый бор, чтобы пахло смолой, а древние мегалиты, словно кости, торчали из земли! Чтобы фьорды тянулись на сотни метров, чтобы о них с воем бился прибой. Чтобы под ногами шуршала хвоя, а туманы, словно молоко, скрывали долины поутру.

— Я тоже люблю туман, но дождь... Я не люблю ливни.

За окном сверкнула молния. Раекка слегка поёжилась.

— Не бойся, я не промокаю.

— Ха-ха-ха! Прикроешь меня?

— А почему бы и нет?

Опустевший бокал с воздушным звоном опустился на малахитовый столик.

— Тебе нравится?

— Конечно.

— Ты всегда так отвечаешь!

На её лице появилась недовольная потешная гримаса, которая тут же стаяла, стоило её погладить.

— Продолжай. Не останавливайся.

— Ты такая невесомая.

— Да, мне нравится это слово. Давай быстрее, плотнее. Я хочу жара! Хочу жизни! Разгони кровь!

Оклайн обхватил Райну металлической рукой и поднёс к самому лицу.

— Тебе не больно?

— Нет. Неприятно, но терпимо.

— Я могу обмотать её атласом.

— Не надо. Ты такой едва шершавый и грубый.

— А ты упругая и гладкая. И мне это нравится.

— Да...

Он отбросил всякие сомнения и поцеловал её.

— Да...

***

Лишь к следующему вечеру они начали собственно то, ради чего встретились. В руках её сверкала игла, объединяя бордовые лоскуты — Райна любила иглы и умела найти им применение. Где-то, среди экзотической коллекции, имеется шкафчик, наполненный экземплярами сего предмета из сотен эпох и культур.

Сидя в креслах друг против друга, лаская на языке сочные напитки и тающие во рту фрукты, говорили о генерале Лиспераксе.

— Он ведёт себя странно, — протянула Райна. — Неподобающе своему положению.

— Слышал, он любитель развлечений.

— Развлечений?! Да хотя бы знаешь, что он сделал с моими девочками?! Он убил их, пьяный! — она фыркнула. — Его манеры мне неприятны. Когда я узнала и позвонила. Эх...

— Что случилось?

— Он нёс какой-то бред. Слов было не разобрать. Первые минуты две я и понять не могла, с кем говорю. Думаю, он перешёл всякие границы. Наверняка следствие от употребления тяжёлых препаратов.

Оклайн покачал бокал. С одной стороны — преимущество, ведь наркомана легче шантажировать, с другой стороны — а кто знает, как он это воспримет? Генерал в почёте, а вот беглецам и преступникам веры нет. Не воспримут ли обвинения как клевету и ничтожную попытку расшатать положение уважаемого военного? Нужны доказательства.

— Как давно вы виделись?

— Давно. Полгода назад. Он пригласил меня обсудить своё поведение.

— И?

— Постоянно глядел на меня, пускал слюну! — Раекка вытянула ноги и пошевелила пальцами. — Невоспитанный индивид! К слову, его офицеры на том приёме вели себя так же. Думаю, они все уже... пропали.

— Успокойся, сейчас им до тебя не добраться.

— Знаю. Ко мне и не такие личности приходят! Ты знал, что советник лидаро — страшный алкоголик? Он пьёт без разбора. Мешает какие-то жуткие коктейли, от одного

запаха которых можно упасть в обморок! В последний раз мы его выносили к машине без сознания! Как так можно! И ведь официальное лицо!

— А ведь он фактически первый человек в галактике.

— О чём и речь! — её возмущению не было границ, хотя голос Райна повышала в пределах приличий. — Но хуже всего наш делегат. Честно, мне стыдно за свой народ. Он, ты бы видел его, — она залпом осушила бокал, Оклайн налил ещё. — Эх... Он такой безвольный. Я ради шутки предложила ему ходить с открытым ртом, пока муха туда не залетит. И что бы ты думал? Он его так и не закрыл, пока я не попросила. Ох... Такой болванчик!

— Неужели всё настолько плохо?

— Просто ужасно. Сейчас среди аристократии этикета почти не осталось. И они ещё меня в дикости обвиняют! Как низко. На себя бы поглядели. Один лежит под столом, весь... в рвоте. Даже вспоминать противно. Другой надыхался веселящего газа, третий так и вовсе шею свернул, прыгнув с балкона! У моих нижайших слуг честь выше!

— Осторожно, не облейся.

— Пока ты здесь, всё хорошо. Я знаю. Но... Ты ведь уйдёшь?

— У меня полно забот.

— Понимаю... Но ведь теперь, когда тебя уволили, ты... ты будешь со мной?

— По возможности. Мне необходимо восстановится, иначе Союз не отстанет. Наказания всегда исполняются, рано или поздно. Нужно доказать, что Фауст не прав, что я действовал соответственно ситуации. Быть может, у меня получится, и даже получится уволиться из-за этого.

— И тогда ты придёшь ко мне?

— Сначала — паразит. Я же рассказывал, насколько он опасен.

— Это же годы. Десятилетия!

— Иначе мы все будем в опасности. Поверь, если окажется, что с ним легко справиться и без меня, я не буду терять время.

— Спасибо. Я, надеюсь, — она обмякла в кресле.

— Не волнуйся. Я себя берегу.

— Вижу, — Райна провела взглядом по левой руке.

— Непредвиденные обстоятельства. Им должно быть объяснение.

— И ты его найдёшь.

— Да, — он набрал побольше воздуха в грудь.

Как бы хотелось говорить с ней вечно! Они так хорошо провели время, все тревоги, вся усталость — всё растворилось в ней. Райна невероятна во всём, слишком притягательна, слишком обольстительна, чтобы уйти. Однако, «время не ждёт»!

— Мне нужна информация о праздниках, что устраивает генерал. Расписание, квартиры, гости?

— Конечно! Он каждый раз присылает мне приглашение!

Раекка тронула рубин в ожерелье, и возникла голограмма.

— Следующий «праздник» послезавтра. Мне поехать?

— Не стоит, мы сами со всем справимся.

— Нет, я поеду. Что может отвлечь их лучше меня?!

— Даже не представляю.

— И я тоже. Я попробую расспросить их, узнать больше. Применю всё своё обаяние! В

пределах разумного: никто из них мне не нравится. Они такие скучные, серые, банальные. Тоску навевают.

— Ладно, — обдумал всё Оклайн. — Твоя помощь будет кстати. Проведём всё тихо и скрытно. Никто ничего и не заподозрит.

— Не сомневаюсь, — прошептала Райна. — А теперь, раз мы всё решили, может, останешься ещё на ночь? Все равно до завтра ничего не изменится.

Так заманчиво... И нет никакого повода отказать.

— Я передам своим, и мы...

Она села на колени.

— И чем же мы займёмся?

— Тебе точно понравится.

Эмбар крепко её прижал. Она провела рукой по его перьям, по лицу, по шее, по губам. Постучала и улыбнулась.

— А ты злюка.

— Даже не представляешь, насколько. Ты такой редкий зверь в наших краях, настоящий экзот. Слишком многим браконьерам нужна твоя шкура! — она погладила плечо. — Я им тебя не отдам, только сам себя береги.

— Думаешь, я подставляюсь под пули?

— Нет. Но, найти тебя — словно найти чёрную жемчужину среди пустыни.

— Жемчуг распадается песком.

— Нет, нет, только не твой. Да, да! — она застонала, когда он помял её плечи. — Хорошо!

Розовый запах, невесомое прикосновение, дыхание страсти падало на раскалённый щёлк. Райна не намеревалась отступать. Она ценила наслаждение, она умела брать его. И давать...

6. Званный ужин

Тучи рассеялись, открыв небеса, окрашенные в рыже-розовые цвета заходящего солнца. Белоснежные перистые полосы сияли расплавленным золотом, словно обронённые перья Анки, а самолётные полосы таяли розовым кремом.

У дверей генеральского особняка вытянулись алые мундиры, бесстрастно встречающие немногочисленных гостей. В основном, офицеров Гвардии и чиновников средней руки, у которых помимо званых вечеров из радостей жизни был лишь отказ просящим. На грани зрения различимы первые парочки, решившие покинуть свои уютные дома, чтобы проветриться на сумеречных террасах. Скоро народ высыплет на улицы, дабы насладится прохладой, тогда выходить будет поздно.

— Сэр, мои ребята на месте. Если что, вытащим вас мигом.

Их нигде не видно. Однако они видят всех. Целый час ушёл на поиск позиций: патрулей ныне полно.

— Принял. Смотрите в оба, если что — предупреждайте. Третий неожиданный гость на этом вечере будет лишним.

— Так точно!

— Это так романтично! — перевернулась на спину Сидера. — Защищать свою даму — по-рыцарски!

— Она не моя дама, а я не её кавалер. Это просто... физическая тяга. Ей нравится моя необычная внешность, мне — её. Вот и всё.

— Пожалуй, я забронирую тебе место в Ордене. Такие люди нам нужны!

— По мне уже крематорий плачет... О, вон она! Гляди!

Бинокль ему не требовался — око отчётливо различало горящую рыжую фигуру. Красота!

— Боюсь, они утонут в слюне!

— Нам на руку. Меньше народа — меньше глаз. А сегодня их куда меньше, чем обычно, — он глянул на небо. — Выходим.

Тихо и незаметно они добрались до технической лестницы. Райна предоставила doskonaльный план особняка — и где она его только раздобыла? Как бы то ни было, Оклайн за десять секунд нашёл пять способов попасть внутрь незамеченным — традиционно он выбрал инженерный уровень. То тесные лазы меж этажей, которые оставляют для коммуникаций и ТО, кроме редких машин там никого нет. Исключительно в периоды ремонта туда пробираются инженеры, чтобы лично провести осмотр. Учитывая, что небоскрёбы строят на тысячи лет, такое пространство жизненно необходимо.

Как ни странно, из-за схожей анатомии строителей большая часть таких уровней похожи друг на друга как старший и младший братья — один чуть больше, другой — чуть меньше. Природное чутье направления в замкнутом пространстве, свойственное всем матёрым пустотникам, а также полный карт-бланш по системам защиты позволяли протиснуться куда угодно. Единственное — Сидера могла запаниковать. Это действительно проблема, поэтому ей дали удвоенную дозу успокоительного. Обычно рабочим этого хватает.

— Какой вид! — он обвёл пустоту под собой.

— Круто! Надо будет чаще так лазить!

Они висели на краю пропасти, внизу выпирали редкие скалы балконов и галерей, освещённые вечерними огнями, а дальше, в самом низу — тьма. Иногда острый глаз замечал отблески фонарей техников, непрестанно следящих за коммуникациями квартала.

Скрипы ветра, порывы, рвущие их тоненькие скафандры. Порывы песчаного цвета, пахнущие корицей и свежестью, несущие свободу. Их вечное стремление, их бесконечная воля кипели тягой к жизни. Короткой, но такой яркой. Они прогорали за миг, но миг этот, что буря пожара на фоне пламени свечи. Однако с той же силой они могли и веять: медленно, тихо, покойно.

Взломав крышку без труда, шпионы проникли внутрь. Генерал за последние несколько лет всего несколько раз был в цитадели. Это официально подтверждено, значит, управляет он из дому. Первой целью является кабинет на уровне. Там наверняка есть отчёты или указания, где их искать.

— Сколько грязи! Спорим, тут не убирались со времён стройки?!

— Так и есть, — он сорвал паутину.

— Готова?

— Ещё бы!

Рухнув на живот, извиваясь и скользя, ползли среди гудящих труб и кабелей. По уши в серых колтунах, облипшие пылью, но незаметные, добрались до первого люка.

— Так, здесь малая спальня. Нам дальше. Сафф, что с Раеккой?

— Поднимается наверх. Вечеринка вот-вот начнётся.

— Отлично. Когда охрана будет принимать гостей, наш выход будет без присмотра.

— То-то будет веселье, если там кто-то окажется!

— Не то слово. Ползём!

Выйдя на холодную трубу, Эмбар от неё уже не отставал. Словно угорь, протискивался в щели, цеплялся за проволоку, обрывал обмотку. Теснота страшная! Да ещё и фонарик постоянно светит в лицо! Если бы не секретный план, на котором этаж расписан до деталей, найти здесь путь было бы решительно невозможно.

И всё же подобная некомпетентность стражи раздражала. Охраняют главу всей планетарной обороны! Понятно, что квартира — не крепость, но всё же! Бомбисту вряд ли нужна карта — достаточно мощного заряда хватит на весь дом: никакие бронированные стены и окна не помогут.

С помощью лазера они обездвигили одинокого отключённого ремонтника, будто мхом, поросшего мусором, и добрались-таки до уборной. Идеальное место для выхода — минимум глаз, нет патруля и крайне неожиданно для тех, кто всё же оказался недостаточно удачлив, чтобы в этот момент присутствовать там.

— Вот будет потеха!

— Сидера, у нас тайная операция.

— А ты знал, что тайные операции бывают трёх типов: «нас не заметят», «нас заметят, но не успеют добежать до кнопки» и «нас заметили — теперь это ваши проблемы»! Я за третий вариант.

— А я за первый! Чу! — он поводил локатором. — На сонаре всё чисто. Обстановка?

— Приём в самом разгаре.

— Выходим.

Снаружи пусто и тихо. Повсюду белый кафель с узорами. Вернув на место фальшивую плитку, они забрались к форточке под потолком — откуда выход на карниз, ведущий по

всему фронту здания. То тут, то там зажигались ночные огни — жизнь шла своим чередом. А двое чудаков лезли не пойми куда не замеченные никем.

— Вуф! — Оклайн схватился за край. — Вот это погодка!

— Ветерок разгулялся!

— Держись крепче.

На животе, вцепившись мёртвой хваткой, они тащились вперёд. Заглядывая камерой в каждое окно. Прижимаясь при каждом порыве бури. Медленно, но верно.

— Райна в центре внимания, — доложил Сафф. Говорит, в зале полно караульных.

— Собрались на неё поглядеть, — кивнула Сидера.

— Нам на руку. Осталось совсем чуть-чуть!

Каждый шаг он про себя повторял: «Меня не видно. Я невидимка. Я сокрыт от глаз пеленой. Меня не видно.» Когда-то такие мысли включали Лаккерсона, сейчас же на него надежда лишь в самом крайнем случае. Хоть бы не дошло!

— Сэр, к вам приближается патруль! Сто шестьдесят градусов. На вашем уровне.

— Чёрт! Давай внутрь!

Он ввалился в одну из спален. Свежий воздух ринулся внутрь, подняв тяжёлые занавеси. Двери задрожали под его силой.

— Эй! Что там за сквозняк?! — донеслось из коридора. — Здесь же всё закрыто!

Снаружи уже виден свет прожектора, которым лениво обыскивают фасад и технические проходы.

— Проклятье! Ты под кровать! А я в шкаф!

Наррайн мелькнула рядом и тут же скрылась за ниспадающими золотыми простынями.

Оклайн побежал к шкафу на цыпочках. Остались пара шагов. Как вдруг дверь открылась. Недовольный караульный зевнул и сонно огляделся. Эмбар окаменел, когда взгляд пал на него. Видел, как трепещут вертикальные зрачки, пытаясь сфокусироваться на чём-то невнятном на фоне тёмных украшений, как солдат непонимающе водит глазами вокруг, но не может сосредоточиться на сером пятне, что мелькает на периферии.

«Меня не видно! Меня не видно!»

— Закрой уже окно, пока тут ничего не разбилось! Из нашего же жалованья вычтут!

Встряхнув голову, рядовой фыркнул, подошёл к окну, приветственно махнул пролетающему катеру и защёлкнул ставни. На обратном пути он не спускал глаз с Оклайна. Ни на миг. Подойдя к двери, последний раз прищурился, пробормотал что-то вроде: «Надо меньше пить» — и захлопнул за собой створку.

— Фуф! — прошептала по рации Сидера. — Вот это да! Как ты это сделал! Я не могу тебя разглядеть!

— Давай пойдём отсюда, пока нас не нашли!

— Патруль ушёл вниз, можете выходить.

— Отлично. В следующий раз постарайся предупредить заранее.

— Они странно летают. То в одну сторону, то в другую — пьяные, что ли? Нормальные так не водят.

— Ладно. Не ворчите.

Вот и кабинет. Просторный, с высокими потолками, отделанный янтарным деревом и блестящий лаком. Окно внутрь предусмотрительно заперто, но проблемой не стало: с помощью магнита ручку опустили в нужное положение. Не впервой же домушники пробираются так, всё уже придумано до нас!

Над столом горела зелёным стеклом лампа, шкафы заставлены книгами с коричневыми, чёрными и красными корешками, на которых золотом написаны самые разные названия. В основном какие-то философские трактаты, военные уставы и кое-что из классики. Ничего примечательного. А вот в одном из ящиков:

— Отчёт! По вратам Правдина, — Наррайн пробежалась глазами. — Думаю, тебе будет интересно.

Пока она продолжала рыскать вокруг, Оклайн нашёл минутку на чтение.

Фауст покинул Альфагемон вчера вечером. Причины его резкого ухода неизвестны, все войска остались по эту сторону и бдительно стерегут переход. Тоннели залили бетоном, единственный оставшийся путь — по поверхности. С помощью взрывчатки и строительных ботов оставшиеся руины снесли, теперь вокруг таможенной зоны несколько километров устелены одной серой плиткой без единого укрытия. Подобраться к самим складам и узнать, что происходит внутри, не представляется возможным.

Хм... Не ради ли образцов приезжал Иоганн? Учитывая его прошлое клонёра, он вполне способен использовать их в своих экспериментах! Создать непобедимую и неуправляемую армию, или что ещё хуже, перезаражать половину Союза! Его необходимо остановить как можно быстрее!

Куда смотрит Келлер, куда смотрит руководство Союза?! Неужели они в сговоре? У них же есть предупреждение, есть все данные по последствиям! Неужели думают, что раз они предупреждены, значит, вооружены? Глупое суждение, иногда невозможно приготовить, возможно лишь уничтожить!

— Нашла что-нибудь?

— Ещё несколько докладов, ничего уникального. Тут просто ничего нет! Где-то же должны быть данные! Не выбрасывает же он их в урну!

Компьютер чист. Книжные полки чисты. Документации нет, как и намёка на её положение. А что, если он хранит всё в уме? Придётся действовать жёстко!

— Сафф, нам нужен генерал. Передай Раекке, пусть приведёт его в одну из спален, там мы его и накроем!

— Ты уверен? Мы не рассчитывали на похищение. Как мы его вытащим?

— С боем. Отто, приготовься к эвакуации. Планы немного изменились.

— Принял. Подождите... Вы чувствуете?

Воздух стал холоден и чист, потоки его натянулись до звона и треска. Тихого, на грани сознания. Будто далёкий хруст снега, от на глазах выступают слёзы.

— Фиксирую сильнейшее напряжение ноосферы. Рекомендую немедленно покинуть зону воздействия!

— Без Райны мы не уйдём! Что с ней?!

— Всё... нормально. Однако окружающие ведут себя странно.

Он закусил губу. Не раскрывшись, её не спасти. Нет времени ждать и ползти обратно!

— Мы идём! На штурм!

— Наконец-то! — Сидера вышибла дверь. — И-ха!

Артиллерийским снарядам, вынося всё и всех, она пробила коридор насквозь. Оклайн едва поспевал за ней, бегом несясь мимо рухнувших стражей. Те и сопротивления оказать не успели — так и пали под крепкой рукой. Она вломилась в гостиную с ором и грохотом.

— Всем стоять! Это ограбление!

Но никто и так не шевелился. Разве что Райна отшатнулась.

— Что вы себе позволяете! Я испугалась!

— С тобой всё хорошо?

— Да, но с ними...

Окружающие застыли, ни одна мышца на их лице не шелохнётся, не дёрнется. Будто под гипнозом, медленно повернули свои немигающие слепые глаза на вторженцев. И всё. Никакой реакции. Ни криков, ни вздохов. Ни паники.

— Мне это не нравится, — Сидера прижалась к его спине. — Рядом с тобой легче, а там — прямо ужас как неприятно.

— Мне тоже... Я... Я не понимаю! Я просто сказала, что хочу, чтобы мы прогулялись до спальни. Как вдруг! Не понимаю!

Из аптечки он достал тубус и нерешительно провел по голове генерала.

— Фиксирую изменение структуры мозга — отделы, отвечающие за волю, деградировали. Объект крайне подвержен внушению. Так же деградировали центры речи, как устной, так и письменной. Побочное действие?

У его соседа так же, и у следующего офицера, и у следующего. Всё командование Гвардии — сборище безвольных болванчиков! Тогда настала очередь Раекки. Затаив дыхание, она ждала результата.

— Имеются изменения противоположного рода, а так... же... иные... требуется время. Риск минимален.

— Сидера?

— А?! Что я?! Со мной всё нормально!

— И всё же!

Нервно трясущимися руками она сложила шлем.

— Центры воли чрезвычайно развиты. Так же обнаружены многочисленные имплантаты неизвестного производителя.

— Это технология Варраден!

— Приму к сведению.

— Смотрите!

Солдаты перекрыли выход. Двигались они неестественно, будто марионетки.

— Как они так быстро оклемались! После моих ударов они должны ещё полдня лежать!

Что-то невнятно пробормотав, караульные подняли автоматы. Несмотря на свой ненормальный вид, оружие держали они профессионально.

— Бросьте его немедленно! — вскричала Райна. — Пока вы тут кого не убили! А ну, живо!

И они... подчинились?! С грохотом упали ружья, потом пистолеты и ножи. Более того, гости, что пронесли с собой кинжалы, тоже их выкинули. Все разом.

— Это ты где так научилась? — нервно пробормотал Оклайн.

— С пьяными грубиянами и не такому научишься.

— Бре-е-е-е! Ра-пра-бра! Ра-за-ра!

— Что они за бред несут?!

— Сэр, там вокруг вас какой-то бред происходит. Не пора ли вам ноги уносить?

— Принял! Заберёте нас с верхнего этажа! С этим! — он за шкуру поднял безвольного Лисперакса.

— У нас же наручников нет, — защёлкнула купол Сидера.

— Доведём так. Вперёд!

Однако выпускать их никто не собирался. Пусть солдаты и не сопротивлялись, тем не менее, с места сходить отказывались, как бы на них ни кричали. Придётся пойти на крайние меры.

— Я без понятия, как они отреагируют, — усмехнулась Сидера, подняв винтовку. — Но будет весело! Считаю до пяти! Три, два, один!

Очередь скосила гвардейцев.

— Вперёд!

Увидев их бегство, оставшиеся как с цепи сорвались. Ринулись за ними вослед, сопя и толкая друг друга. Генерал сопротивлялся, Оклайн пришиб его и закинул на плечо, чтобы не мешался.

— Отто, забирай нас!

— Вылетаю! Вот! Ох... Опять! Это проклятое поле! Руки трясутся!

— Сафф, автопилот!

Одиночными выбивали самых резвых. Враги падали на карачки, ползли и тряслись. Из рта капала слюна. Сбежалась охрана со всего особняка. Раздались выстрелы.

Оклайна отрезали. Гладко, безжалостно. Внезапно он оказался по правую сторону коридора.

— Налево! — помахала Сидера из-за угла! — Сюда!

Перед глазами пролетели пули. Точно.

— Не могу! Уходите! Я...

Он судорожно вспомнил карту.

— Иду к лифту! Отто, проследите за ними!

— Сэр, мы вас не оставим!

— Сперва они! — крикнул он на бегу.

Генерал слишком тяжёлый. Его пришлось сбросить. Налево, прямо, направо! Дерево взрывалось под ногами. Щепки, стрёкот, крики, вой. Обезумевшая волна неслась позади.

Вот и двери! Открылись! Оклайн врезался в противоположную стенку, судорожно жал на кнопку первого этажа. Кабина понеслась вниз.

— Хах, хах, — дышал он. — Ох...

Бок разболелся.

— Сэр, в нас палят со всех направлений!

— Райна и Сидера с вами?

— Целые и невредимые! Они все на вас кинулись! Сейчас придумаю, как вас вытащить!

— Попробуйте протаранить танком главный вход! Я спущусь через...

Сверху грохнуло.

— Через сколько?!

Капнула кровь.

— Смертники?!

Ещё один удар. И ещё. Лифт аварийно встал.

— Я застрял! Чёрт побери! Сафф, какие идеи?!

— Пока никаких.

— Отлично! Просто великолепно!

Следующего падения кабина не выдержала. Рухнула вниз. Завизжал резервный тормоз. Кнопки мигнули раз и погасли навсегда. И тут удар! Обрушилась крыша. Рассыпались искрами лопнувшие лампы. Дальше — кромешный мрак. И гул вдали.

7. Подземье

Антиударный гель плавно размягчался. Из шахты сверху доносился протяжный гул. Что происходит? Где он оказался: подвал или секретные залы? Оклайн выкарабкался из кучи хлама и разбитых всмятку тел, постучал по шлему.

— Сафф!

— Вы ещё живы? Поздравляю!

— Куда я провалился?

— Не знаю. На карте эта зона не указана.

— Сэр! Тут подкрепления подошли! Нам к вам не прорваться!

— Уходите как можно скорее! Бегите врассыпную, вас не должны поймать!

— Принял. А вы как?!

— Выберусь сам. Сперва всё разведваю. Оклайн, конец связи.

С пискотом разбежались мелкие грызуны, прячась в кучах мусора. Темно. Пол покрыт утопанной грязью. Везде валяется мелкий хлам — старые балки, брус, ржавые инструменты. Особенно много гвоздей и картона, мятого, запихнутого в каждую щель картона. На бетонных чёрно-коричневых стенах нет ни краски, ни меток. Пусть вперёд лишь один. И чем дальше, тем хуже.

Пустой гроб. Прямо из крематория. Грубо вскрытый, покойника — ни следа. За первым попался второй, третий, четвёртый. Сложенные штабелями, пластмассовые коробки, готовые к сожжению. Как дорогие, так и дешёвые, толщиной в бумажный лист. Все порожние. Все использованные.

— О, духи, зачем им столько трупов?! Неужели?

В конце был зал. Небольшой, доверху заполненный гробами. От него отходило несколько заваленных параллельных туннелей наподобие пройденного. В небольшой выемке у дальней стены стояла примитивная лифтовая кабина, судя по грязи, использовали её часто. Справа же темнел технический колодец с лестницей.

Опасаясь выключения света, или, хуже того, ненужного внимания, Эмбар залез в узкий лаз и начал долгий спуск вниз. В звенящей тишине гремел стук сердца. Десять минут. Пятнадцать минут. Двадцать. Какой же глубины эта шахта?!

Наверняка это уровни старой метрополии, что когда-то стояла на поверхности Альфагемона, но была застроена сверху Зеркальным городом. Тут иная архитектура, воздух не проветривался десятилетиями, отчего скопились жуткие концентрации ядов. Без шлема отравление наступит за считанные минуты. Должно. Странно. Шахта будто проветривается, отчего окись углерода не достигает критической концентрации. Тут есть жизнь! Есть активность. Только какого она рода?

Наконец он коснулся пола. Выглянул наружу. Никого. Инфракрасный фонарь высвечивал одни пустые гробы, а также инструменты, которыми вытаскивали и волокли их обитателей. Покрытые чёрной запёкшейся кровью и мелкими кусочками плоти мясницкие крюки ржавыми когтями торчали из-за углов. Штукатурка осыпалась, открыв потрескавшуюся кладку из бетона с торчащими остриями ржавой арматуры. Атмосфера затхлости и запустения прерывалась редкими далёкими скрипами и визгами, тихими, многократно переигранными эхом.

Не дыша, Эмбар крался вперёд, вздрагивал от каждого шороха. Откуда-то неподалёку

доносились шипение текущей воды. Канализация?

Полы покрыты мерзкой слизью, в которой утопали ступни. Скрипела под ногами плёнка, волокна рваной в клочья одежды цеплялись за пальцы.

Внезапно луч наткнулся на лицо среди кучи мусора. Оклайн отшатнулся. Бледное. Умер давно. Лидаро — видно по гладкой коже без единого волоса или чешуйки, а также крохотным гребням.

— Получилось определить личность. Один из задержанных во время протестов.

— Ох, чёрт... Паразит. Генерал, его окружение — все поражены! — Оклайн сглотнул.

Катастрофа приобретала совсем иной размах. Под покровительством власть имущих паразит способен захватить целый мир, и никто того не заметит!

Сколько лет генерал и его подчинённые подкармливали чудище? Как они пали? Может, их души, источенные пороком, оказались лёгкой добычей для паразита? Или наоборот, осознавая свою роль марионетки, они пустились во всё тяжкие, пытаясь утопить в кайфе страх? Жаль, Лисперакса пришлось бросить! Сколько он мог бы рассказать!

Интересно, Себастьян сдался так же? Он вёл себя нормально, не подавал тревожных знаков. Или его одурманивание имеет иную природу? Не похоже, чтобы общая паника, вызванная телепатической атакой, его не затронула. Неужели ещё кто-то обладает опасной технологией? Сколько ценной информации потеряно из-за спешки!

Впереди раздался тихий шорох. Похожее на слепого таракана существо придиричиво перебирало кучу перемолотой плоти, покрытой какой-то грибницей, в поисках лучших кусочков. Такие же обитали на старом заводе. Один из слуг паразита — гнездо неподалёку.

Тихо, чтобы не привлечь внимание, Эмбар прошёл мимо. Скрылся в одном из боковых тоннелей. Казалось, он дышал так громко, что вся округа его слышала. Шум стал громче. Идя на него, Оклайн вышел к подземному каналу. Бортики затопило, мусор забился в решётки. Незримое течение несло воды, не помнящие солнца, вдаль. Подземная река! Очень многие ручейки давным-давно заведены в трубы, чтобы защитить породы от размыва. Минули века, а они так и текут, безымянные и утерянные, из неоткуда в никуда.

Едва поднимая ступни, чтобы не шелестела вода, он двинулся дальше. Впереди свет! Слабый, искусственный свет!

Эмбар затаил дыхание. Оказался старый рухнувший прожектор. Особое излучение отпугивало грызунов, теперь же оно радугой рассеивалось в потоке. Похоже, когда-то на пару уровней выше кипела жизнь, раз потребовалось бороться с вредителями. Хозяева распались прахом, а система всё ещё отпугивала пещерных рыбок, поддерживая воду в относительной чистоте. Стоило выдохнуть, как спереди донёсся отчётливый грохот падающего в воду тела. Спрыгнули в канал?!

Он спрятался за ящиком. Выключил фонарь. Шелест приближался. Кто-то шёл к нему. Именно к нему.

Из-за угла появился гвардеец. Медленно повернулся, немигающими глазами уставился на чужака.

«Меня не видно! Меня не видно!»

Мидду механически потянулся вперёд, пытаясь схватить чужака. Медленно. Безмолвно. Оклайн в панике пнул солдата. Тот ударился о прожектор. Его закоротило. По воде пробежались искры. Изоляция спасла Эмбара, чего не скажешь о солдате. Пережить такое он не мог.

Однако рука его безжалостно сомкнулась на лодыжке, словно тиски. Неотвратимо

умертвие потащило жертву в тёмную воду. Пальцами врезался в бетон и пластик. Свободной ногой упёрся в лоб живого мертвеца, надавил, да так, что затрещала кость. Внезапно голова заскрежетала рвущимся металлом и отломилась.

Гвардеец застыл на пару ударов сердца и продолжил тянуть. Зеленоватое свечение вырывалось из механической шеи. Срываясь, вцепившись когтями в ящик, Оклайн всадил керамические когти и вырвал управляющий кристалл.

Лишившись контроля, тело наконец расслабилось и опустилось вниз, поглощённое чернильной водой.

Зубы неровно застучали. В руках горела изумрудом полупрозрачная призма.

— Что это?! — он прищурился. — Я никогда не видел таких контрольных кристаллов!

— В банке данных Союза они имеются, — ответил Сафф. — Это эннан.

— Эннан?! Что им здесь надо?!

Про эннан чего только не говорили. Замкнутые, таинственные, редкие, они никогда не покидали пределы своего космоса. Они настолько ксенофобны, что никто не только не знает, как они сами себя называют, но даже их внешность — загадка. Они всегда пользуются аватарами, не являясь лично перед чужаками. А теперь они в центре гнезда паразита?! Неужели они решили распространить его и уничтожить конкурентов?! Зачем?! Или они сами пали его жертвой?!

Безумная находка! Проклятая находка! Сколько вопросов — ни одного ответа.

Плеск. Сколько их там?! Перья стали дыбом. Морозец пробежал по спине.

Скрываться бесполезно, пора высунуться и дать бой! Толпа из пяти гвардейцев мерно шагала навстречу. Беспощадно. Необратимо. Мёртво. Выстрел! Выстрел! Выстрел! Пули пробивали головы — безрезультатно. Оклайн попятился. На него шли. Шли. Шли. Он стрелял, стрелял, стрелял. Ничего. Слово бы ни один механизм не повредился. Слово шествовало бессмертное воинство! В полном мраке. Как тени. Не роняя ни звука. Лишь трепет воды выдавал их марш.

От отчаяния Оклайн кинул в них кристалл. Тот вспыхнул. Разлетелся искрами. Погас. Внезапно автоматы встали, словно вкопанные. Отдача выстрела валила их на раз. Слово марионетки с обрезанными нитями. Неужели потеряли контроль?

Подкравшись ближе, он каждому сорвал голову и вытащил потухший кристалл, чтобы уж наверняка. Жуть.

Тот тоннель, из которого они спустились, заполнен странным оборудованием. Дрожа, он снимал на камеру как можно больше. Как можно ярче. Куски изуродованных тел. Оборванная ткань. Гниющая плоть. Вскрытая, искусно разрезанная на мелкие кусочки и растянутая зажимами.

— Похоже на научное оборудование. Они изучали паразита.

— Либо это большой эксперимент, либо они здесь такие же зрители, как и мы, — неровно прошептал Эмбар. — Ни дисков. Ничего. Похоже, всё осталось на тех кристаллах.

— Сомневаюсь, что данные с них получится восстановить.

— Чу! Ты слышал?!

Бой привлёк внимание. Трёхпалая кисть обняла дальний угол узкого тоннеля. Мертвенно бледная, с синими прожилками вен, с фалангами по десять сантиметров и потрескавшимися, гнойными когтями. Выглянули четыре светящихся глаза двух голов. Со слепой пасти потекла слюна. Выступающие рёбра. Дрожащие руки до колен. Урод был просто... огромный. Дыхальца зашипели. Залаяли. На глазах против воли выступили слёзы.

Тварь сделала шаг навстречу. Изучала жертву. Наслаждалась её страхом. Оклайна будто парализовало: этот гипнотизирующий взор...

— Сэр! Уровень опасности критический! — визг Саффа вернул к жизни.

Завидев вскинутый пистолет, чудище взревело и понеслось вперёд, в атаку. Выстрелы проходили насквозь, лишь едва его тормозя.

Опрокинув стол, Эмбар кинулся со всех ног назад, что пятки сверкали. Дикий вой догнал его, пробрал до самого нутра. Под ногу попался мусор. Оклайн споткнулся, распластался плашмя.

Мощная рука впечатала в пол, обняла, перевернула его на спину. Язык прошёлся по шлему едкой слюной. Кости затрещали, когда их сжала гидравлическая клешня. Как вдруг.

— Отравленная плоть! — прошипела тварь и отскочила. — Отравленная плоть!

Оклайн так и валялся. Переводил дыхание. Кровь ударила в голову.

— Гуль, — позвал он.

— Ах-х-х! Я чую семя Пожирателя в твоей плоти! Я чую его!

— Ржавый лишай? — он усмехнулся. — Ах? Знаешь, что он сделает с вами?! С вами с всеми?! Да?! Хочешь, я его выпущу?!

— Нх-х-ха!

— А я ведь могу, — дуло пистолета прижалось к левому боку. — То будет счастье твоей братии!

— Мы не хотим!

«Я и сам не хочу. Я знаю, что будет.»

— Тогда не смей ко мне подходить!

Тварь отпрыгнула. Зашипела.

— Мы знаем тебя. Мы помним тебя. Ты был в гулких коридорах. Ты был во мраке. Ты первый, с кем мы заговорили. Друг машин-ны-ны! Она у тебя в голове. Она шепчет! Шепчет безумие! Твоя плоть носит наследие твоего мёртвого мира! Сожранного мира! Прокажённый!

— Если ты знаешь, кто я, то знаешь, зачем я здесь.

— Ты ищешь. Думаешь. Ты любишь думать. Те, кто тебя растили, хотели, чтобы ты думал. Они вырезали в твоей памяти шаблоны. Они строили твой у-ум! Они пилили его! Выкидывали-ли недостатки... Заменяли машино-ной! Они думали! Они тоже думали! Они хотели много! Они видели много! Они видели больше тебя! Но они не видели всего! Они — твои мёртвые хозяева! Ты думаешь их высохшей головой. Ты видишь во сне их мёртвые лица... Ты зовёшь их пустые имена! Их имена зовут все люди! Поклоняетесь трупам! Думаете трупами! Мумиями-и-и! Мумиями-и-и!

— Они мои друзья.

— По друзьям судят. Они... Они отцы людоедов! Они... Х-х-х! Они создали людей! Они создали тебя-бя! Думали, что создали!

Оклайн постепенно отползал дальше. Но в том не было нужды — гуль не пытался его схватить.

— Прокажённый! Я вижу тебя-бя-бя! Ты хочешь знать! Мы хотим знать! Мы можем знать вместе! — прохрипел ужас.

— Что ты предлагаешь?

— Наш бог хочет тебя! Он хочет говорить с тобой! Ты можешь пойти к нему! Я отведу тебя! Я обещаю! Он очень хочет тебя! Оклайн-н-н! Он знает твоё имя! Твое имя

единственное, что он хочет знать!

— Твой бог мёртв, как и твоя плоть! Изыди! Пока я не разозлился! Ты знаешь, на что я способен во гневе!

— Клеймо! Клеймо! Демон! Прокажённый демон! Другой мир воскресил тебя-бя-бя.. Но он не излечил тебя-бя-бя... Наш бог может дать тебе здоровье! Настоящее здоровье! Он знает, ка-ак! Знает! Он хочет тебя видеть!

— Передай ему, что я его изничтожу! Не будет пощады ни тебе, ни таким, как ты! Я одолел ржавый лишай! Одолею и вас! Во что бы то ни стало! Даже если придётся умереть!

— Не-е-ет! Зло вырвется наружу! Пожиратель сожрёт всех нас! Пожирате-тель! Жрёт! Жрёт! Жрёт! Всё жрёт!

— Тогда я ухожу.

— Уходи-ди-ди! Я буду за тобой следить! Мы тебя не тронем! Если ты не тронешь нас-с-с! Прочь, прокажённый! Прочь!

— Где выход?

— Я отведу лишь к нашему богу! Он хочет! Он поможет! Он знает!

— Не собираюсь я к нему!

— Он не даёт выбора! Не даёт!

Оклайн очутился у самого канала — голова его высунулась в проход. Гуль стал терять страх, очевидно, намеревался притащить добычу к надмозгу.

Как вдруг бетон треснул. Эмбар рухнул на спину, покатился. Провалился в тёмную воду. Белёсая рука мелькнула рядом, пыталась схватить его. Но течение не собиралось отпускать свою добычу. Мощнейший поток подхватил его, заметал, утащил во мрак труб и тоннелей. Прочь от проклятого подвала. В неизвестность.

***

Поток нёс вперёд, метал из стороны в сторону, резво обводил мимо торчащих железяк. Оклайн зацепился за обломки решётки, выкарабкался на старую плиту и рухнул на неё, обтекая водой. Вокруг непроглядная темень. Эхо разносило малейший шум, усиливая в сотни раз. Сколько времени прошло?

Оглядевшись, увидел старую насосную станцию, прилипшую к отвесной тёмной стене. А вокруг, насколько хватает света фонаря — чёрные просторы. Бескрайние просторы чёрной воды. Похоже, поток вынес к подземному морю. Оно не знало ни ветра, ни солнца, ни течений. Время тут замерло вовек, остановилось. Его тут нет вовсе. Секунды тянулись днями, а часы пролетали за миг. Можно познать бесконечность, стоя на причале перед бездной, а можно состариться за день. И всё будет верно. И всё пройдёт своим чередом.

Тьма плескалась о потёртые причалы, мрачно глядела слепыми окнами на тёмный мир рубка станции. На века погасли прожекторы. Округа опутана красотой разрушения, запустения и забвения. Любой, кто очаруется ей, сам скоро станет частью пейзажа.

Сорвав чарующий дурман, Оклайн отряхнулся и пошёл в поисках света. Батареи скафандра почти иссякли, согревая владельца. Их срочно нужно подзарядить. Благо, электричество ещё подавалось в глубины. Вскрыв ближайшую панель —, она оказалась в удивительно хорошем состоянии — подключился к сети. Если тут есть питание, значит, подъёмник ещё работает! Шанс выбраться наверх!

Поначалу казалось, что эхо играет с дыханием. Но нет. Кто-то шёл к нему. Не крался, именно шёл. Неужели зритель?!

За поворотом медленно крался... некто. Кожа его бела как лист бумаги, исчерченный

алыми и синими прожилками сосудов, веки срослись над рудиментарными глазами. Оно носило древнюю, потёртую форму, местами рваную и шитую вновь. Оно, когда-то бывшее лидаро, оскалилось, показав жуткие клыки.

Подземный народ?! Сколько же поколений они провели во мраке?!

— Я друг! — окликнул чужака Оклайн.

Однако эхо превратило окрик в громогласный рёв. Создание закрыло уши, зашипело.

— Простите, — шёпотом повторил Эмбар. — Я не хотел...

Выхватив из-за спины старый ключ, смотритель ринулся вперёд, ориентируясь на звук. Эмбар легко его обезоружил, скрутил, но слишком сильно надавил. Рахитные кости подземника треснули, он обвис как тряпичная кукла.

— О, нет.

Труп. Кожа раздувалась от гематом, лопалась. Сходила слоями.

На вой убиенного собрата откликнулись остальные. Крепче сжав трубу в руках, смело шагнул вперёд. Если придётся, он разгонит их силой, но на поверхность выберется! И никто его не остановит! Вперёд, берегитесь, чудища! Их жизни ценны, но ещё ценнее жизни миллиардов на поверхности! Кто о них позаботится, если надежда сгинет тут?! Он не хочет этого. Но сделает. Во имя людей.

8. Арест

Впереди замаячил свет. Солнце?! Наконец-то! Наконец-то! Свет! Эмбар полз, полз по узкому лазу, пока не вывалился на берегу огромного озера. Поверхностные воды? На Альфагемоне их много, в основном в курортных районах, облюбованных лидаро. Для них адский ультрафиолет и вода — настоящий рай. Всё же, планета изначально колонизировалась ими и ими же разрабатывалась архитектура и планы. Потом уже сначала скви, а потом и мидду поселились тут. Людям дал разрешение Совет, а формально планета принадлежит именно ему, на создание небольшого гетто совсем недавно — сразу после неудачного первого контакта.

Вывалившись на жемчужный песок, грязный, усталый, больной Оклайн радостно простонал и зарылся глубже. Его трясло, бок ныл, не переставая, уже который час, протез жёг, мышцы крутило. Он не выносит такие нагрузки!

— Ох-ох-ох...

Тень загородила свет.

— О, мистер! — раздалось над ним. — Вижу, вы устали? Не хотели бы приобрести мои прохладительные напитки? Дешевле вы не найдете, клянусь!

Он перевернулся на спину. Из-за яркого солнца черт Спасителя не различить

— Где я?

— У лавки Оорра! А я её владелец! — лидаро затаённо притих. — Ну, как, обдумали мое уникальное предложение?! Вы такого больше нигде не найдете!

— Отстаньте от меня, пока я вас не придушил.

— Увы! Увы! Вы столько теряете!

Оклайн тяжело вздохнул и медленно поднялся. Продавец, разумеется, широко улыбался, держа в руках прейскурант. Фыркнув на него, Эмбар похромал по пляжу, мимо отдыхающих, лениво загорающих на шезлонгах, к городской стене.

Если на него и обращали внимание, то лишь мелкие торгаши, распространяющие по огромной цене сладости, закуски и прохладительные напитки. Покрытый запёкшейся кровью, грязный и злой как чёрт клиент их нисколько не испугивал, даже наоборот.

— Сафф, где я?

— В районе Лазурного берега. Город, что вы видите перед собой, — Раратано, крупный курортный центр.

— Вывезите меня отсюда скорее! Пока я кого-нибудь не пришиб.

— Уже приступили.

— Дорогой сэръ! Дорогой сэръ! — прервал его попрошайка. — Не подадите ли вы бедному человеку на пропитание?!

— Нет. Отстаньте от меня все!

— Пожалуйста! Мне надо кормить семью, а у меня совсем ничего нет!

— Обручального ожерелья у вас тоже нет! До свидания!

Пробурчав что-то под нос, бродяга кинулся к следующему прохожему.

— Гвардия должна быть неподалёку.

— В этом районе нет дежурных частей Гвардии. Только местная полиция.

— Полиция лидаро?

— Именно.

— Это будет то ещё шоу. Я поднимусь наверх, там виднее будет.

Беспрепятственно добравшись до подъёмника, Оклайн забрался на дамбу, с которой открывался чудесный вид на «девственные» просторы Альфагемона — курортного мира. Когда-то его облюбовала древняя цивилизация, от которой не осталось ныне и воспоминаний. Изредка кости их строений выкапывают из земли или находят во время реконструкций, все они обуглены и оплавлены, будто под действием невероятной силы лазера. В остальном — ничем не примечательны, разве праздные туристы любят поглазеть на артефакты предтеч.

На гребне плотины раскинулась аллея с невероятными пейзажами, лавочками, киосками и магазинчиками. Уставшие от жары, зеваки заходили туда, иногда что-то брали себе, в основном из еды, и устаивались в беседках, жадно поедая тушёные овощи. Аж слюнки потекли! Когда он в последний раз ел?

Из одного крупного центра, наверное, перехода в другую часть города за запрудой, появились несколько пёстрых чудаков. Их синие мундиры украшали огромные рыже-оранжевые перья и белые опушки, а офицеры носили ещё и молочные султаны с золотыми киверами на чёрных кокардах с красной каймой. У лидаро весьма своеобразное представление о тайной полиции. Весьма.

Двигались они размеренно, нестройно, но красиво. Стоит полагать, кроме как на парадах, нигде не появлялись. Подойдя к Эмбару, офицер широко размахнулся, веля остановиться.

— Вы неизвестный гражданин, что недавно появился в нашем славном городе? — с акцентом спросил он.

— Он самый.

— Прошу показать документы.

— Нет с собой.

— Тогда пройдёмте с нами в отдел депортации.

— С какой целью?

— Вашего вида нет среди разрешённых, значит, вы не получили индульгенции и не имеете права тут находиться.

— Прошу прощения, конечно, но я человек, соответственно, депортации не подлежу.

Полицейский сломался. Такого ответа он не ожидал, потому завис на полминуты в тяжкой думе, пока Оклайн устроился на лавочку неподалёку. Стоять дальше просто невозможно! Коленки подгибаются.

— Нам нужно связаться с руководством и посоветоваться относительно этого вопроса.

— Скоро придут друзья и заберут меня отсюда. Можете не напрягаться.

Такой ответ окончательно сломал разум офицеру. Тот неуверенно почесал затылок, переглянулся со своими коллегами и сказал:

— А документов у вас точно нет?

— Никаких. Вот поверьте, — он развёл окровавленными руками. — Никаких!

Один из правоохранителей купил себе фаустфуд в виде завернутого в лепёшку салата и принялся живо поглощать. Оклайн попросту не выдержал и запрокинул голову:

— За что мне это? Вот за что?!

— Прошу прощения, мы только что выяснили, — начал офицер, — что вы приговорены к смертной казни на месте. Прошу прощения, вы не изволите помочь нам с исполнением приговора?

— Хочешь, чтобы я застрелился?

— Э-э-э... Подождите, надо узнать, является ли суицид мерой пресечения. Подождите ещё минутку, — он залез в планшет.

— Представляете, ничего не имею против.

Едок настолько увлёкся процессом, что отошёл в сторону, чтобы разговоры не мешали пищеварению. Ням-ням...

— Сожалею, но самоубийство по вашей статье не является мерой пресечения. Если вы убьёте себя, мне придётся убить вас ещё раз.

— Чтобы наверняка?

— А-а-а?..

— Ладно, ладно. Чем хоть стрелять будете?

«Сомневаюсь в разумности ваших решений.»

«Не беспокойся. Я не настолько отмороженный. Наверное. Как внутри крутит! Если не привезут паёк, клянусь, я их съем!»

«Учту.»

«То есть нет. Понял.»

Полицейские наконец закончили с поисками табельного оружия.

— Мы убьём вас этим! — он достал широкодульный пистолет. — Мы делаем это из благих побуждений, надеясь, что в дальнейшем вы будете избегать правонарушений!

— А я-то как надеюсь!

— Ваше последнее слово?

— Прямо здесь? — Оклайн бросил взгляд на просторы за спиной. — Хорошее место.

— Это всё?

— С предохранителя снимите.

Он ещё с полминуты возился, ища хитро спрятанный рычажок.

— Теперь всё.

Нетвёрдой рукой полисмен навёл ствол и... Выстрел! Шарик краски размазался по и без того заляпанному скафандру ярким жёлтым пятном.

— Ой! Умираю! Умираю!

Он засмеялся от отчаяния, из глаз полились слёзы.

«Довольно специфическое развлечение.»

«Это же лидаро с оружием! Где ещё такое увидишь?»

«Думаю, лучше не видеть.»

«Этот как съесть моллюска. Ни рыба, ни мясо, ни водорослью. И сытости никакой.»

«Понимаю.»

— Э-э-э... — до офицера никак не доходило, почему его приём не сработал.

— Попробуйте ещё раз.

Однако, не судьба. Стоило навестись ему второй раз, как в голову ему прилетела обойма — не стреляная — дробовика. Сидера яростным вихрем раскидала их, увалила на лопатки и яро осыпала тумаками.

— Наконец-то!

— Оклайн, ты цел?!

— Эх, я пережил тяжёлое попадание из крупнокалиберного оружия, — он указал на пятно.

— Не делай так больше! Или я тебе врежу! — проворчала Наррайн.

Над ними пролетел БТР, ища место посадки. Отто высунулся из двери, оглядывая окрестности. На гражданских инцидент произвёл неизгладимое впечатление: некоторые повернули головы в их сторону и бросили жевать, некоторые решились подойти ближе.

— А! Что?! Испугались!

— Сомневаюсь.

— Я тоже. Ну они и тупые, эти лидаро! А мы их ещё и защищаем! Вот на кой они нам сдались?! А?!

— Они дают деньги на вашу армию. И на жизнь тоже.

— Мало дают. Ну, тупые! — она изобразила рога.

— Тебе противопоказано общение с лидаро. Забыла, что случилось на Иллелейе?

— Когда я избила полицейских, принявших мой пеммикан за наркотик?

— Нет.

— Когда я судилась одновременно по двум делам, успевая расследовать дело по снабжению каперов?

— Нет.

— А! Когда я снесла тараном крышу особняка наркоторговца потому, что местные законы гласят: «Мой дом — моя крепость»?!

— Именно! Тогда ты крышу не только особняку снесла.

— Брось! В околесице пьяного вдрабадан скви больше мыслей, чем у них в головах за неделю!

Тем временем Отто, устав искать подходящий клочок земли, усадил технику прямо поперёк улицы. Лидаро тут же сбежались, не обращая внимания на окрики, один, самый умный, даже предложил купить БТР в обмен на бесплатное питание в его лавке. В течение недели.

— Сэр! Сэр! Вы в порядке?! — подбежал Либершафт.

— Как видите! — он протянул ноги и пошевелил пальцами.

— Вы можете идти? Мы сейчас вас дотащим! — они подошли с двух сторон.

Сзади наконец появился закончивший трапезу полицейский.

— Прошу прощения, вам выписаны штрафы, — он обратился к Сидере.

— Чего?

— Вы употребляли грубости в отношении окружающих! Это строго запрещено! Вам, — он глянул на Оклайна. — Так же предстоит их оплатить! А это ваш, — полисмен тыкнул квитанцией в Отто.

— А мне-то за что?!

— За неправильную парковку, — правоохранитель указал на БТР, стоящий посреди аллеи. — Останавливать тут транспортные средства строго запрещено.

— Подожди, сейчас я оплачу, — Сидера сделала вид, будто роется в карманах. — Вот, держи!

Она поставила ему фингал под глазом.

— Ай, больно!

— Будешь знать, как честным людям штрафы выписывать!

— Сидера!

— Ладно, ладно! Тащу!

Если роста Отто хватало, чтобы поддерживать Оклайна, то вот карликовой по сравнению с ним Наррайн приходилось изловчаться, дабы не уронить тушу. Сам он едва

перебирал ногами, его скорее волокли, чем вели. Наконец, усадили в кресло и отдали швартовы. БТР ринулся прочь от райского островка спокойствия и модельеров в хаотичном чумазом мире.

Из тайника достали аварийный паёк — пакет с красноватой питательной пастой. Громкими глотками, не чураясь сипеть и чавкать, Эмбар досуха вылакал литр еды. Стало легче. Сосание под ложечкой постепенно утихло, хотя дискомфорт оставался.

Под мерное укачивание парящей машины на волнах воздуха Оклайн прикрыл глаза и задремал. Он так устал. А впереди ещё столько проблем! Нужно отдохнуть. Да, отдохнуть...

***

Что сказать? Оклайн не знал, что делать. Он пытался продумать кое-какие варианты, но котелок не варил. Всё выходило косо, предсказания не работали, а из союзников не осталось никого. Проблему нужно решить своими силами, в крайнем случае задействовать Варайна, что неизбежно приведёт к конфликту. Неудачное решение.

Тем не менее, в одиночку одолеть такого противника невозможно. Единственный расчет, дающий шансы на победу, — использование оружия массового поражения с неисчислимыми жертвами среди гражданских. Хм, гражданские?

Из соседней освещённой комнаты донёсся хриплый смех.

— Что ещё расскажешь? — спросила Сидера.

— Слышал, в Плеядах живут люди с пёсьими головами, — равнодушно ответил Отто. — Не знаю, правда или ложь, но так говорят.

— Скорее уж второе! С чего у них-то головы вдруг сменились?!

— Кто знает? Они ведь с Союзом не дружат. Мало ли, какие запретные эксперименты проводили?

— Если бы да кабы!

Они разлили травяной чай, аромат которого разносился по дому.

— Ты не боишься?

— Чего?

— Пить.

— Пить? Почему?

— Ты же мидду! Все мидду боятся воды.

— Ну... Есть немного. А ты бы боялся воды, если бы не умел плавать?

— Я не умею, но мне это никак не мешает. Да и не видел я никогда столько пригодной воды. Это расточительство!

— Вот сейчас мы говорим на одном языке... — она внезапно прервалась. — Подожди, мы же сегодня пролетали над морем! Значит, ты всё-таки видел достаточно воды!

— В море можно купаться? — удивлённо пробормотал Отто.

— Да! Представляешь?!

В ответ тишина.

— Эх, забыла! У вас же, людей, всё не как у людей! Это море не кислотное.

— Кисленькое? — усмехнулся Отто.

— Нет, по-настоящему! Понимаешь? Оно как подсоленная вода.

— И зачем в таком купаться?

— У лидаро так принято.

— Странные они. Хотя заварка их мне нравится. Успокаивает.

— Мне тоже.

Чай пошёл по третьему кругу.

— А почему тогда ты не купаешься?

— Потому что не умею.

— Ладно. У нас не учат плавать, потому что негде. А Варраден? Разве вы не ездите к тем же лидаро? Нельзя потренироваться у них?

— Потому что мидду слишком тяжёлые. В пресной воде мы идём ко дну камнем. Удержаться на поверхности просто не можем. Представил?

— Жуть. А на вашей родине так же?

— Нет. Там вода плотнее. Там мы хотя бы не тонем. Но, скажу честно, я была всего пару раз на Авентине и ни разу не видела полных пляжей. Может, есть какие-то индивиды, кому такое нравится. Но мне — нет.

— А в твоём мире не было моря?

— Я выросла в улье. Там керамика снизу, сверху, по бокам. Повсюду керамика, — в её голосе проскользнуло сожаление. — Я до десяти не знала, как выглядит небо.

— У нас оно всегда серое и закрыто облаками. А ещё на нём не видно этого солнца! Не то, что тут! Настоящий кошмар! Не представляю, как можно любить его!

— Ты хоть когда-нибудь в зеркало смотришься?!

— Когда бреюсь.

— Да не про это! Я видела вас, когда вы только приехали. Такие бледные, как ходячие мертвецы, с этими красными ранами от дыхательных аппаратов вокруг рта, следами окуляров. И эти тёмно-синие сосуды, что проступали сквозь кожу. У-у-у! Пугало для детишек! — на этой фразе Отто фыркнул. — А сейчас порозовели, поздоровели!

— Получили кучу солнечных ожогов и полностью облезли раз десять. Я даже слегка облысел от облучения.

— Ха-ха-ха! Да, здесь оно только для лидаро и годится.

— Раз за разом убеждаюсь, что они сумасшедшие. И руководство у них странное. «Демократия»! Где это видано, чтобы простые люди имели право решать хоть что-то!

— Не скажи. Иногда тупых руководителей надо спроваживать. Желательно без переворота.

Это точно Сидера сказала? Оклайн про себя усмехнулся.

— Но-но! наших руководителей не трогай! В Союзе лучшие командиры из всех! Самые умные и дальновидные! Не то, что раньше!

— А что было раньше? — по-змеиному прошипела Наррайн.

— Всё было плохо. Очень плохо. А теперь мы возрождаемся!словно Феникс! — он сделал паузу, пробормотав: «Вроде не ошибся». — Не чудо ли? И всё благодаря действиям нашего мудрого правительства. Оно никогда не лжёт.

— Ха-ха-ха! Да ты хотя бы раз в вашем городе бывал?! Ха-ха-ха!

— Не путай божий дар с яичницей!

— Что?

— Городами руководит аристократия: у них в голове полно тараканов, не то, что у военных! Вот если бы Август владел Союзом единолично и мог бы пресечь злодеяния этих бездельников на содержании, настало бы великое процветание. Уверен, скоро он так и сделает, подавит их глупую власть и станет императором! Тогда-то...

— Всё полетит в Тартар... Э-э, то есть, станет как в раю.

— Именно, — гордо заявил Либершафт. — Мы лучшие. Такими создала нас природа.

— И пропаганда.

— Если мы так слабы, почему нас все боятся? Ха! Да потому что мы могучи! Мы могли бы всю галактику враз захватить!

— Да... — тихо ответила Сидера.

— Но наше руководство милосердное. Да, вы, чужаки, со своими странностями, но не становитесь же вы от этого все разом плохими? Разве управление ваше подкачало. Кто в своём уме отвергнет сострадание сильного?

— Всё несколько сложнее, чем ты думаешь, — попыталась опровергнуть Сидера.

— Оклайн говорил мне, что нужно уметь убирать малозначительное, чтобы увидеть суть.

— Это верно, но...

— Он командир, он не ошибается.

— Ладно. Давай сменим тему? Например, как ты дослужился до полковника?

— О, это та ещё история!

Сидера шикнула на него, чтобы не расходился посреди ночи.

— Он не верен тебе, — прошептала Райна.

— Знаю. Однако ныне мы не вольны выбирать себе соратников. Либершафт на нашей стороне, помогает победить. Этого достаточно.

Она мрачно усмехнулась.

— Я уже видела такое. Благом оно не кончается, поверь.

— Если бы я видел этот конец! Мы словно изгнанники в пустыне перед оазисом. Не мираж ли? Я беспокоюсь. За всех беспокоюсь.

— Какое редкое чувство, какие редкие слова. Не зря я тебя приласкала.

Мгновенно улыбнувшись, они застыли в предвкушении.

— Родители, — донеслось из соседней комнаты, — плакали от счастья, отдавая меня в рекруты.

— Тебе же был годик! Откуда ты помнишь?

— Мне так сказали! И даже показали запись! Вообще, кто не будет радоваться, отдавая первенца на алтарь победы человечества?!

— Ох уж это ваше право на смерть...

— Каждый гражданин, каждый человек, — начал читать Отто, — вне зависимости от социального положения, пола и благосостояния имеет право выбрать: каким образом умрёт во славу человечества! От переработки на заводе, от вражьей пули, за трибуной или в кабинете! Но во славу нашей великой цивилизации, нашего вида и нашего славного правительства!

— Большого развода я в жизни не видела.

Похоже, Либершафт не знал, как реагировать на такое и замолк.

— Одно сокрыто для меня, — задумчиво прошептала Раекка. — Почему Союз? Когда был выбор, он пал именно на него. Почему? Ты мог бы стать рыцарем, наёмником, остаться со мной годы назад. Но откликнулся на призыв ненавистных тебе. Чем они заслужили?

В голосе её проскальзывали нотки ревности. Неужели она действительно думает, что государство заменит её?! Или же хочет вызнать секрет? Что ж, никакого секрета тут нет.

— Когда-то, в позабытые времена, давал я клятву на крови, что буду защищать людей. Разве я вправе нарушить её? Разве я буду собой, если откажусь от себя? Нужен ли буду я такой тебе? Боги сотворили всех нас из железа, но кое-где поддали жару, переплавив

некоторых в сталь.

— Но ржа поселилась в душах, навеки развратив их. Лишь честь и боль, присущие металлу, способны спасти душу от вечного скитания под ночными небесами. Неужто ты веришь в древние сказки чужого народа?

— Такого ли чужого? — он обнял её.

— О-о-о, какой жар! — томно прошептала Райна. — Мне нравится. Продолжай.

— Разве я не ношу имя вашего народа?

— Проводник мёртвых.

— Да. Но живые мне больше по душе.

Лобзая губы друг друга, они погружались в омут страсти.

Раздался смех.

— А потом они собрались и решили, что я получила место... — Сидера прерывалась на приступы хохота. — Сам понял каким образом!

— И что сделала?!

— Подарила Аррасу кулёк зубов! Собрала и прямо в руки вручила! Говорю: «Чтобы твои подчинённые мне больше зубы не заговаривали!» Ха-ха-ха! Ты бы видел его мину!

— Нет ничего хуже рожи, которую не можешь набить.

— Да мы на одной волне! Чтобы на нашем поле попадались дураки, коим можно вставить мозги!

— Главное, чтобы старыми не были. У них опыта больше.

— Ха-ха-ха! Вот это загнул! Тост!

Чокнулись бокалы с успокаивающим чаем, распространяя чудный аромат.

Прервавшись на миг, Оклайн ухмыльнулся блестящим в полумраке глазам и закрыл щелчком дверь.

9. Выход в багрянце

В каждом доме есть место для разборок — кухня. Сколько споров претерпевают стены её, сколько тайн хранят? Окованные проклятием молчания, сколько рассказать они могли бы? Благо, никто никогда того не узнает.

— Проведём теракты! Взорвём несколько боеголовок на низких уровнях, привлечём внимание! — предложил Отто. — Когда они увидят размах заражения, не смогут остаться в стороне!

— И скольких мы при этом прикончим, гений?! — отразила Сидера. — Ударим по командованию! Устраним дураков, а умные и сами нас поймут!

— Не надо никого убивать, — брызгом прошептала Райна. — Каждый день по телевизору идут новости, если мы вставим туда репортаж, его увидит весь мир!

— Да, да, да, — развёл руками Отто. — Скажем, что планета населена чудищами, что жаждут сожрать вас живьём тёмной ночью! Представляете, что начнётся?! Паника! Ни о какой организации сопротивления и речи не будет! С бегущими пагуба лишь разнесётся ещё дальше! Нужно действовать жёстко!

— Не надо оправдывать вашими человеческими методами наши смерти!

— Зачем так... топорно? Паники не избежать никак. Но так мы заставим себя слушать, поставим неудобные вопросы. Ой, какие неудобные. Неандертальцы из правительства впадут в ступор, и тогда, когда они будут уязвимы, мы напомним на решение проблемы. На себя.

— Командир под следствием. Ордер высшего уровня. Это расстрел. Мы собрались тут не для того, чтобы отправить его на смерть во имя всеобщего блага!

— А моих соплеменников, значит, можно?!

— Положение обязывает.

Она дышала раскалённым паром, словно утопленный котёл, что вот-вот рванёт.

— Тихо! Я зол. Не надо злить меня больше! — крикнул Оклайн за спину и продолжил глядеть в окно.

— Брр-р... Генерал!

— Если командир велел молчать — молчи!

— Давай пойдём в соседнюю комнату и выясним отношения как солдаты? А?! До первой крови?

— По-солдатски...

В полуобороте он восторженно-задумчиво оглядел спутников.

— Гениально. Сафф?

— Одобрю ваш план. Однако риск велик. Особенно в первой половине.

— Вероятность нашей смерти не больше, чем в прямом столкновении. Приступаем!

— Э-э-э?... — Сидера недоумённо разинула рот. — Может, объяснишь?

Прикрыв глаза, он выпустил воздух и сосредоточился. Система возникла перед взглядом, ничем ни отягощённая. Девственно-голая.

— Все мидду в обязательном порядке проходят военную подготовку. У каждого есть табельное оружие и знание по организации боя. На Альфагемоне миллиарды мидду, паразит захватил меньшинство, остальные более чем способны сопротивляться.

— Стихийное ополчение? — Либершафт потёр висок. — Вряд ли они выстоят против Гвардии.

— Им нужно лишь задержать её до прихода основных сил. Линейная армия сосредоточена вокруг врат, на её развертывание уйдут считанные минуты!

— И как мы её запросим? — нахмурилась Наррайн. — У тебя же нет полномочий.

— У меня нет. А у Лисперакса они есть.

— О! Дерзко!.. Один вопрос: "Как"?

— Если я проникну в центр управления цитадели, смогу объявить гражданскую тревогу и перепрограммировать средства планетарной обороны против Гвардии. Оттуда же вызовем подкрепления со всех врат, отовсюду!

— Думаю, это спровоцирует их, — кивнул Отто.

— Именно. Мы получим и повод, и мишени, нанесём максимальный урон за минимальное время. Гражданские примут первый удар, но так мы спасём хоть кого-то! Иначе придётся оставить мир на растерзание вовсе без сопротивления.

— Я могла бы пробраться в рубку. Наверное.

— Тебя найдут и убьют.

— Эй!

— Цитадель — настоящая крепость! А у тебя нет снаряжения. Сэр, приступом мы её не возьмём. Что же делать?

— У нас есть проводник, — он взглянул на Райну.

— Я? Но я... Я не боец! Я...

— Мы прикроем. Тебе нужно будет лишь приказать гвардейцам уступить, после чего Отто нас эвакуирует. Благо, оборона уже будет на ней стороне.

— Я отвлеку их, если что, — потёрла руки Наррайн. — То-то будет!

— Дадим тебе скафандр. Если же начнётся стрельба, просто... Просто спрячься. Не надо геройствовать. Хорошо?

— Да. Я спрячусь.

— Вот и молодец.

Его зрачки под закрытыми веками забегали — Сафф прислал инструкции.

— Ты знаешь, что делать?

— Разумеется. Требуется лишь физический доступ в командную сеть. Ни одна защита меня не остановит.

— Не оплошай. От тебя зависит всё. У нас будет пара минут.

— Понимаю. Готовлю программы взлома.

— Итак, роли распределены, пора их разыграть. И пусть судьба снизойдёт до нас! Ультима туле! За людей!

— За человечество!

— За Варраден!

— За всех нас.

Отряд выдвинулся небольшими группками, максимально незаметно, прятаясь в серебристой тьме. БРТ с троицей героев шёл впереди. Оклайн разработал пять планов на разные ситуации. Схема цитадели у них имелась — стандартная для всех мидду, весьма похожая на человеческую.

Кончив проверки, он подошёл к Раекке, что нервно перебирала пальцами в керамических перчатках. Даже одутловатый костюм не мог полностью скрыть её шарм и стройные бока.

— Спокойнее, — он накрыл её руки своими. — Всё получится. Я знаю.

— Я тоже. Но... Ты так быстро его составил!

— Разве я когда-то медлил?

— Никогда, — она опустила глаза. — Мне страшно.

— Всем нам страшно.

— Но мне...

Он нежно потрепал её щёку.

— Ты справишься, я верю.

Райна вздохнула.

— Помнишь то место? Про которое рассказывал? С фьордами и горами? Ты знаешь такое?

— Есть одно на примете, — солнечно улыбнулся он.

— Поедем туда, когда всё кончится? Хочу развеяться? Тут стало так... душно.

— Конечно. Уверен, тебе там понравится, — он заметил золотистый блеск на её шее. — Ожерелье? Где-то я его видел.

— Не помнишь? — она подняла цепь из небольших рубинов в золотой оправе. — Я была в нём во время нашей первой встречи.

— Это когда меня хотели подать к столу?

— То была лишь угроза! Повар уже разделал того мелкого предателя-министра! Тем более, ты знаешь, я не уважаю каннибализм.

— Ох... Я-то поверил. Выкручивался, как мог, а он вот как оказалось. Меня обманули.

— А ты, похоже, только рад.

— Именно так, именно так.

Взяв её за подбородок, он нежно её поцеловал.

— Внимание, приближаемся к цитадели! — крикнул мехвод. — Нас обнаружат с минуты на минуту!

В конце каньона затеплился огонёк солнечного зайчика — вокруг цитадели ровная площадь, а её шпиль возносится иглой выше небоскрёбов. Его белые отблески сияли среди облаков.

— Сидера?

— Готова убивать! — она перезарядила дробовик.

— Обожди, не провоцируем их раньше срока! Важна каждая секунда. Райна, сосредоточься. Делай так же, как в доме генерала.

— Уф. Уф, — она прикрыла глаза.

Впереди замаячили прожекторы поста. Сейчас или никогда.

— Внимание! — раздалось по рации. — Неопознанная машина, дальше зона особого режима! Остановитесь немедленно или мы откроем огонь!

— Пропустите нас, — с тонким наслаждением прошептала Раекка.

— Что?!

— Пропустите нас.

Воздух натянулся. Оклайн невольно дёрнул кончиком носа, словно от дурного запаха, хоть сила искажения была в разы меньше.

— Эк-х-х... — зашипел приёмник.

— Сэр?

— Едем вперёд.

На полной скорости БТР выскочил на площадь. Никто не пытался его остановить.

Сделав круг перед турелями, машина беспрепятственно ринулась в открытый ангар — верхний уровень, как можно ближе к центру.

Став среди истребителей, транспорт высадил смельчаков перед строем гвардейцев.

— Что вы себе позволяете?! — зашумел офицер.

Одного вида Райны хватило, чтобы он перешёл на бессвязный бред, когда перестали работать «ненужные» участки мозга. Остальные повели себя так же. Некоторые проявляли агрессию к соседям, к технике и даже к пустому пространству. Вокруг же Раекки образовался будто мёртвый пузырь в несколько метров, которого одурманенные старательно сторонились.

Медленно, с оглядкой и стволом наготове, группа пошла вперёд. Белые коридоры с чёрными полами окрасились красным. Солдаты били друг друга, писали кровью безумные слова на стенах. Завывали, бились лбами об косяки. Небольшая группа преследовала чужаков, издавая замогильные стоны.

Находясь под ударными дозами лекарств, слыша на фоне боевой гимн, Оклайн и Сидера не то, что не боялись, едва сдерживали свою ярость. Нельзя рисковать. Ни в коем случае.

— Райна, ты в порядке?

— Если не открывать глаза — то да. Как они шипят, — у неё застучали зубы.

— Не бойся, мы рядом.

— Знаю... Зна-наю.

На лифте они поднялись к эндшпилю — защищённой голографическими щитами крытой площадке под огромными антеннами, похожими на перья лука. То тут, то там валялись трупы кишками наружу. Безумные гвардейцы вскрикивали на выдуманном языке, показывали бессмысленные жесты, открывали беззвучно рты. Их алые доспехи прибрели нездоровый блеск. В конце небольшого коридора раскрывался во все стороны командный пункт планетарной обороны — отсюда шло управление всей системой защиты: от турелей до орбитальных установок и отдельных солдат.

— Уходите вон! — вскрикнула Райна. — Вон!

Пустые взгляды обратились на них. Без единого возражения офицеры встали из кресел и покинули ЦУ. Сидера защёлкнула за ними бронированную дверь — пробьют они её не скоро.

— Полковник, что у вас?

— Всё тихо. Чувствую какое-то напряжение в воздухе. Более ничего.

— Как ведут себя гвардейцы?

— Ни одного не вижу. Покинули все посты и попрятались в бункерах.

— Предполагаю запланированную реакцию на случай ноосферного искажения неопознанной природы.

— Может быть. Отто, вот-вот начнётся.

— Готовы ко всему!

Райна вздрогнула, всхлипнула.

— Я так устала! Силы будто в песок уходят!

— Потерпи ещё чуть-чуть!

Он вскрыл модуль управления. Достал из сумки небольшой кристалл связи, встроил в систему. Готово!

— Начинаю! Запускаю взлом!

Система мгновенно обнаружила сторонний доступ. Мгновенно. Тут же заблокировались

все терминалы. Начался цикл перезагрузки. Свет на миг погас. Зажегся вновь.

По двери раздался удар. Ещё и ещё, словно средневековый таран подошёл к воротам.

— Сэр! Они все выскочили! Тут такой вой! — полковник едва перекрикивал визг. —

Это кошмар!

— Поднимайтесь забрать нас! — он искал люк наружу.

— Вылетаем!

Перезагрузка завершена. Новый код доступа выслан генералу по квантовой связи, которую невозможно перехватить. Однако кристалл в системе уловил сигнал ещё до того, как его отправили. Сафф получил полный контроль и перевёл управление на себя.

Завыла гражданская тревога, зажглись алые огни. Раздались первые выстрелы турелей и полетели первые ракеты ПВО по истребителям Гвардии, рванувшимся наперерез спасению. Бойня началась.

Сидера выбила люк, Оклайн подхватил Райну и выскочил на открытую галерею. Они рванулись к площадке. Позади прогремел взрыв. Гвардейцы не отставали.

В поднебесной вышине раздался стрёкот выстрелов. ЗРК пускали змейки вослед вылетающим эскадрильям. Синеву разрезали полосы дыма. Ветер рвал перистые облака.

— Красиво, — пролепетала Райна. — Я никогда не замечала, как красиво небо.

— Быстрее! Быстрее! — пихал её вперёд Оклайн.

А у него сердце рвалось из груди. Чуть-чуть! Бегом!

БТР поднялся над парашютом. Сидера обернулась. Выстрелила.

— Прыгайте! — Отто протянул руку.

Мимо прошла очередь. Протез парализовало. Оклайн кинулся вперёд, протащил окровавленную Райну. За ними кинулась Сидера.

— Мехвод, трогай! Живо!

Но Эмбару было не до него. Он держал на руках Раекку.

— Райна, Райна!

— Она, — Сидера села рядом. — Оклайн, она мертва. Мертва.

Слово алое вино, кровь лилась из десятка ран по всему телу. Иглы прошли её насквозь.

— Нужно остановить кровь! Мидду хорошо выносят гипоксию! Сафф!

— Две пули прошли через мозг. Я... Я ничего не могу сделать.

— Нет, Райна... Нет!

Перед глазами расплылась пелена. Как давно он никого не терял такого... близкого. И снова! Снова! Нет! Нет! Не может быть! Она не могла так умереть! Это, это не правда!

Он заплакал. Впервые за долгие годы скупая слеза прокатилась по вороновым перьям. Как ей шёл красный. В последний раз она надела своё бордовое платье. В последний раз... Нет... Нет...

Отто кричал на фоне. БТР дико трясло. Но всё проходило мимо. Оклайн нежно снял пробитый шлем, погладил бронзовые чешуйки, внезапно потерявшие свой потрясающий блеск... Она... Она... Дрожащей рукой он прикрыл её глаза.

— Райна... Райна... Не надо так... Так... Почему... За что тебя... Ой... Ох...

Он аккуратно снял ожерелье, его камни горели. В них будто запечатался сам её дух. Неукротимый, агрессивный, горячий. Медленно и тяжело Оклайн опустил его в пустой подсумок. Ох... Надо успокоится... Успокоится... Кха-кха... Ой...

— Оклайн, она... Мне жаль её... Правда, жаль. Вы... вы были так счастливы. Мне.. Ох...

— Сэр! Смотрите! Врата Правдина ещё закрыты! Подкрепления не могут к нам подойти! Сэр! Вы нужны нам! Всё летит к чертям!

— Ох...

Во рту появился железный привкус. Измазанный кровью, он встал, получив дикую дозу стероидов. В ярости глянул на измочаленный протез, коим придерживал Райну в последнюю секунду. Безжалостно обломал его по плечо, чтобы избитая механика не мешала... Злиться! Он... Зол... Дико зол!

— Что там у них происходит?! — прохрипел он, глядя на пустую арку. — Получили приказ! Что они медлят?! Мехвод, подвези к балкону шпиля.

Кометным роем встречали гостей, небеса раскололись пустотной баталией. Флот Варраден дал отпор внезапным врагам. Орбитальные пушки разрезали трассерами облака. Разверзлась геенна огненная!

Твари выскакивали отовсюду. Казалось, появлялись из вакуума со всех сторон. Орды кинулись на штурм складов, где закрепились зартианские полки. Солдаты метались в стороны, пытаясь прикрыться со всех направлений — на этот раз им противостояла не только бесясленная орда. Там, где в прошлый раз не хватало дальнего боя и поддержки, теперь гвардейцы стреляли и улюлюкали в припадках.

В клубах едкого дыма десант высадился на балконе вышки. Внутри их уже ждал новый командир.

— Почему врата до сих пор не открыты?! — прошипел Оклайн.

— Приказ доктора Фауста. А, вы, Эмбар Оклайн, арестованы именем...

Эмбар казнил предателя на месте.

— А теперь живо открывайте врата! Живо!

— Это невозможно, — возразил кто-то. — Фауст использовал ручную блокировку.

— Всего-то?! Раз вы такие криворукие, я сам их открою!

Распихав своих, он прошагал к балкону, оглядел открытую площадку на верхушке башни врат, и, прежде, чем кто-либо успел его остановить, спрыгнул. Полёт рассчитан идеально — в тот же миг после приземления Эмбар вскрыл панель подачи питания и выкинул предохранитель. Система начала против воли набирать энергию. Гудеть. И... Синяя молния пролетела меж башен. Одна, вторая, третья, о, да!

Прочистив иссохшее горло, Оклайн крикнул Отто:

— Принимайте гостей!

Врата распахнулись! Голубая ширь квантового экрана. Удар сердца, и через них понеслись эшелоны, разбежались гусеницами по перронам. Солдаты линейной армии, с белыми полосами на спинах, ринулись в бой.

— Генерал Хельмут на связи, — доложил Сафф.

— Открой.

Только звук, так как проецировать изображение на сетчатку не позволял боевой интерфейс.

— Полковник!

— Это Оклайн. У нас тут массовое нападение! Срочно нужна ваша помощь!

— Где полковник?

— Мёртв.

— Ясно. Подробности?

— Гвардия поражена паразитом. Варраден и гражданские мидду сопротивляются

нашествию! Врагов миллиарды!

— Похоже, мы пришли на помощь ни одни. Я получил сигнал от Белых щитов. Хунта с нами!

— Великолепно.

— Подождите... Понял. Выполняем. У нас приказ с Земли! Необходимо любой ценой эвакуировать Совет!

— Так точно, вылетаем!

— Вы... Передаю вам 408-ю бригаду, уверен, вы знаете, что с ними делать.

— Что верно, то верно. Мы доведём сановников целыми и невредимы.

— Союз рассчитывает на вас! Не подведите!

Быстрые, словно мысль, они вылетели из врат, понеслись вперёд, через плавящееся серебро к башне, которую не видно за горизонтом. Оклайн кинулся в БТР и скомандовал: «Полный вперёд!», на пути придумывая план.

— А куда дели тело? — указал он на мокрое пятно.

— Оставили в шпиле, — ответил Отто. — Не беспокойтесь, о нём позаботятся.

— Надеюсь, — поднял он свою грязную руку.

Он весь испачкался в крови Райны. Сам будто надел алый наряд. В память о ней. Кисть невольно сжалась на подсумке. Она всегда будет с ним. Всегда.

Твари кидались вперёд, оставаясь горами трупов на мясистой меже. Пули ломались на керамической броне. Чернело пламя. Палили пушки. Корпус трясся от стрельбы. Бой, вокруг, бой! Кровь! Смерть! Вновь и вновь! Пожар, разрушение и хаос! Ополчение, полиция, охрана — все, кто хоть как-то мог сопротивляться, сколотились в небольшие группки и стреляли, стреляли, стреляли во врага!

— «Бездна» вышла из ангара!

— Сохрани её.

— Самолёты противника!

Над ними вспыхивали шары сбитых самолетов, проносились с визгом вниз и разрывались на куски. Рушились галереи. Отламывались балконы. Все, кто мог держать оружие, толпились, защищались, спасались! Колонна шла на всех парах, помогая, не сбавляя безумного темпа. Ракеты пронзали коридоры. Кассеты выжигали воздух. Волны пиррогена счищали мерзкую плоть с костей.

Вой! Визг! Скрип! Оклайн выжимался в борт на сумасшедших поворотах. Подгонял пилотов, кричал: «Живей! Живей!». Броня дрожалась от выстрелов. Гремели взрывы. Срезали снопы искр рикошеты. Быстрее! Быстрее!

— Бригадир, говорит звено «Послов». Готовы послать восемнадцать тонн бомб по вашему приказу!

— Летите к Башне Орелля! Живо!

— Принято. Исполняем.

— Не отставайте! Полковник?!

— Если мы ещё разгонимся, то сожжём двигатели!

— Плевать! Быстрее! Быстрее!

Через пустые кварталы, наполненные воем. Через огонь и жар. Со свистом ветра в антенне и кряхтением автопушек. С лучами лазеров и воем динамиков. Упоённые гневным гимном и разожжённые стимуляторами. Они неслись по каньонам, неся разрушение и смерть.

Вот и она! Рыжей волной нос бригады выскочил на волю. Тонкой белой линией выстроились Варраден на площади вокруг пика. Они, последняя линия обороны. Они стояли до конца, становили на корточки, но не отступали! Как же они возликовали, увидев помощь, увидев своих в аду!

— Говорит Оклайн, цельтесь им в ноги!

— Понял! — крикнул в ответ Варайн. — Аррас вот-вот выведет Внутренний круг! Нам нужно время!

— Так точно! Вы слышали! Круговая оборона! Патронов не жалеть!

С ходу Эмбар прыгнул в гущу. Его не остановить! Сидера подхватила у мертвеца автомат и принялась палить без разбору — на них шла безудержная волна. Голографические щиты легионеров пылали, принимая снаряд за снарядом, пулю за пулей. Вспыхнули трассеры. Иглы рассекали хитин и плоть.

Вскинув пистолет, без удержки паля и выкрикивая команды, Оклайн с наслаждением лил вражью кровь! О, да! С наслаждением! Взрывал головы уродам-гвардейцам, уродам-тварям! Всем уродам. Смерть им!

В рупор орал Отто ругательства, связист надрывался, выкрикивая в эфир приказы. Шум помех, скрежет металла! Да! Да! Но и враг не отступал! Вывел на фронт кучи мяса и брони с трёхэтажный дом. На тысяче крохотных ножек бежали они вперёд с животным воем! Как картечь проходила по их бокам! Как вырывала куски плоти! Как сверху падали мины. Раскалённые гильзы от реющих штурмовиков стучали по наплечникам дождём.

— Смерть врагам! За Человечество! Беря вражью кровь, свою не пролей!

Гвардейские танки вспыхивали, стоило им показаться из руин. БТР горели под залпами ракет. Вспышки гранат. Крови реки, трупов горы! Снаряды раскидывали их, ища ещё живых. Инфракрасный горел. Звук — шипел и выл за упокой. Маслянистый дым! Гарь! Победа. Победа!

Из провала показалась огромная тупая морда. Шланги, механика, огромные импланты, обросшие, словно бородой, сосудами, нервами, мясом. Нечто поднялось выше всех, завывло и начало свой гипнотизирующий танец. Некоторые вокруг опустили оружие. Но тут Либершафт как закричит! Как заревёт боевой клич, что кровь в жилах закипает, а из ноздрей рвётся пар! Так сразу же дурман как рукой сняло! Ничто их не остановит! Ни сила, ни хитрость, ни обман!

Схватив труп гиганта, скульптор принялся сшивать наново растерзанную плоть, возрождать выжженное железом нутро. Шевеля тысячей щупалец, щёлкая клешнями, он выковал в зелёном свечении новую жизнь. И как взвыл новорождённый великан, как ринулся навстречу смерти! Отец же его с безжалостной злобой хватал мелких тварей, сшивал из них новых, в три раза жутче и страшнее! Кидал вперёд без упрёка и страха. Выстрелы отскакивали от его голографического купола.

— Арх!

— Готовы принять подарочек? — зашипел по радиации пилот. — Мы тут как тут!

— Бомбите их всех! — крикнул Оклайн. — Бомбите ковровой! Пусть захлебнутся в огне!

Свист разорвал небеса. Ударная волна валила с ног. Алые шары растекались, плакал металл, выгорал сам воздух, образуя вакуум. Керамика обуглилась, трескалась от отдачи. Волна разрушения прошла по краю площади, по элитным кварталам. Рушились дома, прыгали с постаментов статуи. Летели снарядами вниз, врезались в дно, пробивали его.

Открывали испепеляющему жару новый путь, в норы ааразита.

— Сбросить. Отступить. Заправится. Повторить, — прочёл мантру пилот.

— Удачной охоты!

Однако недолго было ликование! Из пламени, словно демон, поднялся невредимый скульптор. Взвыл льдом, призывая помощь.

— Он у меня доиграется! — прошипел Отто. — Разрешите?!

— Разрешаю!

Раздался свист. Словно псы войны, безумные берсерки, люди рванулись вперёд, в пламя. Белели на спинах полосы. Остальное терялось во мраке. Терялся разум в жажде убийства, терялась всякая тактика, кроме одной: «Победа или смерть»! Победа или смерть!

Они неслись, стреляли в упор. Когнис-системы наводили пули. Ощетинился штыками неровный строй. Выжившие, обгорелые, сошедшие с ума от боли, твари кидались на них. Умирали. Кидались снова, снова и снова! Их давили, разбивали кулаками, протыкали, разрывали, расстреливали и расчленяли. Смерть! Смерть! На каждом шагу.

Скульптор не собирался так просто сдаваться. Истребители Варраден заходили на него раз за разом, встречали огонь гвардейцев, уходили без результата. Пропадали в потоках беспросветного чада. Мины разрывались на барьере пёстрыми цветами. Солдаты шли, шли на пути к нему, но никак не могли подобраться достаточно близко.

Писк на краю сознания.

— Кавалерия прибыла!

«Бездна» разогнала дым. Не страшась ничего, урывающаяся за панелями твёрдого света. Словно валькирия, она спустилась вниз. Прорезала рельсотронами просеки, выжгла зверьё лазерным прожектором, вплавляла их в мусор!

Видя смерть своих чад, поддавшись отчаянию и страху, скульптор пытался скрыться. Отключил непроницаемый щит, что мешал ему полти, сталкиваясь с кусками руин и стенами. В тот же миг исчез в синем сиянии плазмы.

— Да! Да! Он сдох! — возликовала Сидера.

— Гвардия приближается! — прокрипел Варайн. — Почему Совет ещё не эвакуирован?! Аррас?!

— Нас прижали! Их слишком много! Мы не выберемся! Не выберемся! Повторяю! Не можем пробиться через них!

— Проклятье! У нас не хватает ни людей, ни патронов! Так...

— Я разберусь, — махнул ему Оклайн.

Варайн благодарно кивнул, возвращаясь к обороне. Сидера и отряд лучших бойцов запрыгнули на борт «Бездны». Та вознесла их к верхним уровням башни, на площадку шаттлов, усеянную дымящимися остовами. Гвардейцы стреляли в них. Зря. Их аннигилировало за секунду.

Группа понеслась вперёд. По широким красивым коридорам. Мимо извитых латунных колонн. Мимо бронзовых статуй учёных. Мимо музейных экспонатов и трупов.

Наррайн впереди всех. Уклонялась от стрельбы, не сбивая ритм, не останавливаясь ни на миг, разнося врага к ключья дробью. Пробивала двери с разбегу, ломала руки и шеи, пробивала шлемы прикладом.

Они прошли сквозь врага как нож сквозь масло, на одном гневном истребляя их без потерь. Но те не знали страха, и в смерти пытались задержать помощь. Ничего у них не вышло. Оклайн даже не заметил, как они оказались в коридоре, заваленном трупами солдат. У кого

разбита грудь, у кого нет головы. Правовая стена же вся в дырах, через который пробивался яркий белый свет.

Зал Совета напоминал амфитеатр, на сцене которого высились супротив остальных три огромных трибуны — места Внутреннего круга. Остальное пространство завалено телами делегатов, расстрелянными мертвецами. Однако там, в укрытии, сидели шестеро — трое советников и трое Варраден. Ещё пара рыцарей лежала рядом, захлебнувшись вольфрамовым шпором.

— Аррас! — крикнула Сидера. — Живо выводи Круг! Мы вас прикроем.

Будто вторя ей, завывали вдали гули. Приближаются элитные твари. Оклайн нутром чуял — не за Советом они пришли.

— Наррайн? Да ещё и с предателем?! Наверняка вы нас прикончите, как только мы высунемся!

— Что за бред ты несёшь?! Варайн!

— Аррас, у меня нет на вас времени! Немедленно выводите Совет!

Он высунулся с крупнокалиберной винтовкой наперевес. Кончились патроны.

— Сидера. Они пришли за мной, — Оклайн огляделся. — Теперь Совет твой.

— Что?!

— От решения этих троих зависит судьба галактики! Это приказ! Действуйте!

Они переглянулись.

— Вы слышали?! Живо, остлопы! — она пнула затормозившего лидаро. — Живо!

Оклайн кинулся вперёд. Он не знал, куда бежит. Главное — дальше, дальше, уводя врага вглубь аудиторий и путанных ходов. Вой разносился среди злата и чёрного мрамора. Белые стены застыли в предвкушении. А он всё бежал и бежал, не чуя ног. Пока не упёрся в тупик. Какая-то огромная галерея. С окнами под самым потолком, до которого метров двадцать, не меньше. Небольшие абстрактные статуи с позолотой, блестящие барельефы стали свидетелями неравной схватки.

Позади раздался скрип. Десятки тварей медленно ползли, дёргали многочисленными головами, не моргая ни на миг. У кого пять рук, у кого шипы на спине, у кого несколько ртов. Но все одинаково уродливы и мерзки, все отвратительны и бледны, как смерть. Кости торчали, выросты их выпирали опухольями, порой прорывали тонкую кожу зачатки лишних конечностей.

— Оклайн... Ты нужен нашему богу-гу-гу!

— Передаю свои извинения, — он вскинул пистолет.

Выстрел! Выстрел! Выстрел! Разрывные разбрасывали тела, удерживали их на расстоянии, не в силах добить. Отстреляв последний патрон, Оклайн кинул пистолет, выхватил короткий гудящий клинок и бросился вперёд. В тело вошла двойная доза «слепой ярости». Дальше тридцати метров всё застилала серая пелена, а ближе было лишь нескончаемое убийство!

С холодной головой и кипящей кровью он рассекал тварей, отрубал руки, расчленял их на куски. Давил. Рвался вперёд. Убивал. Вновь и вновь! Радость мести! Да, сладкая радость мести наполняла его! Гули, мерзкие создания с подобием разума, пытались схватить, не убить, и мёрли один за другим. Металл проходил их, не встречая сопротивления.

Пол стал скользким от крови. Он отступал, каждый шаг оставляя с болью. Обошли сверху — пробежав по алым стенам, зашли за спину. Стальные когти вцепились в шлем. Керамика хрустнула. Треснули окуляры. Не видя ничего, Эмбар продолжал махать и рубить.

Но уже проиграл. Меч выбили, руки-ноги стянули длинные пальцы. Кости скрипели от нажима. Однако Оклайн не унимался, не сдавался до последнего, извивался, тянулся единственной рукой к гранатам, которые с него сорвали.

— Ну-ну-нужен нашему богу!

— Сафф! — проревел отчаянно он.

— Обхожу вас снаружи. Приготовьтесь.

Крышу снесло. Сидера метеоритом ринулась вниз. Обожгла пламенем ракетного ранца, разmozжила мерзкие рожи острыми когтями.

— Во второй раз это не повторится!

Противостоять мастеру боя твари оказались не то, что не способны. Их извертело в фарш. Клинок пронёсился над самым носом с визгом и горячими брызгами. Солдаты поддержали напор, отбили своего командира из загребущих лап! Подхватили и перетащили на борт «Бездны».

Он жив! Жив! И свободен! Только радости это не приносило. Безумная накачка давала о себе знать. Его организм куда лучше реагировал на стимуляторы, но куда быстрее их разрушал. Побочные эффекты уже давали о себе знать. И всё же он стиснул зубы, поборол головокружение, боли в каждой мышце и изжогу и поднялся на мостик, оставляя за собой багряный след. На огромных экранах расплывались дымные колтуны.

— Полковник! Варайн! Совет спасён! Уходим!

— Уже вылетаем! Прикройте нас.

— Принял.

Сев в кресло первого пилота, Оклайн нашёл кончиком хвоста разъем интерфейса. Ощувив волю родного капитана, машина радостно взбрыкнула и спикировала вниз, через чёрные облака, туда, где шёл финальный бой. Солдаты кидались в БТРы, не прекращая атаку. Варраден собирались у катеров, отстреливались от вездесущих монстров, хлынувших со всех сторон. Настоящая волна когтей, винтовок, хитина и керамики. Волна, не знающая страха и боли. Жажущая поглотить тех, кто смеет ей сопротивляться.

Но то лишь разжигало свирепость. Раскалённые болты расшибали тех, кто смел покуситься на друзей. Ракеты раскидывали их в стороны. Кто-то кидался на витающий на бреющем полёте корвет, получал разряд и испарялся в пар. Кто-то пытался подстрелить его и тут же разрезался лучом лазера. Им не под силу сбить машину, прошедшую тысячелетний полёт. И всё же они пытались. ПВО строчило линии трассеров, ЗРК Гвардии отстреливал последние заряды.

Сжав губы, Эмбар маневрировал, кидал ловушки, огрызался в ответ. Как вдруг со спины крикнули:

— Мы улетаем?! Почему мы не улетаем!

— Прикрываем отступление, — не глядя, крикнул Оклайн. — Видите, наших окружили!

— Мы должны немедленно эвакуироваться!

— Только с последним нашим транспортом!

— Это... Это приказ!

— Чей приказ?!

Неизвестный вывел его из себя, крутанувшись, Эмбар увидел лидаро. Нездорово зелёный, покачиваясь из стороны в сторону, он держался за рыцаря.

— Мой приказ!

— Ваш приказ для меня ничто, — он вернулся к голографической панели.

— Это измена! Арестуйте его!

— Только попробуйте, и отправитесь вниз, — остановила со злобой Сидера. — Один.

— Вы! Это сговор! Мятеж! Нас взяли в заложники! Помогите!

Корпус вздрогнул. Не время тратить дыхание на пустые разговоры! Время булата и бойни, время манёвра и точности. Словно многорукий бог, вёл «Бездну» через бой, словно многоглазый жук, видел каждый поворот судьбы. Изнутри лилась белым стихом песня приказов и редких команд — до победы один шаг!

— Советник, что случилось?! — явился изнутри Аррас. — Сидера! Советник, прошу прощения, если она оскорбила вас. Она не знает этикета. Невоспитанная. Не обращайтесь внимания.

— Это-то я-то невоспитанная?! Держи гад!

Раздался женский крик. Звуки тупых ударов.

— Да что там у вас происходит?!

Сидера, жуткая как чёрт из ада, тяжело дышала перед троицей рыцарей. Из свежей раны на лбе Арраса сочилась кровь. Советник куда-то пропал.

— Что вы творите?!

Удар ракеты сотряс щит.

— Мне не до ваших разборок! Немедленно разойдитесь!

— Вы! Вы в сговоре! Всё это план людей! Вы похищаете Совет.

— Чёрт бы тебя побрал, идиот! Варайн, объясни ему, что к чему, пока я не применил меры!

— Варайн?! Да он доверился вам, змеям!

— Аррас, — прохрипела рация. — Прекрати немедленно! Они спасли нас!

— Они же всё это и заварили. А Сидера помогала им! Я знал, всегда знал, что ей нельзя доверять!

— Это тебе нельзя доверять, козёл!

— Вижу, набралась человеческих словечек?

Оклайн только что понял, что всё это время Наррайн говорила по-человечески, а не языке своего народа или на галактическом.

— Какая тебе разница. Иди в трюм и поменяй своим соплякам пелёнки, пока они тут всё не провоняли!

Шипение Арраса заглушило даже гул реактора. Но было не до того — последний шаттл взлетел, поле осталось за врагом. Многочисленным врагом. Окружающие кварталы заполнены десятками тысяч тварей и опустошены ими.

«Бездна» рванула прочь. За ней гнались истребители, загорались от пуль хвостового орудия. Падали кометами в живое море, забирая сотни своих. Дабы уйти от стрельбы с земли, машины поднимались ввысь, на километры над горящим мегаполисом, туда, где были простор и защита от малых орудий.

Над ними разрывались небеса тысячами всполохов — флот Гвардии падал вниз миллионами обломков, разбитый Варраден и планетарной оборою. Кое-где вдали мелькали синие истребители Белых щитов — прикрывали отступление. Скоро подтянутся войска из глубин Союза и Хунты, конец очевиден. Сопротивляться им не сможет никто. И быть может, хоть немного гражданских выживет сегодня. Иначе погибли бы все. Больно понимать, что такова цена малого зла. Почти каждый кого-то потерял. Почти каждый...

— Я не буду этого больше терпеть! — взорвался Аррас. — Вы подвергали Внутренний

круг смертельной опасности ради чего?! Ради своей гордыни! Если вы попробуете только высадить нас на базе людей, клянусь, я сочту это за измену!

— А куда мне, по твоему гениальному мнению лететь?! Это самая близкая наша позиция, не считая Цитадели Ордена. Но она окружена, а там есть подкрепления.

— Да как вы смеете мне перечить?! Неполющенный.

Зря он это сказал. Нет, не Сидера вышла из себя — она и не возвращалась. Оклайн встал плечом к плечу с ней. Хоть у него осталась всего одна рука, это не значит, что он беззащитен. Пара роботов-жнецов бесшумно появилась позади неуравновешенной троицы.

— Если вы немедленно не замолкните и не скроетесь с глаз моих, клянусь, я за себя не ручаюсь! — прошипел он. — Это мой пустоход! Я тут капитан! А слово капитана в перелёте — закон!

— Единственный закон — это закон, написанный теми самыми сановниками, которых вы так ненавидите всей гурьбой! Закон — единственное, чему я подчиняюсь! Нет ничего выше закона и праведнее! Ни ваши тупые традиции, ни ваше раздутое самомнение!

— Что, людоедские законы больше нравятся?! Тогда вали из Ордена и не ной!

— Безродная экстремистка! Я тебе покажу, что значит настоящий закон! — он вскинул пистолет.

В тот же миг машины обезвредили его спутников, намертво скрутив в объятьях.

«Бездна» слегка накренилась, уходя от преследования.

— Решим всё по чести! — махнула Сидера. — Дуэль! Ты и я! Кто выйдет — того и правда.

— Сидера...

— Я согласен.

— Он в латах, а ты в простом скафандре! — воспротивился Оклайн. — Это неравный бой.

— Именно, — прошептала она. — Давай. Прямо здесь. Окончим это! Навсегда.

— Хм, ты прав, я отключу экзоскелет. Можно подумать, дочка рабыни окажется сильнее дворянина.

— Когда я родилась, моя мать была свободна!

— Какая теперь разница? Её труп давно уж сожгли.

— Ты заплатишь за это.

Они встали друг против друга, три метра от носа до носа. Эмбар глядел то на них, то на приборы. За бортом ведь гремит бой, а они решают мелкие споры! Нет. Кровапролития не будет! Но другого выхода нет, кроме как позволить. До явного победителя.

Нарраин выпустила воздух. В тот же миг они схлестнулись. Удар, удар. Пять секунду, а уже разошлись. Ничья. Пара биений сердца. Новый раунд. Их движения едва заметны. Вдруг Сидера выхватила руку и выломала её в локте.

Аррас вскрикнул. Его протянули, опрокинули на колени и поставили в позу казни. Обычно для неё используют клинок, но Сидера решила попросту свернуть шею обидчику.

— Стой! Убьёшь его — начнёшь раскол в Ордене.

— Он сволочь!

— Знаю. Но сейчас безобиден. Вдарь ему как следует и отпусти. Он слишком важен.

— Ах-х-х-х!..

Она в ярости саданула тупую голову об колено и бросила оглушённое тело в сторону.

— Идиот! Слабоумный дурак! Получил?! А?! — она пнула его. — Получил?! Давай, вали

в свою нору и не вылезай оттуда! Тащите его, пусть оклемается. Может быть. Или хотите так же?! Могу устроить!

Кем бы ни были рыцари-спутники, они послушно закивали и забрали своего командира под немигающим взглядом камер. Если бы Оклайн мог потеть, с него бы семь потов сошло! Перед глазами всё плывёт и качается. Стероиды кончились. Потеряв равновесие, он упал в обморок.

10. Пепел

Каюта встретила ледящей душу пустотой. Тишина. Никого. Сколько времени прошло? Голова раскалывалась, тошнота подступила. Малейшего движения достаточно, чтобы вызвать приступ.

— Поздравляю, вы до сих пор живы! — всплыл Сафф.

— Ой! Тише! Зачем так громко? У меня сейчас череп треснет.

— Вы использовали чрезмерно большое количество стимуляторов. Разумеется, у этого есть побочный эффект. Если вам это поможет, то Сидера ещё спит. Пока спит. Пришлось использовать транквилизаторы.

— Настолько перекачалась?

— Не только. Искусственное повышение и без того большой агрессивности в условиях стресса привело к нервному срыву.

— Последствия?

— Потенциально: запой.

— Этого не хватало. Когда каждый на счету, терять таких бойцов непозволительно.

Он почесал ухо. Новым протезом. Сафф учёл пожелания и сделал его куда менее чужеродным. Точнее, полностью повторяющим рукав и перчатку скафандра, который Эмбар, по понятным причинам, снимал редко.

— Спасибо.

— Сожалею, пока я не нашёл способ вырастить новую конечность. Продолжаю исследования.

— Буду ждать. А что ещё делать?

— Не вижу иных вариантов.

Он откинул голову. После сна без задних ног хочется ещё долго валяться без дела, надеясь на возвращение нерушимого покоя и бездействия.

— Что Совет?

— Отправился на позиции Белых щитов. Предположительно, новым местом их дислокации станет родной мир мидду. Туда же отправилась группа рыцарей во главе с Аррасом.

— Он выжил?

— Более чем. Однако перелом руки потребует времени на лечение.

— Меня не рука его волнует, а голова. Что Варайн?

— Остался здесь с большей частью Варраден. Я заметил, что оставшиеся преимущественно из традиционного набора, а отколовшиеся — из официального. Ур заявил, что отправил их защищать Внутренний Круг.

— Пытается сохранить лицо. Если конфликт выйдет за пределы Варраден... Полная секретность. Никому ни слова. Даже высшему командованию, если потребует. Никакого раскола нет, никакой драки не было.

— Принято.

— К слову, а где «здесь»?

— Мы у врат Правдина. Большая часть 616-й линейной армии уже перебралась на эту сторону и зачищает окрестности. Петрара полностью уничтожена, однако спасены тысячи ополченцев и их семей, сумевших спрятаться или защититься. Оценив тактику противника, я

выдвинул гипотезу, что «стая» наиболее эффективна в карательных операциях, а для боя используются одурманенные солдаты и гули.

— А ноосфера?

— Гипотетически, стимуляция центра агрессии мешает внушению. Пока данная теория не обоснована, однако имеется значительная доказательная база. Как телепатия связана с агрессией — не ясно. Возможно, доминанта блокирует любой контроль сверху. В настоящий момент информация доведена до командования.

— Хельмут уже тут?

— Нет. Он остался на Правдине. Требуется немедленно явиться для личного отчёта. Временно вы лишены должностей и полномочий, за исключением тех, что подразумевает ваш приказ.

— И всё же одно дело я сделаю.

Сняв погоны, которые не имеет права носить сейчас. Сняв все медали с парадной формы. Сняв ленты и таблички. Он надел чёрный мундир с красным нутром. Медленно. Тяжело. Болезненно. Не без помощи машины. Отправился проститься с той, которая так неожиданно оставила его. Боль уже не была такой острой. Такой горячей, жгущей. Но всё ещё оставалась свежей. Когда-нибудь останется болезненный шрам, а пока на его месте зияет рана, каждое прикосновение к которой несёт страдание. Как всё резко опостылело! Как мир резко краски потерял! Печаль. Печаль.

Так как полномочия его аннулированы, Оклайн по-дружески попросил Отто передать тело. Тот не отказал, однако на прощании не появился — ему своих людей хоронить надо. Будить Сидеру не стали. Пусть отдыхает. Они с Раеккой никогда не были закадычными подругами, да и не хотелось никого привлекать. Обряд должно свершать в одиночестве.

Обмазав горючим маслом холодную, бледную Райну, Эмбар запер её в пустом шлюзе. Закрыв глаза. Долго-долго стоял без движения. Молился ли? Вряд ли. Боги не отвечали на призывы раньше, есть ли смысл обращаться к ним теперь? Теребя рубиновое ожерелье — последний подарок, посмертный подарок, он обращался к ней. Тихо. Неслышно шевелил губами, произнося то, что так и не успел. А потом нажал на кнопку.

Вспыхнуло яркое пламя. Полминуты — остался горячий прах. Нежно собрав его в небольшую урну, Эмбар долго сидел над ней. Долго. А потом обмотал красным атласом и поставил в мягкий ящик в небольшой мастерской. Он похоронит её там, на Астракарне. Туда, где она ни разу ни была, но куда хотела попасть. Так пусть же последнее желание исполнится. Потом. Потом. Он вернётся туда. Рано или поздно. А она подождёт. Она умела ждать.

Опустошённый, разбитый и обессиливший, Эмбар вышел на перрон. Шум лагеря не отвлекал его от печальных мыслей. Глянув в последний раз на ночной, мрачный силуэт некогда прекрасного, а ныне выгоревшего Зеркального города, он сел на поезд.

Просвистел гудок. Щёлкнули тормоза. Состав тронулся с места в портал. Небольшое свечение во время перехода — квантовая граница — и вот, без последствий, они перенеслись в туманность Омега, на сотни световых лет, за одну секунду.

Эшелон вылетел напротив контрольной башни. Вольно поприветствовал коллегу, разгоняющегося навстречу, и ринулся вперёд.

Правдин — типичная метрополия Союза. Небеса вечно закрыты слоем непроглядных слоистых облаков дыма и химикатов. До самого горизонта, на сколько хватает глаз, — песок, песок, песок, изредка прерываемый стеклянными холмами или торчащими

обугленными костями из барханов руинами. Тут нет жизни. Даже бактерий. Атмосфера токсична настолько, насколько возможно — краска с керамики сходит за один короткий дождик. На каждом поезде, на жёлтых аварийных метках всегда есть потёртости и царапины — следы падения крохотных капель кислоты.

Несмотря на пустынную, тут весьма прохладно. Геотермальной активности нет: буровые галереи на огромной глубине переводят жар ядра планеты, заставляющий двигаться континенты, землю трястись, а вулканы извергаться, в энергию для тысяч фабрик и заводов, что не останавливаются ни на миг. Отсюда их не видно — жизнь человека за пределами городских стен коротка, в зависимости от запаса воздуха и удачи не получить пробоину, напорвшись на старый кусок керамики или не подорвавшись на брошенном снаряде.

Сколько сокрыто под жадными серыми песками, не знает никто. Иногда они расходятся, обнажая давно умерших солдат или бежавших преступников, остовы обугленной техники или брошенные колониальные купола, которых уж нет ни на одной карте. А потом снова смыкаются, заглатывая излишне любопытных. Делать в пустошах нечего. Разве что умереть.

Город на горизонте. Следуя продуманным до мелочей планам, все они похожи в общем и различаются в мелочах. Все строятся вверх, вокруг центрального шпиля, достающего до низкой орбиты. К нему пристыковываются пустоходы и шаттлы, несущие грузы со всей системы и разносящие новую кровь прочь. Каркас в виде конуса или пирамиды, обстроенный сотнями небоскрёбов и труб, сложной ажурной конструкцией напоминающих кость. Они в равной степени выполняют жилые функции и поддерживают стержень конструкции, подобно контрфорсам кафедрального собора, потому необходимы и практичны, несмотря на заоблачную стоимость.

Нижний километр, однако, лишён излишеств и являет собой голую бетонную стену с турелями и амбразурами, ангарами и складами. Первая линия обороны, казармы гарнизона, центр разведки и инфраструктуры.

Поезд заехал на вокзал — главные ворота в город, расположенные достаточно высоко, чтобы барханы никогда их не достигали. Воздух тут непригоден, потому все обязаны ходить в скафандрах, если не хотят сжечь лёгкие и глаза. А потом и всё остальное.

Эмбар отдал планшет захудалому таможеннику, дабы тот проводил его мимо серых стен к шлюзу. Тут всё выполнено в минимализме и направлено на функционал. Ни одного украшения. Ни одной лишней надписи. Дальше появились бледные плакаты: «Человечество превыше всего», «Не болтай», «Бойся чужаков», «Мы последний оплот человечества во Вселенной», «Млечный путь наполнен угрозами», «Труд — спасение от голода», «Встанем плечом к плечу против врага», «Наше существование зависит от вклада каждого», «Государство напрягает последние силы, напряги и ты!». И тому подобное. Некоторые повторялись, отличаясь лишь степенью обветшалости, другие же являлись шедеврами оригинальности.

Важны не они, не бумага и пустые лозунги, а люди, что их скандируют. Тут, на таможне, одни худые измученные лица без выражений. У многих шрамы от кислоты. Многие кашляют. Атмосфера душная, вентиляция едва справляется с такими объёмами.

Пара жандармов в красно-синих мундирах усадили Оклайна в машину и поехали по людным улицам. Толпы радостно кричали на параде в честь некоей великой победы, придуманной местными властями. Победы над несуществующим врагом на несуществующей войне. Ибо чтобы убедить народ потерпеть, нужен внешний враг и враг внутренний,

желающий нести разрушения и хаос. И голодные уставшие существа сами потянутся к власти, единые в порыве ненависти к тем, кто хочет отобрать у них последний пузырьёк строительного геля из аминокислот. Полиция бдела, выискивая среди крикунов излишне отличающихся. А потом уводила их под всеобщее улюлюканье.

Наказание за прегрешение одно — смерть. Никто не разбирается в тяжести и причинах. Кто не подчиняется власти — умирает. Таков закон. Кто требует что-то от государства — предатель. Кто ворует, чтобы не умереть с голоду, — предатель. Убивает и насилует — предатель. Клеймо ставят без разбору, а остальные только и рады — авось порция казнённого достанется им, доложившим о нарушении. И так повсюду.

Люди абсолютно уверены — они последние. За пределами их мира нет ни одного человека. Все мертвы. Все убиты злобными чужаками. Всем им нужно встать единым фронтом против угроз и ереси, сопротивляться им до последней капли. Учат тут лишь этому. Навыки для работ граждане получают через маски — болезненный метод передачи навыка удалённо. Оклайн сам им активно пользуется для обучения, но проблема в том, что маска — это маска. Она не даёт знаний. Она лишь говорит, какие кнопки в каком порядке нужно нажимать, чтобы получить результат. Ни один человек, и корпорации за этим следят, ни один не знает, как именно машины делают то, что они делают. Откуда берётся ток, чем они набивают брюхо, почему должны спать с этими, а не с теми — вопросы не их толка. Они должны трудиться, размножаться и восхвалять безупречных руководителей.

Для них выпускают отдельные газеты, снимают отдельные фильмы и режиссируют отдельные новости. Никто из них не узнает правды. Никогда. Они знают о Земле. Для них она как элизиум — рай после смерти. Они не помнят о корнях. Они думают лишь о выживании, а подачи от государства воспринимают, словно манну небесную. В их головах нет места мысли, что возможно существовать иначе. А кому она всё же придёт, тот скоро отправится на переработку. Похороны тут проходят своеобразно.

Если кто-то доживает до преклонных лет — туда же. Общество не может позволить себе содержать немощных, инвалидов и стариков. Все они уничтожаются без капли сожаления.

На других мирах иногда встречаются совсем иные схемы воспитания: есть миры клонёров вроде той же Зарты, где всем занимаются бесполое болванчики. Уровень жизни там на порядок выше, но сама жизнь является имитацией. Клоны никогда не выходят за пределы программы, выжженной в их разумах на стадии созревания. Бывают и способные к размножению или просто имеющие пол клоны, как для развлечения, так и восстановления повреждённого генофонда. Их заказывают, когда число мутаций переваливает за красную линию. Есть богатые миры со свободой для всех, наподобие Равенны. Но это исключения, их по пальцам можно пересчитать.

А есть Плеяды. Основанные «Афиной» колонии ближе всего к тому, что должно было получиться в теории. Однако они раздроблены, враждебны и отказываются признавать чью-либо власть. Полисы и номы гордятся своей независимостью и только рады подложить свинью соседу.

Трудно представить, что виноваты протоколы Союза. Те самые, которые писались на глазах Оклайна на Старой Земле. Начинали их, разумеется, ещё до катаклизмов и войн огромные армии умов с машинами, не имеющими равных, а кончали четырнадцать выживших гениев своего дела в бункерах под бомбёжку, с тем, что осталось от техники былых времён. Разумеется, в их трудах что-то ошибочно, что-то нужно и можно улучшить, а что-то просто недописано. Как, например, боевые протоколы. Рогозов погиб, не успев

создать правила отступления. В последние часы он молил, чтобы потомки кончили его работу уже в новых мирах. Не кончили. Не потому, что не хотели. Не могли.

Когда колонисты прибыли в будущий дом, протоколы оказались идеальны. Они обеспечивали существование человечества в любых условиях и при любых ресурсах, а стандартные схемы позволяли восстановить цивилизацию за пару десятилетий из каменного века в паровую, а потом и в космическую. Нет предела совершенству, но поселенцы оказались слишком зависимы, слишком поглощены выживанием, чтобы тратить ресурсы на улучшение того, что и так отменно работало.

В тот час, когда Тринадцать колоний обратились к небесам, протоколы стали чем-то нерушимым. Догмами, абсолютom, аксиомой. Всё мышление строилось на строчках, написанных стариками в последние их годы. Стариками вдохновенными, желающими лишь лучшего и надеющимися на него. Протоколы — это вершина эволюции, они сделали человечество сильнейшим в галактике, описали каждую опасность и придумали противодействие ей. Всё: от планов пустотных баталий, до времени трансляции ежедневного лозунга — прописано и описано по пунктам, как и что делать.

Магнаты, спасшиеся владельцы брендов, которые использовали колонисты, после образования Союза сделали всё, чтобы выдавить самостоятельность. Они не хотели появления конкурента. Став монополистами, заморозили прогресс, отчего каждый день гибнут миллионы. Из-за недописанной вовремя строчки кода.

Однако в проколах есть и иные построения общества, вплоть до утопии! Но их боятся. Если у всех есть всё, какой же смысл в богатстве? Технологии Союза позволяют обеспечить народ не просто минимумом, а весьма приличным ассортиментом товаров и услуг. Но тогда люди начнут думать. Начнут сопротивляться. Начнут требовать перемен. Этого нельзя допустить.

Эмбар не знал, как оно получилось — никаких сведений не дожило до сего дня, а кто может рассказать — молчит. Но рано или поздно, аристократы и магнаты догадались, куда деть избыток, поглотить который они никак не могли. Они нашли идеальный пылесос сравни чёрной дыре, способный впитывать ресурсы без малейшей отдачи. Армию.

Да, Оклайн сам военный, но он командир колониальных войск! Это не просто стрелять, куда прикажет командир. Это целая наука. Они первопроходцы, инженеры, строители, пустотники, геологи и ботаники. Они должны были представлять авангард, смело шагающий в неизведанное. Они — лучшие из лучших, Варраден от лица людей. Специалисты, служащие на благо обществу и ставящие процветание его выше очередной медали на груди. У них и звания весьма условны. Увы, пожить в этой роли не удалось ни дня.

В Союзе уже нет колониальных войск, потому пришлось ему восстанавливаться в регулярной армии, в кастрированном аналоге того, к чему он готовился все последние годы на Старой Земле. Забавно, но он был первопроходцем собственной родины. Правда, чаще «закрывал», чем «открывал». Последний во всём. Последний, как всегда. И почему он не стал наёмником в Плеядах? Тогда не пришлось бы стыдливо прятать голову, отводить глаза от того ужаса, которым стали благие намерения. Хотели ведь как лучше, а получилось хуже, чем всегда. Авторы протоколов стёрли бы их подчистую, если бы знали, чем они обернутся. Возможно, стоило лучше подходить к набору экипажей? Эх... Если бы не было коррупции. То, возможно. То, может быть...

Машина заехала в лифт, поднялась на верхние уровни, прошла через обработку в шлюзе и вышла в свет. В прямом смысле. Если внизу царил грязный полумрак, то тут на освещение

не скупилась — прожекторы сияли не хуже солнца. Засаженные деревьями аллеи, танцующие парочки на площадях в нарядах из ткани от модных ателье, чарующие ароматы булочных и ресторанов. Тут кормят не баландой, настоящими, натуральными продуктами без грамма глутамата!

Играет уличный оркестр. Дроны разносят напитки. Протяни руку...

— Не высовываете конечности из окон, — осадил жандарм.

— А куда деть стаканчик?

— Выкиньте.

На мусор сбежались уборщики, а сам асфальт под ним дотёрли до скрипа.

Красота! Барокко и ампир, бутики и кафе, желтизна и зелень, словно пазл, сливались в картину процветания. Тут мягкие законы, нарушать их никто не спешит. Тут мягкий воздух, за составом которого бдительно следят. Тут чистота и порядок, поддерживаемые армией машинной прислуги.

Жизнь любого отсюда, даже недоросли, не умеющей читать и писать, стоит тысячи Оклайнов. Голубая кровь составляет лишь десятую часть процента от всего остального населения, но ей принадлежит всё: они менеджеры корпораций, администраторы, командиры. Они — отдельное общество со своими правилами и этикетом. Они стоят над большинством, которое даже не подозревает об их существовании.

Любой обмен между уровнями не одобряется — от атмосферы до отходов — разделяется всё. Ведь для некоторых тут может стать оскорблением даже факт того, что его недоеденную трапезу отдали ничтожной черни. Да, они знают о ней. И им всё равно. Они-то живут хорошо! Отлично! Так какая разница, что там у тех, внизу? Они ведь тупой скот. И что печально, сами в том убеждены и ведут себя соответственно.

Так как смещения нет, аристократов снабжают преимущественно машины разного рода: от пылесосов до автокузниц. Единственные низкородные, коим разрешено появляться тут, так называемый «средний класс». Более-менее надёжные и способные, они составляют примерно тысячную часть процента. То есть на одного середнячка приходится примерно сто аристократов, однако жизнь первых ценится наравне с крестьянской. Нисколечко. Первые в очереди на расстрел, они несут всю ответственность и не имеют права защититься. Единственная привилегия — появляться на верхнем уровне без сопровождения — не работает. Их легко узнать по серым постным лицам, а аристократы оскорбляются таким бескультурьем. Да...

Вот и покои генерала Хельмута. Он с Киля, там сословная система куда сложнее, потому он без зазрения совести говорит напрямую с Оклайном, а не через посредника. Келлер всей душой поддерживает Союз и его режим, считая его истинно верным. На таких людях, достаточно инициативных, но лояльных, и держится весь Союз: иначе он бы давно встал, руководимый закостеневшими чиновниками, приросшими к столу. Местничество тут норма.

— Обождите, Его сиятельство заняты, — сообщил дворецкий.

Стоя в прихожей, обитой зелёной тканью с золотым гербом Келлеров, страшно прикоснуться к чему-либо. Всё выглядит так, будто только что из магазина. Ни одной потёртости, скола или царапинки. Настоящие деревянные стулья с шёлковой обивкой, покрытые ровным лаком, портреты семейства — высокородным военным разрешено вступать в брак, механические часы с метровым маятником. От всего исходила аура богатства, состоятельности, власти. Такого не было даже в покоях Райны. Грустно.

Наконец тайные переговоры кончились, и Эмбара пустили в кабинет Хельмута. Тот, бледный, сидел за огромным столом, аккуратно заполненным техникой разного толка, и внимательно разглядывал новоприбывшего, будто впервые его видел. На руке блеснул изумрудом перстень.

Молча поклонившись, Оклайн ждал, пока генерал заговорит первый.

Дверь позади открылась. Он не шелохнётся.

Внезапно в шею вонзили шприц.

— Что?!

Его тут же скрутили и заковали в наручники. На голову натянули пластмассовый мешок с усыпляющим газом. Оклайн дёргался, кричал, пока мышцы не ослабели. Пока из горла не вырывался один тихий стон. Что? Почему? Откуда? Зачем?..

Тело ослабело. Сознание улетучивалось в парах. Он грохнулся на пол, где его связали и поволокли прочь.

11. Так проходит слава мира

Перед глазами расплывалась пелена. Где он? Что происходит? Тело приковано к допросному креслу. Вокруг полумрак. Тяжело дышать. Голова раскалывается. Справа сверху беззвучно транслировалось обращение демагога Белой звезды к пастве, в обилии собравшейся вокруг.

— Сафф...

Нет сигнала? Но как?

— Я сожалею, друг мой, что пришлось прибегнуть к столь радикальным методам, — откуда-то слева вышла туманная фигура. — У меня не было выбора.

Знакомый голос... Не может быть...

— Иоганн?

— Да, это я, — подтвердил Фауст. — Наконец-то мы встретились. Я не планировал этого, но... мне нужна твоя помощь.

— Ты... Что ты натворил?

— Вы слышали легенду о шаготе? О древнем зле, что когда-то правило галактикой и было уничтожено величайшим напряжением сил? Я скажу вам — это не легенда, — Фауст наклонился. — Всё, что вы видели — его творения. Жуткие монстры, внушение, дикость — его работа.

— Что за бред вы несёте?

— Не стоит притворяться. Ваших способностей более чем достаточно для анализа. И если вы его проведёте, то поймёте, что главный заговорщик находится за пределами вашего зрения. Он играет. Наслаждается. Ибо знает, что в этой игре не может проиграть.

Фауст начал бродить кругами.

— В конце концов, вы сами его творение.

— Я человек!

— И вы в это верите. Дьявол, — он сделал паузу. — Да, я заключил сделку с дьяволом, но не ради себя, а ради человечества! Мы не интересны ему, ему нужны лишь чужаки, однако люди погрязли в гордыне и пороке. Они никогда не упустили бы шанса укрепить свою власть, захватить галактику. Ему это не нужно. Потому он даровал мне знания, как остановить войну. Как взять людей под контроль...

— Так это были вы? Хельмут... Себастьян... Вы хотели убить меня!

Молчание.

— Да, хотел. Вы очень, очень интересовали его. Он желал получить вас во что бы то ни стало целым и невредимым.

— Тогда почему?

— Потому что мы не собираемся служить ему! Мы возьмём свою судьбу в свои руки! Благодаря вам я смог получить данные, как именно он внушает свои мысли! Вы видели, как он взял под свою власть Гвардию, какой ужас он способен устроить! Но я нашёл антидот. И я дарую его людям. А вы мне поможете.

— И что это?

— Как не может быть двух разумов в одном теле, так и не может быть двух кукловодов. Он дал мне куда больше, чем желал. Я получил то, что поможет свергнуть его власть! Обезвредить его главное оружие. Белую звезду.

Щёлкнули створки. На постамент поднялась огромная сияющая жемчужина. Свет её будто существовал лишь в воображении — не было ни теней, ни отблесков, вокруг всё оставалось столь же тёмным. Лишь редкие зелёные искры пробегали по двум огромным колоннам по сторонам от пьедестала. Они уходили куда-то ввысь, теряясь во мраке.

— Вот она, сущность шаггота. То, чем он управляет нами. То, в чём сосредоточена его сила. Я смог воссоздать её во всём великолепии!

Время от времени Белая звезда перемигивалась. Не понятно, то ли так должно быть, то ли она нестабильна по своей природе. Но одно ясно точно — Фауст бредит. Наверняка он сам под внушением своего «дьявола».

— И что ты хочешь сделать? Поработить всех?

— Да. Я много времени изучал одурманивание. Как вы видели, прежние версии процесса слишком сильно бьют по психике. Однако я нашёл способ, как этого избежать! Вместо сильнейших команд через ноосферу, я воспользуюсь точечными, усиленными через призму эннан!

Эннан. Зелёные кристаллы... В подвале генерала, теперь здесь.

— Так это они дали тебе кристаллы? — догадался Оклайн.

— И да, и нет. Как думаешь, почему никто ни разу за тысячи лет не смог увидеть живого эннан? Почему они так полагаются на сложные машины и никогда не являются лично? — Иоганн усмехнулся. — Потому что они и есть кристаллы. Они общаются через ноосферу, они, словно призмы, усиливают и преломляют её сигналы, и через неё обретают разум.

— Они... Они тебя контролируют!

— Не говорите глупостей! Все кристаллы, что вы видите, а вы видите лишь крохотную часть, обработаны и полностью безжизненны. Они сохранили свою силу, но потеряли то, что можем назвать «разумом». Даже не представляю, скольких из них пришлось убить ради создания достаточного числа передатчиков! Однако они чужаки, и все их жизни, вместе взятые, не стоят и одного удара сердца человека!

Его проплешина блестела. Ещё немного, и возомнит себя живым святым.

— Так вы не станете защищать чужаков?

— Ха-ха-ха! Вы, очевидно, ещё не поняли. Мой план прост и гениален. Пока я выполняю условия договора, ему всё равно, что я творю. Он возьмёт под контроль, извратит и уничтожит наших врагов, а потом придём мы, защищённые от его силы Белой звездой, и очистим галактику. После я освобожу человечество, и мы станем править всем! И никто, никто не будет нами пренебрегать, нас унижать и никто, никто из нашего трусливого руководства не будет ни перед кем пресмыкаться! Это положит начало нашему Золотому веку! Теперь вы понимаете, за что мы сражаемся, ради чего все жертвы? Я... Я сделал всё, чтобы пострадали лишь мерзкие чужаки, а не люди. Мне жаль каждого солдата, каждого труженика, каждого брата, каждого аристократа, каждого нищего, что отдали свои жизни ради победы. Они никогда не будут забыты. Клянусь. Я сделал всё ради людей. И, если надо, я умру за них.

Эннан. Неужели они контролируют Фауста? Неужели это всё их план? Или же Фауст говорит правду? Шаггот действительно существует? Он и есть враг, о котором говорил Иблис? Слишком мало объективной информации, но виновен во всём один из этой троицы. Осталось выяснить, кто. Если надо, путём перебора.

— Ты хочешь устроить геноцид.

— Ксеноцид. Люди не пострадают.

— А разве они не люди?

— Они мерзкие чужаки! Они слабее нас, они боятся нас, они хуже нас во всём! Не понимаю, возможно, твоя чужеродная природа заставляет любить их, но каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребёнок при их виде может испытывать лишь презрение! Презрение! Когда мне приходилось лично общаться с ними, вы не представляете, какое отвращение наполняло всю мою сущность. Они мерзость. Их уничтожение не требует никаких оправданий! — он зашипел. — Мне нужно сделать последний шаг. Последний рывок. Зарядить Белую звезду. Я много думал, много искал. Но нашёл лишь один вариант. Ионная пушка способна дать достаточный импульс, а Белая звезда поглотит и энергию света, и материю. Однако обычной пушки недостаточно.

— Системы «Рама».

— Вы уже все поняли, я погляжу. Древние пушки Земли в двадцать раз мощнее всех тех, которые мы способны собрать ныне. Однако, как я выяснил недавно, ООН не имеет кода для высвобождения всей их мощи! И тут мне нужен ты.

Действие снотворного постепенно проходило, Эмбар попытался вырваться. Безрезультатно. Сковали его туго.

— У меня нет никаких кодов! А если бы и были, я бы ни за что не отдал бы их такому безумцу как вы!

— У вас невероятная харизма. Я впечатлён. Однако не пытайтесь лгать мне. Вы имеете системы «Знамения». И, как я выяснил, все, имеющие эти системы на Старой Земле носили протоколы высшего ранга. Именно вы отдали последний приказ о стерилизации Земли. Именно вы. И эти команды сохранились в вашей долгой памяти.

Откуда он знает?..

— Ложь!

— Как пожелаете. Мне действительно жаль вас. Вы та редкая личность, которая, несмотря на уродство, всё же стала человеком. Я... Я предпочёл бы видеть вас другом. Я сожалею.

Фауст отошёл в сторону. Белая звезда наполнялась силой, светилась всё ярче и ярче, её вторили колонны кристаллов, поначалу вызывая лишь раздражение. Однако вдруг начали отниматься мышцы. Пальцы ног, кисти, голень, бедро, предплечье. Онемение восходило волной успокоения. Вырваться, жмурится, кричать бесполезно. Воля слабеет, тает контроль над собственным телом. Чёрным машинным маслом вливается внутрь чуждый зловещий разум.

Внезапно подступила тошнота. Изо рта капала едкая желчь, дыхание сбилось. Взор застлали чернильные кляксы. И не было никакого спасения и противодействия. Такого с Оклайном не было ни разу. Внезапно он осознал, что и над его сознанием уж довлеет чужая длань. Он марионетка. За считанные минуты лишился... себя, стал наблюдателем в собственном теле.

— Хватит, — скомандовал Фауст. — Теперь вы осознали суть моего плана. Я знаю, что вы слышите и понимаете меня. Вы введёте коды.

Он кивнул куда-то за спину, откуда вынесли бронированный керамический чемоданчик. Кандалы ослабили, освободив предплечья.

— Начинайте.

Своими руками, будто чужими, он подключился к сети.

«Знамение» опознано. Введите код доступа.

Шестнадцать уровней защиты рассыпались как карточный домик.

Код подтверждён Системы «Плана Б» активны.

— Великолепно. Приступайте, — кивнул Иоганн своим братьям.

Скрипнули тормоза — алтарь Белой звезды двинулся куда-то вверх, внутрь пробились лучи солнца. Экран стал ярче, появился звук.

— Братья и сёстры, — обвёл широким жестом ликующий народ двойник, — наконец настал день нашего вознесения! Мы получим силу, которая даст нам власть над всей галактикой! Так примем же её с радостью и без страха!

Над собором вознеслась странная конструкция, похожая на пику. В центре её перемигивалась жемчужина, будто в предвкушении той мощи, которой её накачают.

— Узрите символ нашей веры! Благословенную Белую звезду!

Овации и вопли прервали слово. Фанатики прыгали, молились и махали руками одновременно. Огромная толпа, десятки, может, сотни тысяч бились в экстазе — их долгий путь подошёл к концу.

— Красота. Как они радуются, — Фауст обернулся. — И они получают свою награду. Над нами оружие. Прицелься в Белую звезду и выстрели. Восемьдесят пять процентов форсированной мощности.

Всё потеряно. «Рама» готова к стрельбе. Однако ионная пушка сложнее ядерной бомбы, ибо настроек у неё в разы больше. И одна из них — время зарядки. Прежний залп, тогда, много лет назад, был выставлен на максимальное время: то есть мощь выстрела превзойдет ту величину, которую хочет Иоганн. А он об этом и не подозревает! Величайшим напряжением воли, Оклайн нажал «Ввод» со старыми настройками. Пусть лучше погибнет он, и ещё тысячи, чем план Фауста увенчается успехом.

Голова дрожала. Через камеру он глядел на Землю. На её Круглые моря, изрезанные континенты, синие моря. Как она изменилась! Сколько потребовалось вложений, чтобы восстановить её великолепие, и сколько ещё осталось...

Зарядка завершена.

Огонь.

Огненный луч пронзил небеса. С громом он вонзился в Белую звезду, и слепящая вспышка обожгла мир вокруг.

— Нет! — вскрикнул Фауст. — Нет!

Свет этот пронзил сам разум. Он проходил через закрытые веки, выжигая мрак. Оклайн не выдержал. Обмяк. Погрузился в небытие.

***

Бесконечная белизна.

— Великолепно. Вы большой молодец, Оклайн. Мои поздравления, — Иблис наклонился над ним. — Вы устранили одну из величайших угроз нашего времени его же оружием!

Оклайн едва дышал, распластавшись на земле.

— Увы, вы сделали ещё не всё. Теперь вы знаете имя виновника всего происходящего. Вы знаете, что делать. Не щадите никого! Вставайте! Мне нужно ещё время, после чего всё остальное станет не важно! То будет величайшая победа за тысячи лет! И всё благодаря вам. Мы ещё встретимся, когда вы выполните последнее моё поручение.

Он пытался прогнать дух, но не смог и пошевелиться. Каждый член ныл и горел.

— Вернитесь целым и невредимым. Вы мне ещё понадобятся.

12. А судьи кто?

Лазарет «Бездны» совсем крохотный — на пять человек. Разделения на палаты как такового нет, поэтому слегка подёргав головой, Эмбар оглядел всю комнату. Кроме него — никого. Боли прошли. Однако мышцы и голова всё ещё ватные, чугунные, воздух вокруг будто загустел.

— Поздравляю! Вы живы! — робоглаз появился из-за изголовья. — Провожу анализ чувствительности.

Он посветил в глаз, потыкал в пальцы, ударил пару раз по суставам.

— Рефлексы в норме.

— Что случилось?

— Сильнейшее ноосферное искажение. Я подобного не фиксировал никогда. Источник определить не удалось, вероятно, он находился неподалёку от вас.

— А что Фауст?

— Его труп был найден рядом с вашим креслом. Вы единственный выживший в радиусе ста пятидесяти миль от храма. Все остальные погибли, вероятнее всего, из-за перегрузки нервной системы в результате предельного общего телепатического воздействия.

— Взрыв Белой звезды?

— Теоретически. Я не нашёл никакого следа «Белой звезды». Она полностью аннигилирована. Неизвестно, как подобное могло произойти, однако существование «Белой звезды» фактически зафиксировано.

— Она могла контролировать разум.

— Интересно. Запишу в дело.

Оклайн как-то между делом подумал, что слишком часто в последнее время теряет сознание. Похоже, совсем выгорел. А ведь несколько дней прошло! Как он измотался за это время!

— Не рекомендую вставать. Последствия подобного воздействия неизвестны.

— Всё со мной нормально. Да.

Придерживаясь за стену, похрамывая, поднялся на мостик он и упал в кресло. Снаружи витала Земля. Вторая планета Солнечной системы. Уже вторая. Вот и Луна. Совсем не изменилась — те же выжженные чёрные пятна и серые поля. А меж ними, на сотнях орбит, витали восемь тысяч боевых станций и три с половиной тысячи линейных пустоходов ФОСС. Ни одну планету в галактике так не хранили, как Землю. Ни одну, поскольку однажды люди уже потеряли свой дом, свою родину. Теперь же: «пока стоит Земля, стоит человечество».

Вода покрывает восемьдесят её процентов, извитая береговая линия, каньоны и реки, идущие по древним разломам. Когда-то она выглядела совсем иначе — на гербе ООН, по легенде, изображена её карта. Ложь. Когда Оклайн впервые увидел планету, она пусть и не была настолько избитой, она была иной.

Это один из мифов. Как-то была такая книга, «Списки мифов, легенд и древней истории»: в ней рассказывалось о чудесах Земли до Тёмных веков. Об чудных зверях, что обитали по ней: о ламах и драконах, слонах и химерах, китах и кракенах, моржах и грифонах. Об великих изобретениях: о Интернете, о башне, ставшей известнее собственного архитектора, о первых полётах на Луну, об ядерной бомбе и двигателе внутреннего сгорания.

О странных культурах и обычаях. О «переписке по сети» и газовых плитах. Удивительные, наверное, были времена! Топить ценным сырьём, добываемым лишь на опасных зелёных мирах или в бактериальных ваннах.

Всё то — ложь. Легенда. Никогда не было ни львов, ни гиен, ни гидр, ни единорогов. Никогда не было ни Дуная, ни Енисея, ни Иерихона, ни Атлантиды. Это придумки отчаявшихся, забитых, затравленных выживших в выжженной пустыне. Миражи, тысячи раз переложённые с уст на уста, приобретшие образ утерянного рая. В книге имелись фрагменты карт древних. Глядя на них, Эмбар видел болота на месте пустынь, равнины на месте гор, сушу там, где плещется море, и города на месте бескрайних просторов. Воображаемый мир. Наверняка рисовавшие их шаманы тешили себя мыслью, что, придумав великую историю своему бедному народу, они вернут ему хотя бы кусочек потерянного эдема.

Но ложь, повторённая тысячу раз, остаётся ложью. От Дедала до Роланда, от Пирамид до Мировых войн, от Инда до Амазонки. Не было ничего этого. Фрагментарность абсурдность, желание возвеличить предков сквозят из каждой щели тех мифов. И всё же на лице проскальзывала робкая улыбка при мысли, что древние передавали по сети не только сухую информацию, но и эмоции, что они были настолько богаты, что жгли попросту нефть и газ. Что они жили хорошо. Славные, должно быть, царили времена!

— Совет Безопасности требует явиться на суд, — прервал течение фантазии Сафф.

— Сам Совбез? Неожиданно, — он глубже зарылся в кресло. — Когда?

— Сразу, как только ваше состояние позволит. Они заседают постоянно, потому ваше прибытие не создаст лишней сложности.

— Ха-ха! Тебе легко говорить. Это же Земля! Неблагодарным сюда путь закрыт! Ни одно ничтожество не смеет запятнать чистоту святого мира своим грязным дыханием!

Охрана общего наследия — ООН — бдит денно и нощно, не пуская никого на поверхность планеты. Она самый защищённый объект во Вселенной, сбежать отсюда или же пройти через атмосферу без разрешения — невозможно.

— Так как вы уже находились на планете, для вас сделали исключение. Личный приказ адмирала Августа. Он крайне заинтересовался отчётом.

— Отчётом?

— Отто предоставил данные обо всех наших действиях. Мне пришлось дополнить его, чтобы объяснить некоторые спорные моменты.

— Эх, Отто, Отто. Простой ты человек! — Райна ведь предупреждала. — Так и быть. Я ещё не готов.

— Возможно, стоит поговорить с Сидерой.

— Она здесь?

— Так как лечение не завершено, пришлось забрать с собой.

— Ох... Может, станет легче.

Найти Сидеру не составило труда. Она, невнятно бормоча, лежала на стульях за баром, заставленным пустыми бутылками. Тикали часы. В воздухе висел фруктовый аромат, смешанный с запахом лёгкого алкоголя. Пара пустых столиков из резного дерева блестели лаком в свете пары жёлтых ламп. Оклайн вздохнул, сел по другую сторону стойки, наполнил чашу и осушил за один присест.

— Как настроение? — спросила Наррайн.

— Так себе.

— Пф... Налить?

— Покрепче.

— Ага...

Она провела рукой по ещё полным бутылкам, выбрала одну и кинула на стол.

— Прошибает только так.

— Я ведь не пьянею...

— Плевать.

Сидера вскинула револьвер, прицелилась в потолок и сделала вид, будто стреляет.

Ствол предательски дрожал.

— Пиф-паф... Я ковбой! Ох...

— Ты никогда так не напивалась.

— Всё бывает впервые, — её руки безвольно опустились. — Боро умер.

— Что?

— Пару дней назад. Когда я его увидела...

Она накрыла глаза рукой, чтобы скрыть слёзы.

— У тебя Райна, у меня дядя. Почему? Что мы сделали не так?

Поднял за свою потерянную подругу.

— Я принял смерть очень многих друзей. Многие умерли на моих глазах. Стеллар, Рамзани, Рогозов, Броуз, Гаррель... Были и те, кого я не знал... Я не понимаю, как это работает. Когда привыкаешь к смерти, считаешь её облегчением...

— Она всё равно бьёт.

— Именно так, — Оклайн приложился к бутылке.

— Боро... Он был последним из моей семьи. Больше у меня никого не осталось! Зачем я тогда согласилась?! Малолетняя дура! Надо было выбирать интернат! Я могла бы стать министром!

— Министром? — по лицу пробежала неожиданная улыбка. — Ты?

— А что? Я злобная. Умная. Выкарабкалась бы. Разогнала бы то болото, которым стало наше правительство.

— Ты и так отлично справляешься.

— Эх... Если бы, если бы... Что стало с нашим миром? Хрень с ним стала. Вот что, — она выпила ещё.

— Но мы боремся, чтобы это изменить.

— Да. Боремся. Не впустую ли?

— Путь важнее цели.

— Боро говорил так же.

— Так почему мы должны не слушать его? Мудрый был старик, знал, что к чему. Пусть же его заветы продолжают жизнь в наших умах. За тех, чьи идеи пережили их самих.

— За наших друзей.

Не чокаясь. В молчании сидели они несколько минут, пока с протяжным скрипом и стоном Сидера не уселась за стойку. Лицо её словно битая груша — мятое и кислое, глаза замыленные, чешуйки потеряли лоск. Она пошарила в столе и положила на стол книгу «Легенда о сорока двух».

— Он хотел, чтобы первый экземпляр был у тебя. Работал как проклятый. Чувал, что конец близок.

Открыв первую страницу, Оклайн прочитал автограф: «Пусть в твоей галактике когда-нибудь настанет утро». А дальше, словно в сборнике сказок, начиналась история

человечества — труд словно и не претендовал на правдивость, наоборот, всячески подчёркивал свою фантастичность. Каждая глава словно миф, полный пафоса и славы предков. Только если не знать, что всё написанное — правда. Листая исписанные страницы, Оклайн улыбался, припоминая павших товарищей, дела давно минувших дней. А после закрыл томик и поставил рядом с мемориальной доской, у ожерелья из рубинов.

— Он всё сделал правильно, — прошептал Эмбар. — Его работа увидит свет.

— Старался не зря.

— Эх, — зажмурился Эмбар. — Мне пора. Совбез будет меня судить. За то, что я принимаю решения не по их бумажкам, а по ситуации и убеждениям. Пусть они сколько угодно долго пытаются доказать свою правоту, я останусь при своём.

— Они тебя оправдают, — с робкой надеждой поддержала Сидера.

— Не знаю, — холодно проскрипел Оклайн. — Они принимают решения заранее. Сама процедура — фарс, пыль в глаза. Дело уже закрыто. Остаётся лишь доказать свою ценность, попытаться довести мысль, что рано, рано списывать меня в крематорий!

— Они не сделают этого! Я! Я!..

— Ничего ты не сделаешь, — он закрыл глаза. — Это сделка с дьяволом. Удачи тебе. Сафф, если не получится, пригляди за ней. «Бездна» и всё моё имущество перейдут к тебе, Сидера. Береги его.

— За тебя, — она подняла кружку и чокнулась о полупустой стакан. — Чтобы жизнь продолжалась!

— Чтобы Фортуна озарила нашу юдоль!

***

Погожий денёк, тучки плыли по голубым небесам. Летний бриз пах лавандой, нёс жёлтые зёрнышки пыльцы. Нагретые липы текли ароматным нектаром, который собирали опьяневшие пчёлы.

Катер остановился на площади Бумажного архитектора — прямо у дверей здания ООН. Тут бродят личности настолько высокого положения, что взгляд на них низкородного приравнивается к оскорблению. Единственный выход — глядеть под ноги, изучать витиеватые узоры плитки и идти вслед за слугой. К слову, последний тоже голубых кровей, только не столь густых. Пройдя десятилетия тренировок, дворецкие обучились настолько точному хронометражу и размаху своих движений, что напоминали автоматы. Никто, кроме них, не знал всех тонкостей дворцового этикета, и никто иной не способен правильно принять любого гостя.

Обучение же черни сводилось к одному: видишь дворянина — опусти взор и сделай знак прислуге, дабы она вывела тебя, не наведя греха. Карающегося смертью, разумеется.

Потому, словно кукла, Эмбар тащился по коридорам некоего соседнего здания, пока не набрёл на голографическую комнату. Депутаты Совбеза — люди величайшего ранга. Один адмирал Флота обороны Солнечной системы Валериан Август чего стоит! Не проведя и жизни ни одной операции, он смог собрать в своих руках всю военную власть в Союзе: сначала удушил отца и сестру подушкой, потом подстроил мятеж и расстрелял командира армии ООН, а после провёл глобальную реформу внутренних войск.

Разумеется, понравилось подобное не всем, что и привело к Кризису Зарты. Пользующийся большой автономией мир не захотел расставаться с рычагами влияния, к нему присоединились соседи. Так началась гражданская война на пятьдесят восемь лет. Да... Хотя компетенции Августа вызывали сильные сомнения, его положение настолько

велико, что даже прямо обращаться к нему невозможно. Попросту не существует правила, по которому ничтожество говорит с божеством! На него и глядеть нельзя, хоть портреты висят повсюду: высокий, худощавый, с орлиным носом, тонкими губами и сухой натянутой кожей, с выпирающими скулами и висками и особо длинным подбородком, напоминающим трамплин. Интересно, как он с ним ест? Прочь крамольные мысли! И за них тут казнить могут.

Остальные члены Совбеза имели не менее высокий статус, потому возник конфуз: как они должны судить Оклайна? Как бы они ни хотели, они просто не имеют возможности сделать это лично, ведь подсудимый попросту оскорбит их одним своим существованием. В итоге придумали не самое удобное, но рабочее решение — слова и жесты будет передавать слуга, обученный и, главное, достаточно высокородный для общения с элитой элит.

Эмбар будет стоять за кадром, его голос не услышат, оттого вся надежда на мастерство посредника, он, к слову, ещё и жесты с позой повторять будет. Идея не нравилась. Крепко не нравилась. Если сам не можешь контролировать процесс, то и результат получишь неожиданный. Печально. Хотя, вряд ли кого-то действительно будет волновать судьба мелкого вояки, скорее, наоборот, посудят и забудут через пять ударов сердца.

Заседание началось. Слуга покорно поклонился экрану, приветствуя депутатов, и выжидательно глянул на Оклайна. Тот немедленно уставился в пол, ожидая отдавая первое слово председателю.

— Эмбар Оклайн, — раздался клёкот Августа, — вы предстали перед судом Совета безопасности Союза человеческих государств галактики за преступления, угрожающие целостности нашего государства и существованию самого человечества. Вы обвиняетесь в попытке государственного переворота, превышении полномочий, злоупотреблении полномочиями, клевете на лиц высочайшего ранга, сношении с чужаками, попытке геноцида, массовых убийствах, убийствах с особой жестокостью, применении оружия массового поражения без надлежащих разрешений, пособничестве шпионам, предателям и агентам внешнего влияния и космополитизме. Согласны ли вы с выдвинутыми обвинениями?

— Да, согласен.

— Известен ли вам состав преступлений и наказание за них?

— Да, известны.

— Имеете ли вы возражения против состава ваших преступлений?

— Нет, не имею.

— Перед вынесением приговора Совет безопасности Союза человеческих государств галактики желает услышать оправдание ваших действий из первых уст!

Он собрался.

— Все мои действия направлены были исключительно на преумножение славы человечества и людей, на сохранение их и укрепление их авторитета как внутри Союза, так и за его пределами. Все решения были обдуманы и приняты с холодным умом и желанием помочь возвышению человека. Конечной целью моих действий от начала до конца было стремление дать представителю Союза место во Внутреннем круге через ключевую роль в решении вопроса международной важности в устранении угрозы всему Млечному пути, — он сделал долгую паузу. — Так же признаю, что часть моих действий оказалась вынужденной мерой супротив действиям доктора Иоганна Герхеля Фауста, всякая мысль которого была направлена вопреки моим устремлениям. Я никогда не ставил цель

свержения текущего строя внутри Союза, захвату власти, смене строя и уничтожению человечества. Ваше внимание, — Оклайн поклонился в пояс.

Слуга идеально повторил каждое слово и каждый жест. Молчание затягивалось.

— Совет безопасности внял вашему слову. Суд удаляется для принятия решения, вам же надлежит ожидать его со всей покорностью.

— Ваша честь.

Голограмма погасла. Сердце колотится набатом. Сколько времени прошло? Пять минут? Десять? Двадцать? Внутренности сжались. Нос слегка подёргивался. Скрежетали перебираемые когти. Наконец судья вынес вердикт.

— Эмбар Оклайн, — Август сделал паузу, — рассмотрев новые обстоятельства, Совет безопасности решил, что ваши действия оправданы. Вы восстановлены в звании, лишены всех наград и премий до конца жизни. Вы не имеете права дарить, продавать, оставлять в наследство или иным образом распоряжаться личной собственностью. Вы не имеете права вступать в брак и иметь детей, вы лишены привилегий флотского навигатора в плане налогового законодательства. В личном деле вы получите красную метку, дабы каждый знал, что доверия вам нет, и не будет. Новое назначение уже передано в штаб. Не подведите наших ожиданий, или окончите жизнь в усилителе боли. Это наше последнее слово.

С души камень свалился.

— Благодарю за милосердие.

— Заседание окончено.

Конвоир вручил конверт — приписка советником к Хельмуту Келлеру, который уже вызван с Альфагемона вместе со всей линейной армией. Более точные указания будут во время личной встречи, потому надлежит немедленно отправиться на флагман экспедиционного флота.

Поджав губы, Оклайн прикрыл глаза. Куда его занесло на сей раз? И стоила ли его жизнь места во Внутреннем круге для Союза? Ведь через новые рычаги они захватят галактику, дай время. Неужели то был единственный путь? Ох, не стоит заморачиваться. Сделанного не изменить. Слово не вырубить топором. К сожалению.

***

Сидера искренне поздравила Оклайна с выживанием, опять, однако новое назначение восприняла неоднозначно. Радость её по этому поводу оказалась настолько фальшивой, что она сама ей подавилась и замолкла. Но при этом согласилась сопровождать флот в будущем.

Отто радостно отсалютовал по связи и прочёл целый трактат о том, что он всё знал, что Фауст предатель, а Август гений, что власть просто не знает, какой кошмар творится внизу и надо ей только рассказать. Что он заступился за своего командира и не ошибся, что верил в комбрига и знал, что его оправдают. Что ж, хоть кто-то на протяжении истории ни разу не сомневался.

Настало время отправляться. «Бездна» шла полным ходом к базе флота.

На орбите Юпитера — отца Солнечной системы, среди десятков спутников витали древние доки «Икара». Давным-давно с них сошли четырнадцать колонистов, разлетевшихся к четырнадцати разным системам в поисках нового дома.

Теперь же они, крупнейшие в галактике, спускали великолепные пустоходы военного флота — самые современные, самые большие и самые разрушительные. «Меч мира» — один из таких. Хоть большая часть его систем идентична стандартным, ионное оружие заменено на ускоритель антиматерии. Огромная мощь семи миль керамики, двигателей и брони

рвалась вперёд. Гудела, шипела, жаждала боя.

Пока машина входила в состав флотилии, Оклайн провёл финальное собрание.

— Так как мы не знаем, действительно ли эннан причастны к заражению паразитом, нужно быть готовым ко всему. Наш противник полагается на машины и механизмы, превосходящие наш уровень технологии. Однако сами кристаллы уязвимы к воздействию ультразвука, потому каждый штурмовой отряд получит звуковое оружие, звуковую взрывчатку и гибридные клинки.

— До сих пор не могу поверить, — пробормотал Хельмут, — что эннан — камни!

— Информация не подтверждена. Одна теория Фауста уже провалилась с треском. Однако тот факт, что они используют контрольные кристаллы, — хорошо известен. Воспользуемся этим.

Он склонился над голограммой цели — космической цитадели невероятных масштабов. Она упоминается в каждом расшифрованном «эннан». Пока что она крупнейшее их сооружение из всех известных, а также наиболее странное. Центральный стержень её — огромный кристалл, выращенный в вакууме, длиной сорок с лишним миль, а шириной — более десяти. Это крупнейший компьютер в Млечном пути. Если где и будут данные, то там. Других потенциальных хранилищ подобного масштаба нет.

— Враждебность противника неизвестна. Быть может, получится договориться.

— С чужаками?

— Потери сейчас неприемлемы. Возглавлю операцию я с небольшим отрядом.

— Кхм-кхм, — пробормотал один полковник. — Мы правильно поняли, что с нами отправляется рыцарь Варраден?

— Именно.

— Она же будет передавать данные о нашем флоте Ордену! Нельзя допускать утечки информации!

— Она будет находиться на корвете всё время и не получит доступа ко внутренней сети. Ещё вопросы?

Офицер притих. Эмбар не имел тут решающего голоса, ни по рангу, ни по родословной, однако остальным мягко намекнули, что его следует слушаться. Похоже, Совбез глубоко проглотил наживку, или потерял всякую надежду мирным путём добиться своего. Как бы то ни было, иметь за спиной командование Земли оказалось выгодно.

— Тем временем остальной флот останется на расстоянии световой секунды от станции. Огонь не открывать. Если эннан проявят агрессию — сначала попытайтесь связаться, потом лишь стрелять. Сейчас не время открывать второй фронт. Если же переговоры окажутся неудачными, действуйте по ситуации, но мы обязаны получить доступ к данным эннан. Сохраните их любой ценой. Генерал, передаю слово вам.

Келлер объяснил дислокацию на каждом этапе, утвердил план и объявил собрание закрытым. Отдав честь, Оклайн, по свежим коридорам — как же они хороши, всё тут построено на совесть — отправился в ангар.

«Бездна» отчалила. Засверкала сигнальными огнями. Если флот пойдёт старыми протоколами Стеллара-Казимира, то доберётся через полгода в лучшем случае от ближайших врат. Но есть и иной путь.

Оклайн надел кольцо с гравировкой «2590» — личным номером флотского навигатора — оно позволяло прокладывать маршрут, используя любые доступные средства. Удобно, учитывая, что в распоряжении Эмбара оставался один козырь. Козырь, который стоил ему

годов ненависти и злобы от Николая Стеллара, сына знаменитого учёного и заодно богатейшего человека во Вселенной. Магнат, мажоритарный владелец «Звёздных путешествий». Его корпорация строит и обслуживает весь пустотный флот Союза. Весь. Все сотни тысяч пустоходов. Без её разрешения не пройдёт ни один перелёт, ни одна машина не сойдёт со стапелей.

Единственное, что спасло голову Оклайна — Николай и Валериан ненавидят друг друга. Если бы они объединились, стали бы правителями всей галактики, а так тратят силы на бессмысленную борьбу. На самом деле, Эмбару казалось, что жизнь военные ему сохранили исключительно ради того, чтобы позлить Стеллара. А у того есть повод. Очень весомый повод. Стоимостью в миллионы, даже миллиарды пластинок.

Протоколы навигации Стеллара-Эмбара, как они назывались в проекте. Системы, позволяющие пересекать просторы космоса в сотни раз быстрее. Буквально. Навигация по этому алгоритму обеспечивает настолько высокую точность и скорость, что её ни с чем не сравнить, притом, что внутри они крайне просты. Удивительно, что никто другой до подобного не додумался.

Гравилинзы создают искажение пространства, позволяющее перемещаться быстрее света, однако это мешает ориентации. Если не останавливаться, сверять курс или предсказывать его, легко ошибиться на сотни лет и прилететь в другое место. Особенно в плотных районах галактического ядра, где пролёт практически невозможен — рикошет от звезды к звезде, какой уж тут маршрут?

Но Млечный путь — спиральная галактика. Значит, по обе стороны её диска — пустота, в которой плавают древние шаровые скопления. Идеально для скоростных перелётов. Алгоритм просто рассчитывает путь до подходящего скопления, а после, без задержки, позволяет отскочить от него в нужный сектор. Вот и весь секрет. В толщину диск куда меньше, чем в ширину, а крюк компенсируется немислимой скоростью. Аномальной скоростью. Наверное, такой перелёт — единственный, где достигается верхний предел искажения. Всё просто! Никаких уникальных технологий! Старик Александр был гением, коих поискать надо, хотя сама идея принадлежала Оклайну.

Однако глубокий конфликт отца и сына заморозил проект. Данные так и не попали в протоколы Союза, оставшись лишь в двух головах во Вселенной. Назло Стеллару-младшему. Чтоб он поперхнулся сомой!

— Предсказание маршрута завершено, — доложил Сафф. — Флот готов следовать за нами.

— Ха-ха-ха! — он откинулся в кресле. — То-то они удивятся! И ничего не поймут! Бедняги, мне их жаль.

— Может, расскажешь, в чём секрет? — хитро спросила Сидера. — М?

— Тебе полегчало?

— Малость.

— Тогда иди лечись. Оставь навигацию профессионалам.

— Болтун! — усмехнулась она.

— Сэр? Мне не по себе от грядущих манёвров.

— Не беспокойтесь, полковник. Это безопасно. Гравилинзы заняли позиции. Энергия на уровне. Всё стабильно. На счёт три! — он положил руку на голографический рычаг. — Два! Один! Старт!

— Уху! Понеслась!

Пространство вокруг расплылось. Звёздный свет завернулся, стал ярче и синее. Через миг орбита опустела, а игла карающего флота устремилась вверх, за пределы Млечного пути. В неизведанное.

13. Прикосновение к бездне

Путь, что иначе занял бы полгода, флот прошёл чуть более, чем за полторы недели. Огромные, похожие на остроносые кирпичи, крейсера и линкоры выстроились впереди, прикрывая редкий строй галеонов. Мелкие пустоходы крепились на наружной обшивке, разлетаясь сейчас, как труха с гнилого пня, блестя зеркальной бронёй в красных лучах карлика. Тут холодно. Очень холодно. В системе две планеты, и те — царство Снежной королевы.

Сам космос казался чернее обычного. Словно за колодезцем звезды — вечная пустота.

— Видим станцию, — сообщили с флагмана. — Реакции на наше прибытие не зафиксировано. Активность нулевая. На сигналы не отвечает.

— Принял. Десантная группа, приготовиться подняться на борт «Бездны». Дипломатическая группа вылетает.

Цитадель встречала их молчанием. Перемигивался огромный кристалл, но ни движения, ни луча в пустоте. Их словно не замечали. Словно они мошки рядом с настолько великим, что-то не может сосредоточить на них взгляд. Или делает вид, что не может.

«Бездна» села в ангар, прошла через странное поле, удерживающее пригодный воздух. Вот это технология! На прибытие никакой реакции — ни дружеской, ни враждебной — их игнорировали. Или заманивали в ловушку. Странное поведение для ксенофобов, уничтожающих всех, кто посмел основать колонии в их границах. Тем не менее, Эмбар надеялся на благополучный исход — кто бы ни стоял за паразитом, он угрожает и эннан.

Отряд широкой дугой разошёлся по чёрным камням. От каждого сотрясения по ним пробегали зелёные волны тысячей изгибов вдоль невидимого глазу узора. Идя во второй линии, Оклайн настороженно оглядывался. Сидера нервно семенила рядом, не опуская дробовик.

Внезапно раздался тихий гул.

Обернувшись, они увидели голую стену.

— Эй! — офицер постучал по ней. — Откуда она взялась?!

— Влипли. Не дойти бы теперь до ручки.

— Мы не знаем об их намерениях. Сафф?! Приём?! Сафф! Я его не слышу.

— Они глушат ноосферную связь.

— Интересно, как, — он задумался. — Паразит тоже отдаёт команды через ноосферу. Нам нужна эта технология!

— Ну, знаешь, головы тоже нужны. Желательно, на своих плечах.

— Не ворчи. Идём дальше!

Наконец мрак рассеялся, и они увидели противоположную стену ангара и тёмный проём двери в ней. Отряд разведки скрылся внутри.

— Сержант! Сержант, приём?!

Ничего. Они не отвечают. Наррайн устало на него взглянула.

— Возможно, стены мешают связи. Оставшиеся — вперёд!

Они пошли в середине колонны. Камень словно поглощает свет — фонари буквально гасли тут, а от камер пользы никакой. Звуки же терялись впереди без эха — как такое возможно? В итоге шли они на ощупь, пока внезапно не налетели друг на друга.

— Что такое? — прошептал Оклайн.

— Впереди стена.

— А где остальные? Может, мы пропустили поворот?

Он сделал шагов назад, но наткнулся на другую стену.

— Кто-нибудь! Приём! Как слышно?!

Шипение помех. Даже оно тихое, едва уловимое.

— Нужно было связаться верёвкой.

— Знал бы, где упадёшь, соломки б подстелил.

— Никогда не был в таких местах. Как они это делают?! Откуда такие технологии?!

Давай проверим другую стену, держи за руку.

Через пару шагов то же самое — идеально ровная невидимая поверхность. Тьма стала совсем непроницаемой, даже идеальное зрение Оклайна не спасало. Он буквально ничего не видел даже с включенными фонарями.

— Не стоило нам сюда приходить, — прошептала Сидера.

— И не из такого выбирались. Почему они ничего не говорят?! Эннан! Вы слышите нас?! Мы пришли с миром! Нам нужна ваша помощь!

— Оклайн? — её голос дрожал.

— Да?

— Прости. Я больше не могу сопротивляться.

Она отпустила руку. Неловко взмахнув пару раз, Эмбар не нащупал ничего. Стены растворились. Сначала робко, а потом всё смелее и смелее пошёл вперёд, не натываясь ни на что. Это какой-то большой зал? Ничего не видно.

— Сидера! Сидера! Ты где?! — эха нет. — Сидера! Лейтенант?! Сафф?! Кто-нибудь, отзовитесь! Ау! Ау!

— Кто-нибудь. Отозвался.

— Сидера? Ты где?!

Внезапно руки заломили за спину, скрепили наручниками.

— Сидера?! Что ты делаешь?! Сидера?

Всякая попытка вырваться оканчивалась провалом — неизвестный стальной хваткой держал пленника и пресекал любую возможность выхватить оружие.

Тут тьма разошлась. Огромный мистический купол накрывал «площадь» у самого кристалла, неровным склоном уходящего ввысь. Как они подошли к нему так быстро?! Огромные статуи из ровных металлических пластин застыли над ними, сияние исходило со всех сторон, разгоняя извечный мрак пустоты.

Его толкнули вперёд, на платформу. Наконец он смог обернуться: Сидера стояла недвижно по стойке «смирно» и никак не реагировала на происходящее.

— Неожиданно.

Одна из горгулий зашевелилась. Однако говорила не она — звук словно исходил со всех сторон.

— Редко.

— Ты эннан?

— Много мыслей.

— Мы пришли с миром! Мы просим о помощи в уничтожении паразита!

— Нужно расчленишь. Агент.

Наррайн вытащила клинок.

— Э-э? Что вы собираетесь делать?! Я эмиссар Союза! Я под дипломатическим

иммунитетом! Вы должны выслушать нас! Сидера! Сидера, что ты творишь?! Остановись! Они манипулируют тобой! Остановись!

Она двигалась ровно, как автоматон. Замахнулась... и зависла.

— Сопrotивляйся! Давай!

Несколько секунд длилось незримое противостояние. Клинок дрогнул. Опустился. Оковы распались. Эмбар не терял ни секунды — рванул на ранце мимо сонной статуи и прижал звуковой детонатор к кристаллу.

— Отпустите её, живо!

Нарраин невнятно стонала, покачивалась из стороны в сторону, бормотала и держалась за голову. Что с ней? Она уже встречалась с эннан? Почему ничего не сказала?!

— Агент нужен, — статуя наконец повернулась лицом. — Агент останется с нами. Агент уникален.

— Ты про Сидеру?

— Опытный образец № 1 вырвался. Опытный образец № 1 вернулся. Она не уйдет.

— Ха! Это мы ещё посмотрим.

Он взвёл бомбу.

— Отпустите, или вашему драгоценному кристаллу конец.

— Вы убиваете нас. Мы убиваем вас.

— Вы про доктора Фауста? Он погиб! Он действовал самостоятельно, без нашего ведома! Мы не желаем вам зла, нам нужна ваша помощь.

— Вас много. Мы один. Нас много. Вы один. Вы будете делать, что мы говорим.

— С чего вдруг?

— Прошлое крайне непредсказуемо. Будущее однозначно. Мы не видим ничего. Мы слепы. Мы знаем. Вы нет. Агент останется. Вы уходите. Мы даём цель.

— Вы знаете про паразита?!

— Мы знаем про шаггота. Паразит — ремесло. Шаггот — творец. Творец не занимается ремеслом. Ремесло для ремесленников. Творчество — для творцов. Мы не знаем. Мы здесь. Вы там. Вы тут. Мы там.

Шаггот? Иоганн не лгал! Он действительно существует! И как только Боро угадал? Спросить бы его сейчас.

Пришлось встряхнуться, отгоняя бред, которым полнится речь эннан. Или, правильное сказать, мысль?

— Я говорю, что вы отпустите Сидеру и отдадите данные по шагготу. Мы уходим с миром. Если вы хотите получить ещё что-то, скажите.

— Мы получим агента.

— Сидера уходит с нами.

Чем бы ни окончилась борьба, Нарраин сейчас стояла неподвижно, неестественно склонившись на бок. Статуи не обращали на неё никакого внимания.

— Невозможно.

— Я взорву бомбу!

— Не имеет смысла. Существование без агента — бессмысленно. Лучше несуществование, чем существование без мысли.

— Ваш выбор.

Они читали его мысли. Стоило напрячься металлу, как вылетела игла. Но до того, как она разорвала механическую кисть, ударная волна пошла по камню. Тот мгновенно погас.

Погасли все огни. Пропала гравитация, удерживающее воздух поле лопнуло. Хорошо, что они не снимали шлемы. Оклайн внезапно оторвался в невесомости — магнитные ботинки не липли к камню. Сидера витала неподалёку, нервно дёргалась.

— Сидера! Сидера! Ты как?! Сидера! — Оклайн подлетел ближе и подхватил её. — Сидера!

— Оклайн! Приём! Вы живы?! Ответьте, чёрт побери! — раздался по радиации голос Отто.

— Жив и здоров. Насколько это возможно. Высылаю координаты, летите сюда! Сидере нужна медицинская помощь!

— Я нормально себя чувствую.

— Даже не пытайся! Сафф?

— Я не мог поймать ваши ноосферные координаты. Не имею представления, как подобное возможно. Провожу диагностику. Ваши системы в порядке, поврежден протез.

— Кисть заменим. Что с Сидерой?

— Критическое напряжение нервной системы.

— Да нормально всё! — взвизгнула она.

— По голосу не скажешь. Забирайте нас скорее, пока мы в космос не улетели!

Сделав пол-оборота, Оклайн повернулся к кристаллу. Тёмно-зелёная, больная скала потеряла признаки жизни и какой-либо активности. Остаётся надеяться, что информация внутри не пострадала. Странные эти эннан.

Вдруг по нему пробежала искра.

***

Бесконечная белизна, насколько хватает глаз. Лишь одинокая фигура нарушает её стерильную чистоту.

— Вы большой молодец, Оклайн! За такой короткий срок уничтожили две главные угрозы нашему великому плану! — Иблис хитро прищурился. — Я восхищён.

— То есть эннан в этом тоже замешаны? — отступил он.

— Да. Как это ни печально, но они слишком опасны. Теперь они не проблема. Вы уничтожили их.

— Что?

— Реакция разрушения от крупного кристалла прошла по всей их расе, полностью истребив её! — он сказал это с радостью. — Они уже никогда не помешают нам!

— Я... Я уничтожил вид? Я... провёл геноцид?

— Не стоит относиться к этому так негативно. Вы герой. Я горд, что нашёл столь способного протезе! Вы превосходите всякие ожидания!

Оклайн молча сжал губы. С одной стороны — эннан являются непредсказуемым злом, с другой — убийство целого вида из-за ничего! Лёгкой рукой. Не было ни предельной усталости, ни крайнего напряжения сил. Они словно неудачно поспорили. Неприятно, но с такими последними.

— Как вы понурились! Не отчаивайтесь! Их существование — не жизнь — мешает нам. Они крайне непредсказуемы, странны и жестоки. Ты всё сделал правильно. И крайне быстро. Я не рассчитывал на такой прогресс! Без глаз и ушей наш враг так и продолжит мирно спать, а без агентов он как без рук.

— Ты про шаггота?

— Хм... Сложный вопрос. Шаггот несколько не опасен. Как может быть врагом тот, кто не желает зла? Нет. Не он наш враг.

— Но он создал паразита! Так говорил Фауст! Так сказали эннан! Это что, по-твоему, пустой звук?!

Возникло ощущение, будто его водят за нос.

— Ты кто такой?! Ты вообще непонятно кто и звать тебя никак! Приходишь ко мне, что-то требуешь и уходишь! Это бред! Я не собираюсь тебя более слушать, проваливай, пока я не прогнал тебя сам!

— Эх, — Иблис задумчиво покачал головой. — Не буду вдаваться в размышления и разглагольствования — я люблю поговорить, но, вижу, ты человек дела. И потому скажу прямо: «Я твой создатель».

— Что? — Оклайн недоверчиво нахмурился.

— Это правда. Принимай её, как пожелаешь. Торгуйся, ненавидь, радуйся или злись. Но истину не изменить. Я спланировал, вырастил и сделал тем, кто ты есть.

— Тебя не было среди моих воспитателей.

— А разве ты помнишь те времена? — он легко усмехнулся. — Разве ты помнишь что-то до «Знамения»? Нет.

— Другие никогда не упоминали тебя.

— А разве был повод?

— Я не раз спрашивал о тебе. Почему ты бросил меня? Почему создал таким? Из-за диверсии? Почему тогда убил остальных? Они тоже могли выжить!

— Не могли.

— Почему же?!

— Потому что ты их убил.

— Что?

— Должен признать, над тобой великолепно поработали. Следов былой ярости нет и в помине. Или твоя воля достаточно сильна, чтобы сдерживать её? Когда мы встретимся лично, я обязательно разберусь! Мы вместе разберёмся.

Оклайн не верил Иблису. И всё же... Говорил он уверенно, без капли сомнений или раздумий, именно так, как говорят правду. Ещё одна беда на голову.

— Теперь понимаешь, почему я так ратую за твое выживание?! Ты не просто единственное выжившее детище, но и лучшее! Потенциал твой не раскрыт, ты даже не подозреваешь, на что способен! Но я знаю! Когда я кончу работу, то займусь этим. Ты обретёшь величайшую силу, силу полубога! Все враги падут! Или перейдут на нашу сторону.

— Ты... Ты...

— Я не даю выбора. Как я сказал, так и будет. А пока держись. Ни в ком случае не рискуй! Если погибнешь, галактику ждёт затмение и хаос. До встречи.

Белизна стала слепящей.

***

— Ай! — он зажмурился.

— Появилась реакция. Отлично. Скажите, как вас зовут.

— Сафф, я в порядке!

— Вы упали в обморок без видимой причины. Ноосферное искажение? Отравление? Пытки?

— Первое. Объясню потом.

— Сэр, вы в порядке?

— Если он в порядке, — раздалось недовольное ворчание. — То пусть прикажет

освободить меня!

Оклайн сел на кровати. Отто с четырьмя телохранителями стояли у Сидеры, привязанной к койке. Она лежала с таким выражением лица, словно попала в глупую шутку с кислым лимоном и теперь жаждала отомстить обидчику.

— Разумно.

— Вот-вот! Я абсолютно нормальная!

— Сафф, как вы поняли?

— Подключился к латам.

— Молодец, — кивнул Оклайн. — На тебя всегда можно положиться.

— Чего?! Послушай, Оклайн... Я всё понимаю! Я могу всё объяснить! Но, отпусти меня пожалуйста. Я не психически больная!

— Это мы сейчас и выясним.

Покачиваясь и тяжело вздыхая от разгорающейся мигрени, он сел у изголовья и выдворил посторонних.

— Я очень, очень жду объяснений.

— А Сафф?

— Я ему полностью доверяю. Будет арбитром.

— Ох-ох-ох... Думала, никогда не придётся, — она нервно поёжилась. — Это произошло несколько лет назад, когда я вернулась в Цитадель после полёта на Иллелейю.

— После ареста министра и многих-многих других.

— Именно. Я... Я словно через колесование прошла! Повестки, аресты, круговая порука! Это было безумие! Я сгорала ради справедливости! Все соки выжимала! И как меня вознаградили за год?! Год безупречной службы в аду! Я пришла в кабинет Варрайна...

— И он устроил тебе разнос.

— Именно! Он сказал, что «правительство Республики прислало на тебя пачку жалоб, трижды тебя просили разжаловать и отправить в суд, ещё раз хотели линчевать, если бы не я, так бы и сделали... Бла-бла-бла!»! Я плюнула на него! Старый пень!

Учитывая её характер, Оклайн бы не удивился, если бы плюнула в прямом смысле.

— После этого ты пропала на год? Тогда и познакомилась с эннан?

— Чуть раньше. Я выяснила, что они крадут людей из пограничных колоний.

Эмбар нахмурился — про это не слышал ни разу, и ни в одном докладе нет упоминаний о похищениях. Неужели информацию скрыли от Земли? Или же она все знала и ничего не предпринимала? Не наследил ли тут старый знакомый Фауст?

— Я хотела сказать Варайну. Я бы всё равно отправилась, чтобы он там не придумал. Но! Он меня так выбесил! Так выбесил! Что я ничего никому не сказала!

— И полетела одна.

— Именно! И... Я попалась. Не ожидала такого. Они поймали меня и использовали как лабораторную крысу! Ставили опыты по телепатическому управлению. Вживили несколько имплантов...

— Поэтому я не узнал их конструкцию.

— Да. Поэтому. Они как бы повышают мою податливость и живучесть, чтобы я не сдохла во время их тупых экспериментов как предыдущие!

— Эффект оказался отрицательным.

— Это я оказалась отрицательной! Я не слушала никого ранее и не собиралась слушать никого после! Послала их куда подальше! Но они настырные, не отставали! В итоге что-то

получилось.

Она бессильно обмякла, напор эмоций иссяк.

— Они хотели получить агента во внешнем мире. Хотели, чтобы я стала их глазами, ушами и руками.

— Хоть кто-то оценил твои таланты.

— А не пошли бы они лесом со своими оценками! Ты бы знал, что мне пришлось перенести! Знаешь, отчего у них такая смертность была?! Надо, блин, наркоз перед трепанацией использовать! Ох... В общем, они решили, что обработка завершена и отпустили меня. Под наблюдением. Я кое-какое время подчинялась, а потом переборола внушение и слиняла. Как раз наткнулась на одного интересного чудака, попавшего случайно в рабство.

— Не припомню, чтобы тогда за тобой следили.

— Они постоянно приглядывали за мной. Порой слишком настырно. Однако снова ловить не решались. Тупые камни... Да, ещё кое-что. Они искали человека, некоего влиятельного человека, что обладал нужными знаниями.

— Фауста.

— Я не знала, кто он. Они сами, наверное, не знали. Однако знали, что некто по контракту передал ему нужную технологию, а эннан — дефектную. Они хотели, во-первых, получить знания, а во-вторых, прекратить покушения на себя.

— Интересно, — пробормотал он.

Мозаика складывалась: некто, вероятно, шаггот, дал Иоганну технологию внушения в обмен на невмешательство, этот же некто дал дефектный вариант эннан в обмен на... что-то. Наверняка в кристалле есть информация и об этом договоре. И этот же неизвестный собирается захватить галактику с использованием паразита, управляемого телепатической связью.

Появилось крайне неприятное чувство. Подозрения. Необоснованные, но и не опровергнутые. Во время следующего разговора с Иблисом, а он, несомненно, состоится, стоит задать ему несколько неприятных вопросов.

Вот оно. Так и до паранойи недалеко. Стоит сдерживать порывы: победа близка. Чья бы она ни была.

— Эх...

— Генерал Келлер желает поговорить с вами лично, — доложил Сафф. — Перенести?

— Не надо. Я сейчас подойду.

— А как же я?!

— Полежи, успокойся, насладись моментом!

— Эй! Эй! Ты куда! — крикнула она вослед. — Я тебе ещё это припомню! Так врежу, что искры из глаз посыплются.

Ухо дёрнулось.

— Человеческое выражение? Неплохо.

— Сама научилась, — довольно заявила Наррайн.

— Молодец. Не ожидал. Продолжай в том же духе, — светло улыбнувшись, он закрыл дверь.

Отто отдал честь.

— Генерал Келлер.

— Бригадир, что произошло? Мы не фиксируем никакого движения. Что с эннан?

— Они попытались схватить нас и поплатились. Они уничтожены.

— Что? Как?! — он поглядел в сторону. — Вы уверены?

— Абсолютно.

— Что ж, Совбез доволен таким исходом. Эннан давно нам мешали.

Так вот на кого Хельмут глядел.

— С использованием технологи Фауста мы сможем вычлениить нужную для победы информацию. Я прошу разрешения пригласить учёных Варраден в помощь. Сложно представить, какой объём информации сокрыт в кристалле.

— Даю разрешение. И ещё. Как только произошёл импульс, началось это. Вы должны увидеть.

Зажглись огнём новостные каналы. В пожаре галактика встретила ужасы кошмаров, восставших из прошлого вновь. Тысячи тварей, сбросив саван покоя, ринулись в ярости в бой. Ночная благодать разверзлась криками и воем, мешающим с экстазом боль. Стая нанесла ответный удар. Удар по всему и разом. Явила миру свою силу и мощь, без страха, упрёка и жалости. Вырезая селения, кварталы и города, бегущих в панике людей, не зная усталости, не делая различий меж детьми и стариками, меж вооруженными и безоружными, меж сильными и слабыми. Сгоняли в братские могилы, рвани и жрали, выли, стенали, восславляли побоища пир.

Оклайн, открыв рот, с полминуты глядел, как на глазах умирает надежда дать бой. Это конец. Конец тому плану, что он рождал столько дней: не будет великой войны, будет великое сопротивление, а значит, пора перестроить подход.

Ситуация ухудшалась с каждой минутой. Каждый доклад пестрил списками разрушений, жертв и потерь. Стая взялась за дело всерьёз: нападению подверглись тысячи миров — не хватало войск, полиции, оружия и боеприпасов. Гражданские гибли миллионами каждый час.

Основной удар пришёлся по мидду: их и без того разобщённое государство оказалось буквально поглощено врагом. Столица молчит, регионы спешно мобилизуются. Там каждый сам за себя.

От скви нет вестей — то ли не пострадали, то ли уже все мертвы. Лидаро в шоке. Лишь Союз устоял во время явления в явь ночных кошмаров. Случилось то, что предрекал Отто: паника. Паника. Паника везде. Нападающие из теней, с визгом и воем твари до жути пугают: неподготовленные разбегаются в стороны, спасая свою шкуру, а в итоге попадают в лапы других чудищ. Подготовленных же бойцов критически не хватает.

— Какова примерная численность противника? — зажмурился Оклайн.

— Я получил данные о ста десяти миллионах четыреста восьмидесяти восьми тысячах трехстах двух нападениях за последние сорок пять минут.

— Сэр?

— Подождите, — он потер виски. — Уф-ф-ф... Освободите Сидеру. Мне нужна связь с Варайном, срочно!

Через шипение помех прорвался знакомый голос.

— Оклайн! Что происходит?! Тут сущий ад! Они кидаются со всех сторон!

— У тебя есть связь с Авентином?

— Нет, — мрачно проронил он. — От Арраса и Совета никаких вестей.

— Проклятье.

Возможно, они уже мертвы. А без решений Совета галактическую оборону не

организовать — ни у кого нет подобных полномочий. Зачем их спасали. Как бок разболелся.

— Оклайн! Оклайн! Что творится?! — на мостик вломилась Наррайн.

— Как ты сказала, полная хрень.

— Сидера, вы там в порядке?

— Да, но... Что? — она увидела кадры новостей. — О, духи, сколько их! Они же наших рвут! Мы срочно должны им помочь!

Как бы ни хотелось спасти как можно больше людей, сейчас их жизни неравноценны. Должно любой ценой спасти Совет, а если тот мертв — забрать его протоколы и передать наследникам. И делать это надо немедленно, иначе бюрократия растянёт оформление международной обороны на годы.

— Варайн, собирай всех, мы немедленно отправляемся на Авентин. Указываю точку встречи. К нам отправь научную группу. Эннан могли каким-то образом глушить ноосферу — нам необходимо такое оружие! Я оставлю тут небольшой гарнизон.

— А что сами эннан?

— Их более не существует.

— Что?

— Договориться не получилось. Варайн, я не имею права приказывать вам, но лучше, если мы будем действовать сообща.

— Понимаю, — в его голосе проскользнуло облегчение. — Выполняю.

— «Бездна», конец связи, — Эмбар скосил глаза влево. — Сафф, мы вылетаем!

Совбез молча одобрил действия Оклайна — они поднимают оборону на границе, высылают помощь на Альфагемон, где линейные армии оказались под диким напором уродливых ужасов. Древние протоколы проложили маршрут — мидду появились на противоположной, относительно ядра, стороне Млечного пути. Пролететь напрямую невозможно, потому создан обходной маршрут, вместе с Трансгалактиком охватывающий три четверти диска. Прерывают кольцо несколько тысяч световых лет тёмного космоса, где нет никакой жизни, а каждый мир — выжженная стеклянная пустошь.

Однако какая разница, куда лететь, если флот пойдёт через межгалактическую пустоту? «Бездна» повела ударную группу вперёд, к крайнему миру мидду, от которого по их сети можно добраться до самого Авентина. По крайней мере, раньше можно было.

14. В ад и обратно

Самочувствие настолько поганое, что лекарства не помогают. Оклайн провалялся в постели несколько часов, мучаясь бессонницей и нудной, тупой мигренью. Он беспрестанно ёрзал, ворочался и постанывал, накрывался подушками, сжимал виски и тёр сухие глаза. Суставы ломало, тело ныло. Ни секунды покоя!

Ни капли не отдохнувший, мятый и обозлённый Эмбар из-за спин наблюдал за встречей командиров: как-никак, официально он оставался лишь младшим помощником Келлера, который и занимался управлением.

Сейчас они втроём: командующий Белых щитов Ораракс, Варайн и Хельмут — собрались на флагмане. Аррас и Совет успели спастись, однако и Хунта, и Авентин потеряны. Ур ругался на нерадивых подчинённых, что даже не пытались отстоять планету — сбежали при первой же опасности! Недостойно для рыцарей.

Однако ситуация куда хуже простой трусости. Мидду разделились. Уже навсегда. Без сильной руки восстановить единство нации не получится никогда, вероятность их полного вымирания, которое и так стремительно шло, достигла 56, 7 %. Разумеется, информацию утаили. Но только дурак не понимал, что от таких потерь не оправляются.

Они теряли время. Потеря верховной власти лишила лояльные войска тыла. Сейчас они занимают всего один сектор вокруг врат Альфагемона с одной-единственной метрополией. Её пустотные верфи не способны не то, что подготовить армаду, они даже тот флот, что сейчас на орбите, полностью обслужить не способны! Нужно вернуть Авентин и его пустотные станции. Нужно вернуть плацдарм. Во что бы то ни стало.

Незрячими глазами заглядывал в экраны, рассматривал голограммы, глухими ушами слушал перепалку командиров. Не чувствуя ног, бродил в яме вокруг голографического стола. Сопоставлял. Обдумывал. Анализировал. Всегда есть выход. Лучший выход. Лучший для кого? Как всё тяжело. Как они допустили такое?

— Орбитальная оборона Авентина питается от буровых галерей, — начал Оклайн.

Все резко притихли.

— Уничтожив их, мы обесточим станции и захватим их с минимумом потерь.

— Но, — Ораракс запнулся. — Без них энергия недр вырвется на поверхность! Авентин затопит лава!

— Да. Так и есть.

— Вы хотите уничтожить наш родной мир?! Вы с ума сошли.

— Я не вижу иного варианта вернуть систему. Прямой штурм не потянуть — не соберём столько сил. А если соберём, оно не стоит того.

— Оборона управляется картой министра обороны! — возразил Варайн. — Мы могли воспользоваться ей!

— Мы даже не знаем, жив ли министр. А если умер, то где. Поиск протокола займёт неопределённо много времени. Действовать нужно сейчас же. Другого варианта нет. Я не обнаружил такового.

Повисла напряжённая тишина. Во второй раз он приговаривает родной мир к казни. Теперь уже не свой. Разве есть в том хоть что-то достойное? Нет. Ничего. Лишь отчаяние и нужда.

— Я заложу бомбу антиматерии в центральную шахту в столице. После мы отключим

стабилизаторы галерей. Когда произойдёт взрыв, магма затопит их и уничтожит геотермальные генераторы. Батарей надолго не хватит и тогда... Тогда планета станет нашей.

— Но... Но это ... Там ведь могут быть наши братья! Не все же поддались паразиту!

— Не все. Может быть. Я не могу их спасти. Никак. Только если они выберутся из городов в пустыни, тогда появится шанс, что их подберут. Но откуда мы знаем, есть ли среди них одурманенные? Неоткуда.

— Мы всегда останемся верны нашему дому, нашему народу и нашему государству.

Оклайн поднял удивлённый взгляд на Ораакса. На их синих доспехах нанесены широкие белые линии, а на груди — тот самый щит. На самом деле, то не украшение, а мишени. Белые щиты — политзаключённые, те, кто не захотел жить в рушащемся под своей неповоротливостью обществе, кто захотел изменить его к лучшему. Своеобразный штрафной полк, который остался верен Хунте. Единственный, который остался верен. Какая ирония судьбы!

— Я вас понимаю. Но когда-нибудь, когда пепел войны осядет, мы восстановим ваш мир. Вместе. Клянусь. Тот день настанет. Может, не через год, и даже не через десятилетие. Но настанет. Чему быть, того не миновать.

Ур и Ораакс обречённо переглянулись. Выбор сделан.

— Хорошо. Мы принимаем твой план.

Келлер легко кивнул. Его муки чужаков трогали мало, а вот сохранение войск — более чем.

— Я пойду, — заявил Варайн. — Я знаю наши системы защиты, кое-что мы обойдём.

— Значит, вчетвером. Поднимаемся на борт. Не будем терять времени.

***

«Бездна» покинула базу флотилии и на всех парах устремилась во тьму. Оклайн ощущал себя всё хуже, потому принял ударную дозу снотворного и рухнул в постель. Его тошнило — не стоило пить лекарства на пустой желудок. Однако еда вызывала отвращение. Когда он ел в последний раз? Не важно. Спать. Спать...

Очнулся внезапно, лёжа на животе. Боль прошла. Несколько раз глубоко вдохнув, Эмбарсел и огляделся. Мир вокруг потерял краски. Стал серым и бесцветным, с тёмными, широкими тенями.

— Сафф?.. — прошептал он.

В ответ тишина. Тут никого нет.

Оклайн встал и выглянул в мрачный коридор. Из-за соседней двери раздалось церковное хоровое пение. Молитва? Как её слышно, переборки ведь звуконепроницаемые? Идя дальше, он слышал обрывки фраз:

— Какой у вас необычный акцент. Я такого никогда ранее не слышала...

— Выпьём же за человечество...

— Чаю?..

Все голоса знакомы, однако Оклайн никак не мог вспомнить, кому они принадлежат. Потому что никогда не видел их обладателей. И не знал их никогда.

— Когда меня наконец направят...

— Разве это не мечта...

Неведомая сила звала его на мостик. Там никого. Хотя, нет. Кто-то сидел в кресле пилота. Играл голограммами. Прокладывал маршрут. Широкая спинка полностью его

скрывала.

Крадясь, Оклайн подобрался как можно ближе. Как вдруг кресло развернулось. В нём сидел он сам. Точнее то, что от него осталось. Обгоревший, обугленный скафандр, мятый металл и кровь из каждой щели. Один из окуляров пробит, оттуда вытекала алая струйка.

Чёрная от гари железная рука схватила хваткой мертвеца.

— Убей меня! — просипел Оклайн. — Молю, убей!

— Нет!

***

Мерный ритм часов. Едва слышное гудение. Лёгкая дрожь порой. Оклайн, неровно дыша, растянулся на кровати.

— Что случилось?

— Приснился кошмар.

— Не обнаружил никаких аномалий. Вы уверены?

— Нет.

Оклайн чувствовал себя... выспавшимся. Ломанным, мятым, но... бодрым, готовым идти дальше. словно тяжёлая цепь спала с шеи. Что это было? Оно прошло без следа, растаяло в памяти. Эхо будущего. Капель. О таком он никогда не слышал. А может быть, это просто бред разгорячённого сознания? Какой урон оно ещё способно вынести, прежде, чем треснуть?

— Мы приближаемся к Авентину.

— Это же сколько я проспал?!

— Почти четырнадцать часов.

— Ох, — он почесал затылок. — Собирай отряд на мостике, обсудим наш план!

Пригладив взъерошенные перья, позавтракав гелем и одевшись с иголки, Оклайн поднялся на мостик своего великолепного пустохода. Там, вокруг голографического стола, сгрудилась тройка героев: Сидера, Варрайн и Отто. Готовые на всё, смирившиеся и верные. Им предстоит жуткое испытание, прыжок в неизведанное. Действия на вражеской территории. Впервые, с начала конфликта. Что их ждёт? И ждёт ли?

— Итак, вы знаете нашу цель, — обвел их взглядом Оклайн. — Это центральная шахта буровых галерей. Оттуда мы попадём в подземный командный центр и к выходу шахт-охладителей. Варрайн и Сидера отключат стабилизаторы, мы с Отто отправим вниз заряд антиматерии.

Его взяли с «Меча мира». Небольшой цилиндр, лёгкий и прочный, совсем не походящий на бомбу, равную по силе ионной пушке. И, тем не менее, внутри неё сокрыта мощь отрицательной материи, удерживаемой магнитными полями. Редкая вещь. Опасная вещь.

— Я высаживаюсь на своём истребителе на верхушке планетарной цитадели, — Эмбар вывел голограмму. — Вот здесь. В том же месте, откуда нас забирали в прошлый раз. Так как о нашем присутствии врагу неизвестно, я смогу тайно проникнуть в центр управления, избежав погружения цитадели.

— Не лучше ли нам отправится вдвоём? Вместе веселее.

— Нет.

Стук когтей о край стола отсчитывал секунды думы. Протоколы предсказания говорили лишь о плохом. Вероятность гибели достигла критических пятидесяти восьми процентов — чем раньше они узнают об опасности и сбегут, тем целее будут. Маскировка органа Лаккерсона близка к абсолюту, но на окружающих она не распространяется. Жаль, скольких

можно было бы спасти...

— Я принял решение, предусмотрел четыреста три исполнимых варианта и выбрал наилучший на текущий момент. Если получим дополнительные данные, решение будет пересмотрено. А пока оно в силе. Прошу, я, — он прервался, — я ищу лучший путь. Всегда.

— Понимаю. Продолжай.

— Из рубки открываются двери шахты. Вы высадитесь у бокового хода, я присоединюсь как можно скорее. Вместе пройдем к лифтам и спустимся на нижний уровень. Там два этапа. Первый: Варайн и Сафф взламывают управление, отключают стабилизацию и открывают буровой колодец. В этот момент комплекс начнет медленно рушиться, сохранять осторожность! Второй: я через колодец отправляю бомбу вниз, к тектонической кузне. Взрыв удаленный, однако в случае критического повреждения корпуса произойдет немедленно. Мы рискуем погибнуть в полном составе.

— От такой потери наши войска не оправятся, — печально заявил Варайн.

— Именно. Поэтому самоотверженность не приветствуется. Отто, вы резерв. Если в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств я не смогу взвести бомбу, вы сделаете это. Варайн, хоть мы и союзники, но, надеюсь, понимаете, что я не могу вручить вам коды управления оружием такой мощи.

— Понимаю. Милость Совбеза велика, но и она имеет свои пределы.

— Именно, — подытожил Оклайн. — Сидера — ты прикрытие. Мы не знаем, что там встретим. Если придется пробиваться со штурмом...

— Я в первых рядах!

— Атакуем по схеме «Дельта». Разбиваемся по парам ведущий-ведомый: Сидера-я, Варайн-Отто. Взять как можно больше взрывчатки, гранат и, обязательно, оружие ближнего боя. Всё ясно? — Эмбар оглядел соратников, а потом голограмму. — Великолепно. Десантирование через полтора часа. Разойтись!

Они не стали терять времени. Пока Оклайн проводил «Бездну» меж пустотных линий обороны и дальних сканеров, остальные копались в арсенале, подбирая подходящий набор.

Через полчаса корвет вышел на высокую орбиту. Вот он, Авентин. Второй родной мир, который Оклайн увидел в своей жизни. Третий, если считать, что Старая и Новая Земля — разные места. А так и есть. Планета эта, надо сказать, весьма суровая мать: холодная, с огромными полярными шапками, в которых сосредоточена большая часть воды с поверхности, с повышенной гравитацией, солёными песками и небольшими морями. Пустыни тут тянутся от полюса до полюса, и нередки пасмурные дни, когда барханы покрывает тонкий свежий снег. Лишь экватор и субтропики более-менее пригодны для земледелия, и именно на них сосредоточена большая часть цивилизации мидду.

Ещё недавно тут жили двенадцать миллиардов душ, ныне же на ночной стороне нет ни одного огня. Сигналы с поверхности не поступают. В эфире мёртвая тишина. Что случилось?

— Не ожидал, что увижу свой мир таким, — неровно произнёс Варайн из-за спины.

— Вы ведь отсюда родом, не так ли?

— Именно. Тут у меня вся родня: родители, младшие брат и сестра, а ещё дед.

— Слышал, некоторые успели сбежать. Может, вашим повезло?

— Надеюсь. Хотя... Первой целью стало правительство, мой отец — зам министра безопасности, а мать — там же пресс-секретарь. Вряд ли их пощадили.

— И всё же нельзя их хоронить!

— Всё ещё верите в чудо?

— Я не верю, — дёрнул головой Оклайн, — я знаю.

— Порой я вам завидую. Вы прошли через такое, но не даёте печали и злобе прорости в душе. Вы герой.

— Ха! Героями становятся после смерти.

— Тогда вы живая легенда.

Эмбар невольно улыбнулся. Рад, что ответственность за уничтожение мира взял на себя другой. Но такова ноша вперёдсмотрящего — пока остальные копошатся, он зорко бдит и планирует маршрут. Остальные не обязаны понимать его, но обязаны внимать его командам.

— Вот когда повешу на стену голову местной гидры, тогда и будете величать меня как пожелаете. А пока я комбриг и ваш неофициальный начальник. Сафф?

— Слушаю?

— Веди нас на снижение. Сделаем один оборот. Пора собрать праздничный набор.

Помещение, гордо называемое «арсеналом», хранило в себе всё: от торпед до ножей. На корвете попросту не хватало места для нескольких отдельных комнат. Сидера на столе разложила настоящий пакет разрушителя.

— Тринадцать гранат, — пересчитала она. — Пять ножей, плюс три метательных, плюс тычковый. Есть. Десять обойм. Есть. Две противопехотные. Есть. Три хлопушки. Две аптечки. Запасная рация. Дробовик. Пистолет. Раз. Два. Пистолет-пулемёт. Два клинка. Три звуковые бомбы. Всё на месте!

— Сколько это весит? — Отто неуверенно оглядел снаряжение. — И куда ты его запихнёшь?

— Профессиональный секрет, — хитро улыбнулась она в ответ.

— Использует юбку и несколько поясов, а также неопределённо много карманов, — пожал плечами Оклайн.

— А что не так? Берём по-максимуму!

— Покажи ему, — кивнул Эмбар.

— А тебе?

— Я и так всё уже знаю.

— Ах, ты! — усмехнулась она.

Латы состояли из двух частей — ноги с каркасом и ламинарный доспех со шлемом. Они прочно соединялись по изогнутой линии, проходящей под кирасой, потому попасть по сочленению невозможно. Генератор висел за спиной, прямо над ранцем, чтобы в случае опасности его немедленно сбросить. Под плитами из нанокерамики находятся искусственные мышцы, многократно усиливающие владельца, компьютеры и запасы питания, воды и воздуха на три дня. В случае нужды они пополняются без снятия скафандра, там что теоретически срок нахождения в нём не ограничен.

Для наведения и обзора имеются камеры на левом плече, виске, затылке и в каждом окуляре. Они обеспечивали полный вид в обычном, ночном, инфракрасном, ультрафиолетовом и длинноволновом рентгеновском виде. Однако в современном бою одних глаз мало — перчатки оборудованы усовершенствованными тактильными датчиками, а уши усилены для эхолокации.

Но то — для удобства, а вот ноги усиленные — по нужде. На самом деле, многие жаждут получить латы именно из-за штанов. Мало того, что они имеют развитый экзоскелет, чтобы таскать вес не только самой брони, но и трёх-четырёх центнеров сверху, так ещё и защищают от противопехотных мин. По крайней мере, значительно снижают шанс

того, что во время детонации оторвёт конечность по колено. Палец... Палец может. Больно, но не смертельно.

Оклайн взял куда меньше, но куда специфичнее. К стандартному офицерскому снаряжению добавил немного взрывотехники. Пусть он не является сапёром, кое-какие знания всё же имеет. Однако Эмбар никогда не перегружался, а сейчас даже оставил часть припасов, поскольку потащит боеголовку.

«Бездна» вышла на геостационарную орбиту. Древний, переделанный под уникальную физиологию, истребитель, словно летучая мышь, спикировал вниз. Хотя положение цели известно до метра, найти её в крошечной ночной мгле оказалось непросто. Тенью выступал шпиль цитадели над тёмным городом: его идеально прямые улицы не носили имён, не было ни памятников, ни украшений. Строго функциональный, дешёвый стиль мидду обеспечивал самый минимум потребностей горожан, однако на большее их неумелая плановая экономика не претендовала.

Посреди подобия машинной платы раскинулась крепостная площадь. Все ворота по окраине закрыты. Застыли на путях поезда. Датчики не фиксировали движения. Куда же все подевались?! Неужели жители уже мертвы?! Так быстро?! Каких же масштабов резня была? Или они все уже были одурманены? Хм... Стоит быть осторожнее. Кто знает, насколько глубоко проникли предатели?

Сделав заметку на подкорке, Оклайн бесшумно повернул летуна к верхней галерее. Рея на потоках восходящего воздуха, ширококрылая машина зависла перед ограждением. Ни патруля, ни защиты. Странно. Неужели они настолько уверены в своей победе?

Открыв дверь кабины, проскользнул за антенну и притаился. Истребитель пропал. Так казалось, настолько совершенна его активная маскировка.

Тут всё так же, как на Альфагемоне. Те же замки. Те же двери. Разве что ощущения иные, и не только из-за собственной тяжести. Внутри бастиона гулкие пустые коридоры. Кое-где следы бойни: обрызганные кровью стены, валяющиеся тут и там автоматы. Трупов нет. Судя по следам на полу, их выволокли прочь.

Тяжёлая дверь рубки распахнута. Оклайн замер. Кто-то стоял спиной к нему, глядя на мерцающие панели. Гуль? Не похож. Наверное, один из предателей, ведь если одурманенные умело пользуются оружием, что мешает некоторым из них сохранить тактическое мышление? Как бы то ни было, никакого беспокойства между не высказал, неверное, не заметил.

Сеть под напряжением, компьютеры активны и гудят вхолостую. Всякая защита снята. Либо её взломали, либо кто-то с высоким уровнем доступа подключился к той же линии кристаллов. А это может быть только неизвестный. Если открыть двери, он тут же заметит. Проклятье! Нужно устранить его. Не вызовет ли это реакции? Паразит настолько объёмен, что, наверное, даже не заметит потери. Быстро и тихо.

В тот самый миг, когда до цели осталось буквально десять шагов, она вдруг заговорила: — Я оказался прав, — обернулся одурманенный. — Пусть и частично.

Скрываться бесполезно. Бить или бежать.

Три пули прошли тело и голову чужака. Но тому это нисколько не помешало опрокинуть навзничь Оклайна и выхватить клинок.

— Не знаю, кто ты, чужак. Но посмотрим, насколько ты хорош, раз посмел, — его прервала разрывная, оторвавшая половину головы. — Кхе-кхе...

Чудище ринулось вперёд, не обращая внимания на выстрелы. Один из них выбил

клинок. Смерть монстра оказалась небыстрой — пришлось разрубить его на несколько кусков, чтобы он наконец притих. В инфракрасном свете виделась голова мидду, но с одним отличием — у неё имелись глаза на затылке и висках.

— Вот это урод, — прокомментировал по дальней связи Варайн. — Посмотри, кто он.

На груди имелась запачканная планка: «Эммар Варайн».

— Мой... Мой отец? Что с ним стало? Я не узнаю его.

Оклайн окинул взглядом разорванное тело и поднялся к центральному компьютеру. На похороны нет времени: пока его не заметили. Или делают вид, что не заметили.

На главный экран выведена короткая дорожка:

— Ур, это посвящено тебе, — начала запись совсем иным голосом, — если ты слышишь это, значит, я уже мёртв. Ты убил меня или кто-то другой — не важно. Знай просто, что я не считаю тебя позором нашей семьи. Да, твоя служба не удалась, но ты стал магистром Варраден! Кто бы мог подумать? Поздравляю с повышением, сын. Жаль, при жизни я так и не успел это сказать.

Под конец звуки стали нечёткими, рвущимися с картавостью и шипением, а потом резко оборвались.

— Отец, неужели ты поддался?

— Наверняка не было выбора. Одурманивание не спрашивает, хотим мы его или нет, — отрезал Оклайн. — Открываю ворота, готовьтесь к высадке.

Отсюда хорошо виден сам комплекс: кое-какие аварийные огни его ещё горели. Когда двери распахнулись, изнутри хлынул холодный синий свет, словно меч, пронзающий мрак, видимый и с вершины цитадели. Когда Оклайн собирался было уходить, Сафф затормозил его:

— Данный объект уникален, — начал он. — Необходимо просканировать.

— Вылетаем, — доложил Отто. — Бомба при нас.

— Принял. Сафф, что именно тебе нужно?

— Проведите УЗИ, чем больше, тем лучше.

Достав тубус, Оклайн быстро провёл им по останкам и побежал прочь. Наука наукой, а время не ждёт. Прицепившись под фюзеляж истребителя к бомбодержателю, он спланировал прямо над точкой высадки. С неровным гулом упёршись в металл лесов, спустился ниже по лестницам, где его уже поджидала остальная группа.

Они сливались с серостью бетона, словно призраки. Впереди бункер.

Отто передал заряд — полуметровый цилиндр с ручкой. Повесив его за спину, Эмбар пошёл за Сидерой.

Толстые бронированные стены и двери на случай бомбёжки. Многочисленные чёрные трубы переплетались паутиной под решётками. Запутанный лабиринт изгибов, тоннелей и технических лазов. Кабели ползут по полу и стенам. Иногда раздаётся шипение, когда раскалённый пар достигает предельного давления.

Нет ни души. Стоят пустые консоли. Валяются ремонтные наборы. Нет и следов сопротивления, будто все просто взяли и ушли.

Группа проходила через пустые залы, дышащие жаром недр, как наитие предупредило: за ними следят. Оглядевшись, Эмбар никого не заметил. Камеры? Нет, они отключены. Здесь есть кто-то. И этот кто-то сильно интересуется пришельцами.

— Нас нашли, — доложил он.

— Кто?

— Не вижу. У меня то же чувство, чтобы было во время нападения охотника. Помнишь, Сидера?

— Такое не забудешь. Думаешь, тут такой же?

— Да. Они твари живучие. Сафф?

— Нет теорий.

— Что будем делать?

— Идём дальше, глядим в оба и не шумим.

Без происшествий отряд добрался до лифта. Весь путь не покидало ощущение слезки, однако, кто бы ни был таинственный наблюдатель, на глаза он не выходил. Прятался в тенях, в переплетении труб и вентиляции. Ждал. Или наслаждался?

Они вышли на платформу. Варайн ударил по кнопке. Щёлкнули тормоза. Лифт поехал вниз. Сначала медленно, а потом всё скорей и скорей! Огни, медленно проплывающие поначалу, сверкали очередями. Этажи, написанные на трубах, мелькали один за одним. Двадцать минут они неслись, пока не началось медленное торможение. Движения стали упругими и резвыми, словно при пониженной гравитации — шахта настолько глубока, что на обычном лифте спуск в неё занял бы несколько часов.

Наконец машина встала. Доносился далёкий рокот, гудение и шипение, словно из жерла вулкана. Воздух стал горячим, спёртым и плотным: знаки предупреждали о химической опасности. Если снять шлем, можно запросто сжечь лёгкие — настолько велик снаружи жар.

Врата шлюза распахнулись. Галереи — чудо инженерной мысли. Обитаемый сектор напоминал огромный каньон на нижней границе коры. По чёрным базальтовым стенам бегали отблески кипящей внизу лавы. По стокам она разливалась в чаши, застывала и исследовалась, чтобы узнать, есть ли ещё полезные металлы в сердце планеты.

Идя по каменному балкону без ограды, проходя мимо труб, вырывающихся прямо из скалы, мимо кабелей и брошенной техники, отряд добрался до центра управления. Всё это время Оклайн присматривался к каждой тени: чужой взгляд крался следом, не отставая ни шаг.

— Что такое? — спросила Сидера.

— Вон та шахта нам нужна, — указал Эмбар на выдолбленную нишу. — Там подъёмник.

— Разделимся? — предложил Варайн.

— Нет. Тут противник. Продолжаем движение.

Из-за задержек потеряются несколько драгоценных минут, однако вряд ли вулкан успеет извергнуться за это время. Вряд ли.

Консоли управления располагались в рубке на втором этаже. Здание оказалось ничем не примечательным — снаружи оно казалось куда крупнее, чем есть на самом деле. Толстые стены и множество газоотводов занимали огромный объём, оставляя на коридоры и залы совсем мало места.

Пока Оклайн проходил вдоль окон, Варайн включил питание и приступил к взлому. С Саффом они справились за пятнадцать минут, не без фокусов с прямым подключением — современные системы защиты настолько совершенны, что со стороны проникнуть в них практически невозможно, а физический доступ преграждают живые стражи.

Как бы то ни было, команда справилась. Раздался тихий гул, земля вздрогнула.

— Ожидается землетрясение в десять магнитуд, — сообщил Сафф.

— Сколько?

— Приблизительно сорок минут до достижения минимального давления.

— Чёрт! Вперёд! Закладываем и сматываемся!

Когда они выбежали наружу, щебень подпрыгивал на сильных толчках. Зажглись бесшумно аварийные огни. Удары прерывали дыхание. Развернув заряд на платформе, Эмбар ввёл код доступа. Сверху посыпались камешки. Базальт крошился.

— Противник! — выкрикнула Наррайн.

Оклайн потратил секунду, чтобы оглянуться. Огромный охотник, метров восемь в длину, преспокойно сел на камень и показательно облизывал огромные когти, усердно работая мандибулами.

Бомба пикнула — взвод! Эмбар ударил по кнопке, отправляя её вниз, как тварь дёрнулась.

— Граната!

Непринуждённым взмахом хвоста чудище отбило заряд обратно. Тот рванул облаком пламени прямо перед их носами.

— Немедленно! Уходим!

— Где оно?!

— Не вижу.

— Я тоже.

— Где-то рядом, не задерживаемся!

Они поспешили обратно. Внезапно тень выпрыгнула из-за склона. В последний миг Варайн отшатнулся, сохранив голову на плечах. Отто дал залп — пули отскакивали от живой лорики.

От удара хвоста Оклайн откатился к машине. Питание есть! Запустив бульдозер, направил его на охотника. Тот среагировал в последний момент, попытался запрыгнуть, но был сбит и рухнул в пропасть.

— Бегом!

— А если выжил?

— Всё равно умрёт! Живо!

Они влетели в лифт. Тот начал неспешный разгон. Тряска становилась всё сильнее. К белому свету ламп примешалась алая сигнализация. Завыла сирена: общая эвакуация!

— А эта штука не может ехать быстрее?! — нервно огляделась Сидера.

— Сейчас! — Оклайн открыл панель и изменил программу. — Получилось! Держитесь!

От приданного ускорения их вдавило в пол. Кишки опустились, кровь отлила от головы. Сверху падали заклёпки и куски арматуры. Шахта рушилась, когда земные плиты сдвигались от накопленной внутри энергии. Колоссальный вес города сверху вынуждал их прогибаться и ломаться, что делало их ещё более нестабильными.

Торможение.

— Сафф, готов забрать нас?

— Абсолютно. Жду у ворот ангара.

— Враг?

— Не обнаружено.

— Чёрт!

Странное чувство не покидало. Оно рядом. Оно где-то...

Он посмотрел под ноги.

— Охотник на нижней стороне платформы!

— Что?! Оно поднимается с нами?!

— Ага! Только теперь злое!

— План?

— Бежать!

Взятая скорость слишком велика. Не успев затормозить, лифт вылетел с рельс. Сидера едва не провалилась вниз, в образовавшуюся щель. Платформа опасно накренилась и заскрипела.

— Вперёд! Вперёд!

Толчки буквально сбивали с ног. Сирена хрипла в панике. Повсюду горели огни. Трубы лопались. Клубился раскалённый пар. Двери закрывались за спинами — ядовитые газы поднялись из глубин.

Оклайн нёсся позади. Нёсся изо всех сил. Внезапно подвесная галерея перед ним обломилась. Не успев остановиться, рухнул на спину, зацепился за решётку.

Та затрещала и рухнула вниз. В последнюю секунду он увернулся от упавшей балки, пробившей пол. Чёрт! Чёрт! Чёрт! Новый маршрут, срочно!

— Оклайн, ты жив?!

— Бегите!

— Сейчас взорвём переборку!

— Бегите, глупцы!

Бетон стен пошёл трещинами. Клёпки пулями вылетали из гнезд. Визжал металл. Внезапно к нему примешался иной вопль. Охотник вылез из дыры в центре зала. Только его не хватало!

Выхватив хлопушку, Эмбар выстрелил ракетой. Молниеносно изогнувшись, тварь позволила заряду выбить искры из чешуи и взорваться позади. Пар белой волной откинул назад.

Оклайн вскочил и побежал. Лампы лопались. Полы проваливались. Гул становился всё настойчивее. Утробнее. А он бежал. Сердце колотилось в груди. Лёгкие рвались наружу, горели. А он бежал, бежал! А позади гнался с воем кошмар.

Спасительная переборка. Он рванул...

Завыл от боли, когда острый коготь вонзился в левое колено.

— А-а-а-а!

Охотник дёрнул его, потянул назад. Пальцы вцепились в нити сети, рвали их под напором. Плоть адски горела. Каждое движение раскалённым железом проходило по всей ноге. Оклайн выл от боли. Выл! Здоровой ногой упёрся в полузакрытую створку. Чувствовал, как неистовая сила раздвигала её, тянулась к жертве!

Жвала вцепилась в правую пятку. Принялись жевать её, рвать. Рвать. Рвать! Но он продолжал упорно упираться. Уже ничего не видел — взор застила кровавая пелена. Не слышал ничего, кроме собственного крика и стога, да завываний твари позади. Она не сдавалась!

Внезапно, словно ангел-хранитель, мимо мелькнула Сидера. Охотник взвыл, задёргался. Зазубренный коготь застрял в ноге и адски её дергал. Оклайн едва сохранял сознание от невыносимой боли.

— Отсеки её! Отсеки лапу!

Тряска прекратилась. Отчаянный вопль, щелчок замкнувшихся дверей.

— Быстрее! Тащим его! — возник рядом Либершафт.

— Его ноги, о, духи!

— Живо! Живо! Живо! — подгонял Отто.

Дикие дозы обезболивающих не помогали! Какие муки!

— Умоляю! — прохрипел он. — Я не могу это терпеть!

— Держись! Чуть-чуть осталось!

Сафф его слышал. Ударная доза снотворного сделала своё. Мир расплывался. Голоса удалялись куда-то вдаль. Пока совсем не утихли.

***

Собственное нервное сопение скрипело в ушах, смешиваясь с безумным ритмом пульса. Веки отекали, не позволяя открыть глаза полностью. Жемчужная белизна.

— Я... жив? — прошептал он.

— Едва, — ответил Иблис, в его голосе чувствовалось волнение. — Тебя выволокли в последний момент.

— Ох...

— Зачем ты туда полез! — внезапно вспыхнул яростью Абхам. — Зачем?!

— Заткнись, а? По-дружески.

— Мой план почти завершён. Тебе уготована роль его пика, а вместо этого пытаешься сдохнуть уже в который раз! Если бы я не вмешался в последний момент, ты был бы уже холоден, как лёд! Уф-ф-ф-ф... — со злобой выпустил он воздух. — Я надеялся на твоё благоразумие, но, похоже, придётся взять дело в свои руки!

— Разве ты его выпускал? Хватит нести чушь. Ты же все затеял. Ты прикрылся детской страшилкой. Ты создал паразита. Или нашёл. Не важно. Ты же его распространил. Нет никакого врага.

— Он дремлет. Пока.

— Это твой враг. Не мой. Ты мой враг.

— Вот как? Восстаёшь против своего творца?! Ха! И много ли ты сделаешь?

— Не знаю. Но ты — преступник!

— Враг угрожает существованию всей жизни! Всей! И моей, и твоей!

— Это объяснение. Не оправдание. Почему не пойти миром?

— Потому что мне не нравится этот порядок. Эти... создания — они уродливы. Ты понимаешь? Нет. Ты не понимаешь. С одной стороны, ты почти совершенство, к которому я так долго стремился, с другой, ущербен до уровня ничтожества.

Оклайн заскрежетал зубами.

— Изыди, тварь! Не хочу тебя слышать и видеть!

— Хах! Кто бы сомневался. Ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю. О, да! Но, когда мы увидимся в следующий раз, не рассчитывай на милость.

— Тебя это тоже касается.

— Кусаешь руку, что тебя вырастила и лелеяла?

— Нет, загоняю в клетку зверя.

— Посмотрим, что ты противопоставишь богу. Игры кончились. Скоро ты предстанешь предо мной и исполнишь свой последний долг. Добровольно или нет — не важно. Я не даю выбора.

— Тогда зачем так много болтаешь?

Оклайн ощутил прикосновение чужого разума. Он был... склизкий, маслянистый и чёрный, он, словно слизень, поползал на него. Пытался залезть в голову. Слабость во всех

членах не позволяла скинуть это... Нечто. И тогда Эмбар предельным усилием воли оборвал связь. Последний резерв иссяк, Эмбар погрузился в долгое, безопасное небытие.

15. Бред разума

Кто-то провёл рукой по голове. Нежно. Далеко. Оклайн едва чувствовал прикосновение. — Холодно, — прошептал он. — Холодно.

Тишина. Поглаживания продолжались ещё несколько минут, а потом пропали. Что случилось? Какая обстановка? Захватили ли верфи? Собственная судьба Эмбара не беспокоила — он наконец прозрел: путь его навеки связан с теми, кого он поклялся вести, кто пошёл за ним и кого он поклялся защищать. От сего дня и до последнего вдоха. Каков бы ни был их путь, они пройдут его вместе.

Какой в нём смысл? Пустая оболочка. Особь, рождённая в результате безумного эксперимента. Потерявший и мечту, и любовь, но не забывший предназначение. Да, он один. И внутри у него пустота. Он лицезреет её сейчас. Безликую. Бесконечную. Но он не сдастся просто так! Отбросив надежду, отбросив фантомы и идеи, все то, что мешает последней цели, последнему приказу, выжженному в душе, — помочь тем, у кого есть будущее. Тем, кто его окружает. Принять их. Поддержать. Если его самого не спасти, это не значит, что он не может спасти остальных! Ум при нём, знания при нём!

А потом снова пришла рука. На этот раз с далёким голосом. Слов не различить. Но они звали его, благодарили, шептали. Отодвигали отчаяние. Неужели ещё не всё кончено? И есть шанс! Не сейчас, но в будущем? «Нет», — сказал анализ, — «Такого варианта нет». И всё же?! Не машина же он?! Имеет право на своё мнение!

Потом она ушла. Снова настала тишина. Оклайн потерялся. Заблудился в своих мыслях. Казалось бы, за что ему цепляться? Ничего не осталось, кроме идеи. Служению ей обязан себя посвятить полностью и без компромиссов. Но, оставшаяся без материальной подпитки часть души не хотела уходить. Настойчиво требовала выслушать её, поискать компромисс, не отказываться от себя. Обещала в будущем наслаждения и счастье, а ныне давала скорбь, боль и зависть. Стоит ли оно того?

Каждый миг промедления отзывался страданиями.

Вопросы! Вопросы! Радикализм или умеренность? Разум или чувства? Сейчас как никогда нужна решительность, а Оклайн замер, страшась сделать шаг. Отсюда нет пути назад. Собственное сознание загнало его в западню. Оно не хочет откладывать выбор на потом. Ответ нужен немедленно.

В третий раз пришла рука. В третий раз она прошлась по больной голове. Утешая его. По-человечески, по-доброму.

Когда в последний раз он думал о добре? Не о благе, а о добре? Наверное, никогда. Остатки уцепились за эту мысль, потребовали объяснений. Будет ли человеческим тот, кто посвятил себя служению, отбросив собственные эмоции? Будет ли он тем, кто по-настоящему защищает и принимает справедливые решения, или тем, кто думает так?

А это важно. Очень важно. Противоположность возразило: «Логика»! И? Ничего. Диктатура разума не панацея, в той же степени, в какой и власть чувств. Обе половины заслуживают права на жизнь. Обе правы. Они часть его сознания, неоднородного, но единого. Значит, и не нужно ничего выбирать!

«Логично», — кивнул разум.

«Именно так!» — воскликнула кровь. — «Именно так!»

Бурление успокоилось. Единство сохранено. Как бы ни было сильно отчаяние, нельзя

ему поддаваться! Он справится. Выстоит. Стоял раньше, будет стоять и дальше. Словно бы фонарь на ветру, сохраняющий крохотный огонёк внутри себя. Его раскачивает, кидает в стороны, а он всё не гаснет и не гаснет. И, быть может, укажет кому-нибудь путь.

На этом Оклайн успокоился. Не стал ничего отрицать, вырезать и терзать. Смирился с тем, какой есть. Продолжил путь через мрак, держа небольшой фонарик под рукой. Авось выведет его когда-нибудь к свету.

— Ох, — проскрипел он, открывая глаза. — Ох...

— Вы... Вы очнулись! — Сафф возник перед расплывчатым взором. — Какое счастье!

Наконец-то!

Тон его полнился облегчением.

— Я так боялся. Как вы себя чувствуете?

— Пить, — Эмбар облизал бесчувственные губы. — Пить.

Невидимая сила приподняла его и прислонила к губам чашу. Неловко работая челюстями, Оклайн помаленьку глотал живительную влагу.

— Всё.

— Как ваше самочувствие?

— Слабость.

Он пытался пошевелиться, но не чувствовал тела. Точнее, чувствовал, но словно чужое, далёкое. Похоже, его накрыли простынями, положили на надувной матрас и мягкие подушки. Однако мышцы. Мышцы онемели.

— Что случилось? — слова едва вырвались из горла.

— Ранение оказалось чрезвычайно тяжёлым. Вы потеряли три литра крови прежде, чем кровотечение удалось остановить. Сожалею, повреждения ног оказались... критическими.

Эмбар прикрыл глаза.

— Слюна охотника оказалась наполнена огромным количеством бактерий. Они попали в вашу кровь. Антибиотики не помогали. Вы перенесли сепсис. Я ничего не мог сделать. Вы выжили чудом.

— Остальные?

— Варайн руководит операцией по захвату Авентина — планета пострадала, однако ещё пригодна для жизни. Пока. Вулканическая активность крайне велика. Без контроля она продолжит усиливаться. Отто руководит бригадой в ваше отсутствие. Сидера в данный момент находится на станции.

— Они целы?

— Да.

— Хорошо.

— Наррайн за стеклом. Она наблюдает.

— О! Помоги.

Голова накренилась влево. За стеклом бокса блестела пара радостных глаз. Она стала... ещё более жилистой и жёсткой на вид, но внутри осталась такой же весёлой и верной.

Пусть живые мышцы отказываются подчиняться власти сознания, на механические аналоги это не распространяется. Согнув в локте протез, он помахал подруге.

Та отреагировала мгновенно: радостно оскалилась и помахала в ответ. Довольный, Эмбар медленно погрузился в здоровый глубокий сон. Первый со времени его безумного ранения.

Через два дня Сафф убедился в крепости иммунитета Оклайна достаточно, чтобы пустить Сидеру внутрь. Она села у изголовья и стала аккуратно гладить посеревшие перья.

— Ты ко мне приходила?

— Конечно! Ты постоянно бредил, кашлял кровью, кричал, вырывался. Мне было страшно. Но ты... Ты мне как брат! Я не могу тебя бросить!

— Ты даже не представляешь, как помогла мне, — прошептал он и расслабился. — Как Варайн?

— Очень нервничает. Надеется, что нашу родину получится спасти. Ты бы видел, что случилось, когда взорвалась бомба! Наша столица просто провалилась под землю!

— С пользой?

— Даже не представляешь, сколько там тварей. Похоже, никто не остался в своём уме на проклятой планете. Мне не нравится там. Лучше... лучше бросить её. Но наши не хотят. Они верят.

— А ты сама как?

— Более-менее. Эти твари... Они... Они порой приходят в кошмарах. Их вой, я не могу его забыть! Никогда такого не было. Оно, понимаешь, оно как будто вливается в кровь!

— Они будут уничтожены.

— Не сомневаюсь. Когда ты встанешь, покажешь им, где раки зимуют! А! Вдарим им под дых!

— С удовольствием, — робко улыбнулся он. — А что остальные?

— Отто бережёт твои войска. Ты бы его видел. Он тебя чуть ли не боготворит, говорит: «Живой пример того, как надо сражаться во имя Человечества». Многие наши сначала ненавидели тебя, а потом... Когда началась осада. Они всё поняли. Ты авторитет.

— Только не заставляй меня толкать перед ними речи.

— Шутишь?! Ха-ха! Видишь, скоро поправишься! Три месяца прошло, многие по тебе соскучились!

— Три месяца? — недоверчиво пролепетал Эмбар.

— Путь с того света долгий. Но ты выздоровел! Выздоровел! Ура! Если бы ты помер, кто бы нам ЦУ давал?

— Варайна попроси. Он мастер.

— Ну уж нет! У него своих проблем достаточно! Радуетя поди, что я не лезу под руку.

— Так ты всё понимаешь!

— И делаю по-своему. К слову, я тут тоже ровно на заднице не сидела и кое-что придумала! Покажу позже. Ты отдыхай. Рано ещё тебе напрягаться — развалишься.

— Я и так развалился.

— Будет ещё потеха на твоём веку!

— Не рекомендую перегружать больного. Он крайне слаб.

— Сафф, я требую моральной поддержки! Присоединяйся! — казалось, что он кричит, а на самом деле говорит тише своего обычного тона.

— Я до сих пор не могу оценить ваше психологическое состояние.

— Я выкарабкался. Не без вашей помощи. Но, всё же. Настолько критические?

— Не стоит сейчас...

— Я хочу увидеть.

Изголовье кровати подняли. Сняли простыню с ног.

Левую протез заменил до верхней трети бедра, на правой — до нижней трети. Вяло

потянувшись, потрогал керамикой керамику. Неужели теперь металла в теле больше плоти? Сколько? За что? Челюсть предательски задрожала, заплывший взор упёрся в грудь.

— Накройте.

— Спасти их было невозможно.

— Оклайн, там был ужас.

— Понимаю. Они... Они хотя бы не устанут. Ты постарался на славу.

— Учёл все неудобства, которые преследовали вас. Теоретически, они стали даже лучше прежних.

— Они холодные.

— Понимаю.

— Оклайн, — Сидера зажевала губу. — Тебе ещё повезло. Остальные, кого ранили охотники. Никто из них не выжил.

— Бактерии крайне агрессивны, вас спас повышенный от природы иммунитет.

— Во второй раз.

— Когда мы всех их перережем, — уверенно заявила Сидера. — Позаботимся и о тебе. Изваяем так, что лучше новенького будешь!

— «Изваяем»?

— Ты же не слышал.

— Доктор Менгель смог расшифровать часть данных эннан, — Сафф резко оборвался. — Лучше вас не напрягать лишними подробностями.

— Не заставляй меня мучаться.

— Он узнал, что эннан откопали нечто! — Сидера театрально развела руками. — Оно назвало себя «шагготом»!

— У нас есть координаты его последнего местоположения и схемы укрытия.

— Они заключили с этим нечто договор, по которому освобождают его в обмен на знания.

— Нашлась целая библиотека стандартных существ паразита. Несомненно, он — рук дела этого «шаггота».

— Никакого шаггота не существует, — прервал их Эмбар и сделал паузу, чтобы отдышаться. — Некий Иблис представился им. Этот Иблис... Он хочет получить меня. Он... Эх... Он говорит, что создал меня.

— Что?! — недоверчиво скривилась Наррайн. — Когда он это сказал?

— Он приходит во снах. Общается с помощью телепатии.

— Ваш орган Лаккерсона в последнее время кровоснабжается обильнее, чем обычно. Возможно, эти события связаны.

— Я прогнал его. Теперь он жаждет уничтожить всех. Таков его план.

— Типичный тупой злодей. Что от него можно ожидать.

— Доложить командованию?

— Да. Однако, это может быть иллюзия паразита. Осторожнее.

— Разумеется. Прослежу, чтобы сведенья достигли исключительно нужных ушей.

— Не сомневаюсь в тебе. Что ещё нашли?

— Как вы и предполагали, выданные технологии оказались дефектные.

— Сколько их было?

— Две. Внушение и «ваяние плоти». Похоже, вторая используется скульпторами для возрождения и создания новых организмов.

— Скульпторы?

— Он ведь не был на фронте.

— Крупные развитые организмы, мы встретили один на Альфагемоне во время обороны Совета.

— Вспомнил, — задумчиво он упёр взгляд в потолок. — Зелёное свечение?

— Побочный эффект. Гипотетически, с помощью ваяния возможно восстановить любые физические повреждения вроде ран, конечностей и шрамов.

— Мы излечим всех инвалидов! И тебя тоже!

— Но технология дефектна?

— Пока у нас нет рабочего образца. Да. Мы знаем о её существовании, проводится попытка воссоздать процесс. Однако основная научная группа сосредоточена на ноосферном искажении эннан.

— Результат?

— Только теории.

— Ясно, — утомлённо ответил он. — Знаете, я хочу вздремнуть.

— Конечно, уже уйду! Выздоровливай, смотри у меня!

— Ох...

Постепенно тело ожидало. Сначала он мог есть сидя, потом сам садится сам. Наконец, позволили встать. Пара роботов поддерживали с обеих сторон, когда ноги коснулись земли.

Глубоко вдохнув, он встал. И вскрикнул от резкой боли. Рухнул обратно.

— Ах, ах, — потер он сочленения.

— Вес вашего тела приходится на рану.

— Понимаю. Но почему это так больно? Оно всегда так будет?

— Нет. Постепенно организм адаптируется. Однако вам необходимо ходить, чтобы это произошло.

Скрипя зубами, шатаясь и постанывая, он собрался с силами и сделал первый шаг. Второй. Третий. Обошёл постель и сел на неё с другой стороны.

— Вот так, молодец! — похлопала в ладоши Сидера. — Сам не заметишь, как бегать начнёшь.

— От тебя не сбежишь.

— Это точно!

Сначала помаленьку, с сопровождением. Потом с ходунками по палате. Потом по коридору взад-вперёд. Редкие больные провожали командира пустыми взглядами. Раненных крайне мало — почти все со снарядной болезнью. Почти все никогда уже не оправятся от шока: то ли вид чудищ и смерть товарищей, то ли передозировка стероидов — жизнь их покалечена. Многих провожают в последний путь в дома душевнобольных. Многие останутся в тылу на попечении родных, если таковые есть, а если нет — на крохи от государства. Людей тут и вовсе раз-два и обчёлся. Жёсткая подготовка, вымывающая всё человеческое, делает рядовых и офицеров практически невосприимчивыми к психическому воздействию. Удивительно, как жестокость спасает жизни.

Пленных враг не берёт. Бьёт наповал. Без пощады и жалости. Из сбивчивых рассказов он слышал о делах на фронте. Плачевных делах. Боевой дух болтается у дна. Наступление застопорилось, потери растут, а тылы не покрывают их.

Каждый день, который Эмбар проходил мимо, становился для него формой пытки. Больные бредили, вспоминали умерших, кричали порой и вырывались, просили оружие,

молили о смерти. Страх выжигал им разум. Взывать к долгу, чести бесполезно. Пропавшие души. Они настолько довели Оклайна, который и без того настрадался, что тот потребовал перевода на «Бездну». Он просто не может тут находиться!

Силы возвращались. Поначалу раны кровоточили от избыточной нагрузки, однако потом рубцы утолщились и заматерели. Боль сошла на нет, разве что былая ловкость не возвращалась. Однако рано или поздно, но и бег покорится новым ногам. А до тех пор: тренировки, тренировки, тренировки.

Всё командование связывалось с ним пару раз: слишком они заняты, чтобы приехать в тыл ради одного офицера. Не до того им. Замечено, что они все всячески уклонялись от вопросов по фронту. Не желали признавать своё поражение. Лишь Отто безукоризненно отчитался о печальных их делах. После доклада Оклайн вовсе потерял интерес к войне: стресс сильно сказывался на выздоровлении.

Время от времени, бродя по полупустым коридорам и присаживаясь на груды ящиков или лавочку, он глядел, задумывался, а не свернул ли с пути, а если свернул, то сможет ли вернуться? Глядя на единственную здоровую руку, спрашивал себя, а сможет ли она держать хоть что-то кроме оружия, а останутся ли на ней мозоли не от спускового крючка, а от инструмента созидания? С каждым годом судьба отгоняла всё дальше и дальше от славной поры, когда не придётся убивать, когда жизнь станет дороже смерти, а пепельная грязь сменится землёй и строительной пылью. Вряд ли. Вряд ли. Увы. Кажется, что без убийства вселенная развалится и рухнет в тартар, что без унижений и разрушений космос опустеет, а без вечных гонок с временем и врагом существование станет опостылит и опреснеет. Есть ли он ещё, бьётся ли его сердце? Сердце мира. Забавно. Сердце и то бьётся...

Бродя с тростью, он зашёл на огонёк к Сидере, трудящейся над своим секретным проектом, который должен изменить ход войны. По крайней мере, упоминался он именно в таком плане.

— Уютно устроилась, — оглядел он лабиринт оранжевых контейнеров.

Один из них распахнут, изнутри торчит серо-коричневый спальный мешок. Из-за пределов огороженного мирка доносятся звуки полупустого склада.

— Привыкла, — пожалала плечами она. — Я давно хотела показать! Гляди!

Она достала тонкий стержень длиной примерно в метр.

— И?

— Вот!

По нажатию кнопки он раскрылся в рогатину.

— Круто, правда!

Собрав разбежавшиеся мысли, Оклайн потратил пять секунд на размышления.

— Гениально, — поднял он брови. — Раз противник силён в ближнем бою, нужно его не подпускать!

— Я знала, что тебе понравится! Мы разработали целых три варианта! Первый, вот этот, — она указала на то, что держит, — со звуковым клинком. Сначала я думала сделать такие пули, но они оказались какие-то безумно дорогие. А вот копьё — другое дело! У него лезвие как у нашего обычного клинка. Собственно, его мы и взяли.

— Хм, его можно отсоединить?

— Нет.

— Сафф, запиши.

— Не беспокойтесь, я ничего не забываю. К слову, пока я не забыл, все чертежи были

мною обработаны по стандартам Союза.

— Перешли их мне, лично проработаю все варианты.

— Уже.

— Так вы дадите мне слово или нет?!

— Прости, — он устроился удобнее. — Продолжай.

— Вот это — тазер. Проткнуть глубоко не способен, зато как поджарит! Ха! И, наконец, это.

Как она нервничает! Пальцы мелко дёргаются, говорит быстро и неразборчиво, будто боясь что-то забыть.

— Передай мне один.

Она отвлеклась от копошения с последним экземпляром, явно ещё недоделанным, и передала звуковое копьё. Удивительно лёгкое и тонкое, но крайне прочное. Задний конец его создан для упора в пол, словно чтобы тварь сама себя насадила. С одним таким придётся попотеть, но вот десяток-другой будут стоять тварям большой крови. Тем более, что ими можно владеть одной рукой! Отстреливать тех, кому не повезло оказаться «на вертеле».

— Когда мы встретились с тем охотником, и ты, — она прервалась. — В общем, сам знаешь.

Поджав губу, он потёр штаны в местах сочленений. Жест этот не остался незамеченным.

— Я... Я долго думала. Помнишь, как мы его в первый раз завалили?

— Тогда попался маленький.

— И всё же! Это взрывная пика. За звуковым наконечником бомба. Должна быть. Я решила не устанавливать взрывчатку до испытаний.

— Взрываешь изнутри.

— Именно!

— Оно одноразовое.

— Так ведь и охотники стаями не ходят. Их, к слову, до сих пор ни одного не прикончили. Тут же сбегают. Твари! Скольких погубили. Но теперь... Теперь-то они получают свою дозу тротила! Да! — кулаки её сжались.

— Хм... Задумка отменная.

— Спасибо.

— Ты показывала кому-то другому?

— Только Саффу.

— Сафф?

— Вы третий причастный.

— Ладно. Примемся за дело.

Изучив чертежи, Оклайн сделал несколько небольших изменений. Опытные образцы на то и опытные, чтобы показать потенциал, но раскрыть его по-настоящему ничуть не проще. Во-первых, насадки стали снимаемыми. Гибридный клинок — крайне дорогое удовольствие, не каждый оруженосец Варраден позволял себе пару. А тут каждому по копьё! Нет, слишком дорого. А вот если надёжно закрепить обычную рапиру, чтобы можно было выбирать оружие по желанию — и дешевле, и удобнее.

Возникла иная проблема — как его надёжно закрепить? Остановились на магнитной подвеске, ведь в рукояти и так есть генератор, почему бы не использовать его? Тем более, чтобы выхватить такой, нужно потратить всего пару мгновений. Гарда станет идеальной

перегородкой, останавливающей погружение оружия во вражье тело.

Что упирать копьё надо в землю — однозначно. Напор твари нередко валит даже закованных в латы рыцарей и легионеров, не говоря о простых солдатах. Иначе подошли бы и обычные штыки. Но нет. Они стали популярным оружием последнего шанса, однако нередко лишь отсрочивали гибель на несколько мгновений. Слишком коротки стволы. Теоретически, если использовать двойной хват, то возможен и традиционный удар... Стоит рассмотреть возможность.

Изменилась и конструкция древка — вместо трубы разворачиваемая арочная конструкция из нескольких спиралей. Мало весит, а по прочности не уступает. В проекте укороченный вариант стал на треть короче, либо же само копьё увеличилось в длину настолько же. Охотничьему варианту явно подойдёт второй вариант, так как и тварь велика, и взрыв опасен. А вот для рядового подойдёт короткий тубус.

— Круто, — печально пробормотала Сидера, взглянув на результат.

— Что такое?

— Просто, я так долго думала. А ты взял и за пару часов сделал в несколько раз больше.

— Идея твоя. Я лишь улучшил.

— И всё же.

— И всё же, без тебя я бы и не подумал о копьё! Это же гениально! Древнее оружие против сильного зверя! У нас в руках! Скольких оно спасёт. Благодаря тебе. Пойми, я много раз участвовал в испытаниях, и каждый раз вносились изменения. Нередко людьми, далёкими от проектировщика. Потому что чем больше глаз пройдёт по проекту, тем лучше он станет. Все углы сгладят. Ты ведь не хочешь, чтобы солдаты жаловались и ворчали, что им выдали непроверенное оружие? А так они будут рады. Выше нос, нам нужен испытатель!

Сафф изготовил раму на принтере. Дёшево и сердито. Сидера опробовала несколько ударов. Простых и бесхитростных — иных и не придумаешь. Как вдруг, во время длинного выпада, защёлкнула древко на предплечье.

— Ха! Смотри, что придумала!

Копьё прилипло к руке.

— Хм-м... Магнитная полоса.

— Для всяких полезностей. Вроде хлопушки или огнемёта. Однако сам подумай, копьё ведь не вылетит!

— Хорошо. Да, хорошо! — кивнул он. — Продолжай.

После испытания провёл Оклайн. Ему приходилось иметь дело с подобным оружием, и в мастерстве он значительно уступал, но тем не менее, показал тактику хождения на большого зверя. Запись движений использовали для создания маски. Теперь всё готово для полевых исследований: без них проект дальше не пропустят.

— Ты отправишь это Варайну?

— Нет. Ты придумала, ты и представишь. Уверен, он всё поймет.

— Но...

— Никаких «но». Ты справишься.

— Ох уж! Если надо, я сама готова провести эти испытания! — она «закатала рукава». — Будь, что будет.

— Именно так, Сидера. Именно так.

Она распрощалась и удалилась. А Эмбар остался сидеть на ящике в думах. Разработка отвлекла его от тёмных мыслей, всё чаще являющихся во время прогулок. Есть ли вообще

шанс победить? Не стоит ли вернуться к первоначальному плану и бросить Авентин? Его никто не планировал спасать, но упёртое стремление мидду сохранить родной мир понятно. Он — главный символ их единства, без которого нацию не поднять на врага. Правительство пало, паника пустила корни в душах. Им нужна победа! Настоящая, чтобы о ней слагали песни! Половина траурных, отпевающих героев, а половина — радостных, чтобы не скучать на застолье!

Решимость железом оковала стремление. Стремление родило мысль, а мысль обратилась действием. Прихрамывая, Эмбар молча пошёл на «Бездну». Пусть он восстановился не до конца, он нужен. Нужна победа! Нужен прогресс! И он вырвет её у судьбы. Вырвет малой кровью.

16. Поля Авентина

Вместе с конвоем прошли через врата и направились к Авентину. Космос тут спокоен, однако ходят слухи, что дальше бороздят пустоту флоты одурманенных и странных пустоходов невиданных конструкций. Похоже, паразит нашёл способ распространяться самостоятельно, или ему кто-то помог собрать сложную технику. Как бы то ни было, развернулось масштабное строительство, суть которого не ясна.

С орбиты Авентин казался адом — пепел тысячи вулканов чёрными полосами тёк по атмосфере, загораживая солнечный свет. Планета погружалась во мрак и нагревалась. Ледники тают, вода затапливает низменности — наименее пострадавшие от землетрясений районы. Тысячи видов вымерли, ещё сотням тысяч угрожает скорая гибель. Экосистема разрушена. Скоро жизнь окончательно покинет истерзанный мир. Быть может, навсегда. Мидду в своё время составили генетический каталог флоры и фауны, плохо приживающейся в иных мирах. Однако где он сейчас — неизвестно.

Большая часть планеты покинута, бои идут у северного полярного круга. Орбита же, напротив, весьма заселена. Сюда эвакуировали немногочисленных выживших, тут расквартированы войска объединённой армии и флот. Сам Совет наблюдает за происходящим с борта «Паладина». Неприятным сюрпризом стали пустоходы знакомой ровной алой окраски — Гвардию собрали наново, ведь весь прежний состав погиб.

Штаб собрался на «Мече мира». Свежая кровь взбодрила мрачных офицеров. Люди и мидду подозрительно косились то друг на друга, то на Оклайна.

Когда отзвучали приветствия, повисла напряжённая тишина. Никто не решался заговорить первым — стоя по разные стороны стола, генералы недоверчиво глядели друг на друга.

— Какова обстановка? — наконец нарушил покой Эмбар.

— Мы несём значительные потери в бое за мир, который уже погиб, — проронил Келлер, всем видом давая понять, что уже не раз поднимал эту тему. — Нам крайне сложно восполнять запасы и восстанавливать силы. Союз ведёт наступление на Альфагемоне, планета почти взята, однако из-за растянутости и сложности логистики мы всё ещё не можем создать прямую линию поставок. Нам необходимо прекратить бездумно расходовать жизни и пересмотреть стратегию.

— Нет, — мрачно ответил Ораракс, — мы не бросим нашу святыню!

— Зато бросите на смерть тысячи жизней, коих у нас и так не хватает! Оклайн, вы, вроде, имеет авторитет среди чужаков. Не могли бы вы донести до них мою позицию, раз она им не понятна и так!

— Объяснитесь. Что это за святыня и чем она так важна?

— Знамя Эррада Объединителя, — объяснил Варайн. — Личный штандарт первого правителя нашего единого народа. Это один из немногих символов, место для которого есть в каждом мидду. Клятва на нём — нерушима.

— Некогда не слышал такой клятвы.

— Потому что она свята. Её невозможно нарушить.

— Белые щиты клянутся на Знамени в вечном служении своему государству, — пояснил Ораракс. — Но за пределами церемоний вы никогда не услышите такой клятвы. Её боятся давать, ведь забрать слова обратно не получится. Как поклялся Эррад объединить Авентин,

так он и сделал.

— Вы хотите воззвать с его помощью к своему народу?

— Именно. Получив штандарт, мы попытаемся если не объединить территории, то привлечь внимание к этой проклятой войне! Чтобы хотя бы ради нашего будущего мы выступили единым строем, плечом к плечу!

— Мы даже не знаем, там ли Знамя! — стукнул по столу Келлер. — Возможно, оно уже давно уничтожено!

— Знамя соткано из асбестовой нити и окрашено особой краской, так что оно не потеряло красоты, даже пройдя через тысячу битв!

— Аррас в разведке видел его. Оно там же, где и всегда — в Музее славы. Здесь, — Варайн указал на город на севере.

Они с Уром переглянулись. Потом, без лишних ушей.

— Это может быть голограмма! — встрепнулся Келлер. — Мы уже трижды штурмовали проклятый город! Трижды! Сколько вам нужно положить людей, чтобы понять, что это просто одна огромная ловушка! Они издеваются над вами, а вы только рады! Если вы так хотите погибнуть, сделайте это с пользой!

— Мы никогда не оставим честь своего народа!

— Тише вам! — прошипел Оклайн. — Не хотите продумывать план, прошу. Хоть подеритесь, но не тут!

Подсознательно стремился вперёд, открыл запрятанные вглубь файлы от Менгеля. Вот она, берлога зверя. Далеко. В тысяче парсек от ближайшего мира мидду, посреди тёмного сектора диска. Долететь туда — не беда, но хватит ли собранных войск?

У врага на мёртвом мире возведена нерушимая крепость в семьдесят миль длиной, вплавленная стеклом в кору планеты. Чем больше — тем лучше. Рано штурмовать. Нужна разведка — а провести её способен один Оклайн — нужны подкрепления и тылы. Тогда, ударом рапиры, пронзят бойцы сердце гидры и увалят наконец её уродливое тело в канаву. Пусть сгниёт!

Пора, пора взяться за дело всерьёз. Довольно мелких укусов, настал их черёд бить и гнать в шею, выжигать, сплачиваться и маршем идти на врага. Здесь, на Авентине, настанет перелом.

— Кхм-кхм, прошу прощения. Моё поведение было недостойно аристократа. И всё же я остаюсь при своем мнении.

— А если бы это была ваша святыня?! Вы бы так же отступили?

— Для нас мы сами — святыня.

— Так, возможно ли похитить знамя без штурма. Как-то же к нему подобралась?

— Раньше это было просто сложно, теперь же почти невозможно, — Варайн вывел снимки музея. — Знамя находится тут, в центральном зале. Подвешено под потолком и прикрыто толстым алюминиевого стекла. Пробить его не сможет даже ядерный взрыв. А если кто-то попытается — охранная система имеет три независимых голографических щита.

— Но оно должно как-то вытаскиваться?

— Пароль разбит на восемь частей. Нужны минимум семь. Ни одного носителя нет в живых. Их местоположение неизвестно.

— Скрытно не получится.

— Мы пытались.

— А что остальные? Скви, лидаро?

— Наши пустоходы, — начал Хельмут. — Пытались связаться со скви. На всех частотах тишина, но с некоторых исходит адский неразборчивый визг. Что бы у них ни случилось, скви потеряны для нас.

— Лидаро захватила паника. Они ведь не солдаты, а интриганы и торговцы. Если уж и помогать, то мы им, а не они нам.

— У них отменная промышленность, они обеспечат хороший тыл.

— Вряд ли. Сейчас они сядут на свои сокровища, запрут в кладовых и будут там безвылазно сидеть, пока всё не кончится.

— Теперь вы понимаете, — качнул головой Варайн, — почему так надо объединить мидду! Мы единственная сила в регионе, Союз далеко, он ведёт бой на сотнях миров. Стоит полагаться лишь на себя.

Молча оглядев карту, Оклайн представил маршруты потенциального штурма. Так как бой проходил уже трижды, окрестности покрылись кратерами и развалинами — идеальными укрытиями для тварей. Нестабильная кора вот-вот треснет, поэтому проводить ядерную бомбардировку опасно. Единственный выход — пробиться к музею, обойдя старые линии обороны точным ударом, а после так же быстро сбежать.

Но не тут-то было: город буквально наводнён врагом. Любой удар увязает в них, как в мёде, и на него налипает больше и больше мошек, пока от жертвы ничего не остаётся. Весь город — засада. А значит, нужно устроить на неё... засаду.

— Используем тактику выманивания, — щёлкнул пальцами Оклайн.

— Это невозможно, — развел плечами Хельмут, — мы не умеем отступать.

— Вам и не придётся.

— В таких масштабах? Получится ли?

— Варраден и Белые щиты со мной во главе пойдут линией вперёд, — Эмбар провёл красную черту по равнине. — Зайдём в пригород, привлечём противника стрельбой и шумом. Продвигаемся медленно, ожидаем подвоха. Как только основная масса клюнет, отступаем. Линейная армия по флангам. Окопаться. Оборону по фронту возьмёт Гвардия с поддержкой рыцарей. Когда твари окажутся меж трёх огней, летучие отряды с разных направлений попытаются прорваться к центру города и захватить Знамя.

— Рискованно, — пробормотал Варайн.

— Всё лучше, чем прямой штурм! — заявил Келлер. — Я поддерживаю.

— Я тоже. Враг не ожидает подобной тактики. Мы застанем их врасплох!

— Решено, — сказал Оклайн. — Разошлите дислокацию. Начинаем, как только все займут позиции. Я отправлюсь на планету.

— Мы тоже. Это наша битва. Мы победим.

— Я лично прослежу, чтобы линейная армия показала себя с лучшей стороны!

Молча отдав друг другу честь, они разошлись. На обратном пути Эмбар поймал Ура, чтобы расспросить. Обстановка его беспокоила: Орден — лучшие бойцы, о которых нельзя и мечтать. Ссоры среди них ударят не только по боеспособности, но и по боевому духу.

— Аррас отказывается мне подчиняться, — прошептал Варайн. — Он верит только Совету, если бы я не упросил их вернуть мне главенство, раскола было бы не избежать.

— Сколько у него сил?

— По численности столько же, сколько у нас. Однако рыцарей там куда меньше — у каждого по три оруженосца, в то время как у нас либо никого, либо один, и совсем редко — двое. Я поставлю их в оборону, чтобы не мешались.

— Согласен, не хочу, чтобы посреди сражения приказы вдруг стали обсуждать.

— Они выполняют долг, не сомневайтесь. А когда у нас будет Знамя, я воззову к их чести.

Уверен, многие перейдут на нашу сторону.

— Надеюсь. Не хватало ещё раскола в собственных рядах.

Варайн с шипением набрал воздух.

— Я этого не допущу.

***

«Бездна» прошила густой пепельный слой, паря на ветрах обречённого мира. Насколько хватает глаз — вокруг солёные барханы, припорошённые чёрным снегом вулканов. Хлопьями он падал с неба, заволакивая даль пеленой. Это был буквально конец света, апокалипсис. Увядаящая жизнь увядającego мира. Газы наполняли атмосферу, стелились позёмкой, вытравливая зверьков из нор. Без противогаза выйти наружу невозможно, медленно поднимается жар, раскалённый ветер резал обугленные стволы стойких деревьев. Они горели, но не погибали, обречённые на тяжелую агонию. На горизонте вставали пожарищем небоскрёбы и шпиды — город на краю света, последний уцелевший город. Настал час пасть его защитникам, пасть тварям, лишившим будущего целый народ. Пусть не ждут пощады!

Маршировали войска, поднимая облака пыли, неуклюже катились на позиции танки, занимали окопы пулемётчики. Авангард уж видит противника, с нетерпением ожидая приказа. Сегодня прольётся море крови. Вражьей крови. О, да! Пусть гули пируют плотью павших «товарищей»!

Полоскались алые стяги Гвардии, мелькали Варраден, словно на огромном сафари, отстреливающие выбегающих чудищ. Солдаты Киля непроницаемой серой массой укрылись в траншеях, поблескивали оттуда перископы офицеров. Одна только 408-я бригада Равенны пойдёт на штурм вместе с мидду, поскольку только она обеспечивала достаточное прикрытие командиру левитационной техникой. Если бы они раздобыли хоть одну самоходную крепость! Почуяли бы враги запах дымного пороха!

— Рад видеть вас в добром здравии, командир, — дистанционно отсалютовал Отто. — Не представляете, как мы рады вернуться под ваше крыло! С вами мы зададим жару!

— Что враг?

— Ползает на окраине. Бойтся. Чуют, что пришёл их час!

— Готовы?

— Ждём только вас!

Репульсор взвился над строем, заглянул вперёд в пространстве и времени через десяток камер. Вокруг гудели машины бригады, Белые щиты блистали синевой и белизной своих доспехов среди мёртвой равнины. Рыцари группками держались позади, готовые прийти на помощь по первому приказу — бойцы, но не солдаты, они не созданы для линейного боя. Чем меньше их ляжет сегодня, тем проще будут грядущие победы.

Самолёты летели далеко за фронтом, ведь если провести массовую бомбёжку до атаки, наступающие увязнут в руинах и окажутся заперты неожиданными баррикадами. Умеренной артподготовки хватит. Пушкари как раз расходились, метая фугасы в пригороды. Когда же капкан захлопнется, все стволы дадут прощальный залп.

— По моей команде, — раздалось над полем. — Шагом — марш!

Ровными рядами, словно на параде, поднялась пехота. Реют полковые знамёна, стучат ритмично шаги. За строем строй ровняются полки, тянулись фланги, словно змеиные

хвосты. По трупам павших, по выгоревшей траве, по кратерам снарядов, по избитым дорогам пригорода. Предыдущие штурмы оставили от него могильные руины, похожие на погост цивилизации — пустые окна, обрушенные стены, заваленные улицы. Неужели здесь ещё недавно кипел заботами будничным быт? Что от него осталось? Голый окровавленный камень. Иблис заплатит за каждую отнятую жизнь, за каждую загубленную судьбу. Заплатит сполна.

Единый фронт разбился на отряды, текущие по немногим проходимым путям, перегибая вал за валом арматуры и серого бетона. Где-то они вырывались вперёд, где-то — безнадёжно отставали. Оклайн не тормозил и не подгонял — в конце они должны выйти в одно время, иначе их окружат.

Прогремели первые выстрелы. Первые случайные встречи — в одних местах они тлели и тухли, в других — разгорались пожаром уличных боёв. Продвижение сначала застопорилось, потом остановилось, а после обернулось вспять. Всё больше и больше тварей сбегалось на грохот сражения, всё больше и больше предсмертных хрипов звучало в эфире.

Чуя вторжение, рой поднялся как один на защиту своей территории. С яростью разъярённой матки улья кидались они на автоматы, на танковые пушки и гранаты. Скапливались под грудями битого кирпича, гудели, готовясь ответить всей своей мощью. Время пришло.

Фанфары протрубили отступление. Медленно линии откатывались назад, на них напирала ревушие орды, выталкивая прочь из города. Сами себя загоняли в ловушку. Варраден вступили в бой, удерживая Щитов от падения и бесславной гибели в окружении. Строй стал реже, но твёрже, стойко вынося удары врага. Отлично! Потери пока невелики, если всё пройдёт по плану, такими они и останутся.

Они уже на равнине. Стая вошла в раж. Вой тысячи глоток и грохот тысячи орудий слились в одно. Отбитые пальбой, держались поодаль жути, Польшало закатом пламя. Мелькали в руинах среди выжженной земли яркие белые метки. Едкий дым то стелился оземь, то клубился, застилая чёрные тучи. Оставляя тела в голубых доспехах, оставляя подбитые танки, откатывалась линия к старым позициям, вытеснялась из города роем.

Пала первая тварь от удара копья, а потом ещё и ещё. Сидера впереди с наслаждением агонии насаживала на вертел тушу за тушей, отстреливая и рвя. Неужели, получилось? Победа? Подсознание велело ждать подвоха. Неизвестно, кого приманит гибельный запах. Авось есть у врага козырь в рукаве, словно у шулера червонный туз? Как бы не попасться на крючок успеха и не забыть об осторожности! Эмбар бесстрастно и спокойной бдил, глядел со спутника, с наружных камер, непрестанно размышлял, спустив вожжи управления. Сейчас на месте виднее, что делать, и без приказа начальника разберутся.

Сшибались с огненным приливом, штыки тупились, облака чёрной саранчи бежали волнами морскими. Они летят. Они режут. Они скребут. Они рубят и бьют, стреляют и давят. Сколько их?! Целый океан! Тьмущая тьма! Откуда столько плоти и куда?! Неужель они думают, что на равнине победят?!

В сером ровном поле, закрытом облаками пара, под шипение напалма, смешанного с жёлтым ихором, под гул самолётов и снарядов громыханье, войска заняли крайний рубеж. Пора.

— Говорит Оклайн, начинайте бомбардировку! Приём?!

Молчание в ответ. Нутро пронзил лёд в страхе пред грядущим. Сердце сжал кулак ужаса, вены проступили на висках. Нет. Нет! Ледяным лезвием резал слух последний приказ

Круга:

— Совет заключил перемирие с врагом, — зачитал его Аррас. — Любой, кто не подчинится, приговорён к смерти! Приговор исполнить немедленно!

Время застыло в тот миг, когда первая пуля бывших товарищей покинула дуло. Мир разорвался на «до» и «после» кровавой, чёрной, вонючей огненной межой. Повсюду взрывы, мольбы, крики. Гвардейцы пленных не берут.

По радиации ничего не разобрать. Перед глазами пелена помех. Осколки щебечут по обшивке. Машина трясётся в волнах ударов. Варраден сражался с Варраден, тело падало на тело. Знамёна горели, гербы валялись в грязи. Пепел слипся в алый бетон, и всё под холодные причитания Арраса:

— Вы бы всех нас на убой повели! Победить невозможно! Но сколько вам не говори, вы упёртые твари! Вы не слушаете глас Галактики, глас Совета! На вас нет узды! Так умрите, как вы жаждите, чтобы дать жить другим!

На шее затянулась петля. Словно предсмертный хрип, выпали из холодных губ слова:

— Отступаем... Отступаем к флангам!

Пересохшее горло свела судорога. Скрип вместо команд. Дешёвым бродягой обратился генерал. В голове пустота — незнание, слепота, глухота. Кто жив, кто мёртв, кто друг, кто враг? Колодец вероятностей внезапно опустел. Последние приказы Оклайн отдавал, не помня себя, забываясь всё глубже и глубже, в дне сознания ища опору. И защиту от сотворённой им геенны.

Миллион снарядов гроздьями падали на землю, словно рухнули сами небеса. Солдаты шли, шли вперёд, в окопы, пытались пробиться через заслон. Под барабанную дробь взрывов лилась потоками кровь, заполняя траншеи. За офицером падал простой солдат, горели десятками танки, поражённые в уязвимую тыловую броню. Западня трещала, но крепко, крепко жертву держала.

Скрыться негде, смерть без устали работает косой, срезая богатый урожай. Тьма, паника, крики до ночи. И всё же керамика, смешанная с грязью, отчаянно рвалась, словно попавший в ловушку зверь, готовый отгрызть ногу, но выбраться на свободу. Рухнули рваные штандарты, каждый сам за себя, каждый бежит, не помня, куда, и нет приказа сверху. Что делать, куда и откуда — всё смешалось в пепле полей и хитине когтей.

Спасенья нет. Оклайн бился до последнего, терял людей, терял надежду, но сражался. И как-то выкарабкался на волю, с рваными ранами на душе и трещинами на броне, безумными манёврами корвета ускользнул в небеса, спасая тех, кого смог. Но сам он остался внизу, среди тех, кому не повезло. Сколько их? Сколько их!

Ещё долго бил метроном, отсчитывая павшие души. Ещё долго дымились истерзанные поля. Ещё долго с небес падали кометным градом обломки пустотного флота. Авентин забрал последних на этой войне. Последних, но не всех. Группками, отдельными частями и отрядами выжившие скрылись с бойни, сбежали. Но что теперь они могут? Это конец.

17. Победа или смерть

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Били в ритм шагам равнодушные часы.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Тело требовало пищи. Хотелось взять несчастный кус хлеба и порвать его, заглатывая огромными порциями. Но стоило только еде оказаться в руках, как глотку сводила судорога, отчаянное урчание желудка сменялось на дикую изжогу. Те крохотные порции, что всё же попадали внутрь, тут же исторгались желчным потоком. Организм отказывался их принимать. Оставалось скуля бродить по каюте, поджав хвост, как последняя псина, и безутешно причитать, обнимая трясущиеся бока.

Авентин. Авентин! Это не неожиданность, не оплошность, не ошибка. Апофеоз легкомыслия, самоуверенности и поспешности, возведённый на костях двухста восьмидесяти тысяч душ! Во всех армиях штрафбаты идут впереди, но здесь остались в тылу, да и ещё и без комиссара с дулом у виска. Гениально! Повод похлопать самому себе! Bravo! Какая решимость! Какой напор! Решил, что перехитрил в одном крупном сражении, сможешь и в остальных? Враг не раз доказывал свою силу и свой ум, стоил руки и ног, но, очевидно, так и не забил в мозг одну простую мысль: его следует уважать. А что в результате?! Обманной манёвр, сочинённый на коленке за десять минут. Надёжный ход, не раскусить! И как вишенка на торте, любимая присказка: «Давайте быстрее все победим, отпразднуем и обдумаем, наконец, мою пенсию!»! Кто мешал посмотреть отчёты подробнее, проверить, убедиться лично?!

Кто, кто тогда тянул его за язык, кто требовал подтверждать клятву, которую уж никто не помнит? Самолюбие? Смотрите, я оберегаю людей! Как будто им своих щитов не хватает. Если надо, найдут, кем прикрыться, добровольцы ныне не в почёте. Ему самому надо было? Нет. Не разглашал бы, утаил бы, не стал бы отцом величайшего поражения в истории, поставившего крест на всей кампании!

Союз продан. Продан за место во Внутреннем круге. Но кто кого должен винить? Политика не идёт рука об руку с моралью, она руководствуется необходимостью и ценой. Значит, Совбез решил, что неопределённо плохое будущее стоит того.

Про сам Совет вспоминать не хочется! Кучка слабых, ничтожных предателей! Они, словно малые дети, сначала испугались, а потом поверили. Права была Сидера: от вреда больше, чем пользы.

Война официально прекращена на время переговоров. Как бы переговоров. Пока люди выбирают первого представителя, оставшиеся советники уже слюни пускают под гипнозом. Они хоть всю галактику натравят на немногих выживших сопротивленцев по мановению руки своего господина.

Такие провалы ещё объяснимы для неулучшенных, простых людей, но Оклайн ведь не из таких! Он создан для решения подобных задач, для предусмотрения вариантов, о которых иной и подумать бы не смел. И всё же, он пропустил дыру размером с межзвёздный переход. Не окинул всю картину, купился на сладкий кусочек под носом! Это недостойно его звания, недостойно его предназначения, недостойно всего, что он делал и говорил! Этому нет прощения!

Ноги незаметно перетащили в камбуз, где в гробовом молчании сидели трое. Увы, ни

Ораракс, ни Хельмут не пережили того дня, будучи убитыми прямо в штабе. Шансов выбраться у них не было.

Пустые взгляды обратились на Эмбара. Как они устали. Как он их подвёл!

Вид их больных, измученных лиц стал последней каплей. Обессилив, заблудившись в себе, он не выдержал и рухнул, где стоял. Рухнул, как пустая древняя башня, час которой пробил сотни лет назад.

***

Спустя много времени пришло осознание. Через тяжесть отчаяния прорвался одинокий лучик — вина лежит на многих: на своих, и на чужих, на живых и мёртвых, не только лишь его провал стал причиной катастрофы. Это не облегчило бремя, но заставило подняться с кровати и твёрдо сказать:

— Мы победим.

Остальные ловили каждое слово. На их лицах пробежали сомнения, но глубоко в глазах горел огонёк надежды.

— Мы победим, — склонился он над голографическим столом.

Потери 616-й Киля оказались настолько велики, что Оклайн внезапно стал старшим по званию. Их среднего и верхнего звена выжили немногие, но они безоговорочно приняли как его власть, так и решение продолжать борьбу до конца, несмотря на постановление Союза. Все, кто собрался тут, — мятежники, изгнанники, избитые и забытые. Мечтали они об одном: отомстить.

— По данным маячков Варраден, — Оклайн кивнул Варайну, — флот Совета на переговоры направился по тем же координатам, что нашли у эннан. Значит, за всем стоит одно лицо. Мы отправимся в его логово и прикончим его. Пусть многие не вернуться, пусть не вернётся никто, но война кончится. Будущее останется за нами.

Он вывел карту системы. Цитадель горизонтальной конструкции, похожая на огромную рыбу, выбросилась на поверхность второй планеты. Стеклянного мира с редкой атмосферой и мёртвой тектоникой. На просторах Млечного пути часто встречаются подобные пейзажи — на полях древних сражений.

— Мы воспользуемся дополненным штурмовым манёвром Гарреля. Враг превосходит нас числом минимум два к одному.

А ведь когда-то Гвардия и законники составляли меньше трети объединённых сил.

— Наш лёгкий флот выйдет на высокой орбите над цитаделью. После на гравитационной тяге начинаем пикирование вниз. По прямой. Никаких крупных орбитальных манёвров. Как только фрегаты выйдут на низкую орбиту, они оставят маячок для навигации тяжёлого флота. Тот пробивает линию защиты и прикрывает десант. Снарядов и бомб — не жалеть.

На карте планетарного региона загорелись три плотно скомпонованные красные точки.

— Зона десантирования. Возможности для разведки нет. Атакуем всеми силами по одному направлению. Схема атаки «Альфа». Ничего не жалеть. Конечная цель этого этапа — пробить дыру в корпусе вот здесь, — он указал на схему. — Пусть эта точка не ближайшая к тронному залу, она наиболее удобна. Далее по сети тоннелей продвигаемся к цели и взрываем её зарядами антиматерии или уничтожаем иными средствами, если такое возможно.

Выговорившись, Эмбар закрыл глаза и облокотился на стол.

— Совет прошёл через ворота на вражеской территории. Благо, я смогу провести нас,

минуя их. Это последний шанс покинуть флот. Я хочу, чтобы перед стартом каждый сделал выбор. Отто, — он обернулся к полковнику. — «Меч мира» ваш. Стартуем через пять часов. Брифинг окончен.

***

Сидя на кубрике, раз за разом перебирал былые награды. Сознание безропотно приняло несчастную судьбу, но душа ещё протестовала. Быть может, возможно, что-то случится, и они выживут все. Не будет такого. То путь в один конец. Путь без возврата. Пусть же он пройдёт без сомнений, и, если потомки когда-нибудь вспомнят их, пусть знают, что предки шли гордо и прямо, а не влача ноги.

Рядом уселась Сидера. Она будто постарела лет на десять.

— Готов?

— Всегда. Честно, никогда не думал о будущем.

— Ты-то! Не смеши! Да ты всё предсказываешь!

— Я о другом. Я всегда о тех, кто рядом, что будет с ними. Но о тех, кто будет дальше, после нас, никогда не беспокоился. Как они воспримут?

— Будут крайне благодарны.

— Если вспомнят.

— Вспомнят, не беспокойся. А если забудут, духи им напомнят. Поверь, они умеют.

— Ха, — он болезненно усмехнулся. — Умеешь поддержать.

— Тебя? Да запросто? — она пихнула в правый бок. — Ты у нас главная говорящая голова. Я не хочу разгребать весь бардак одна!

— У тебя есть Варайн.

— Не, не то. Он осторожный. Сидит на берегу, думу ворочает. Авось мимо труп врага проплывёт. Мне такое не по душе. Яркий напор, взрывы, вперёд нестись паровозом — это да!

— Я так похож на реактивный ранец?

— Скорее, на рогатку. Запульнёшь точно в лоб, а там круши, ломай, беспредельничай, сколько влезет! Потому мне и нравится с тобой. У тебя подходящая тактика. И ты умеешь её применять.

— Не без ошибок.

— Пф... Нашел проблему. Нет, мы с тобой — команда на века. Вместе до конца.

— Братья не по крови, но по духу, — солнечно прищурился Эмбар.

— Именно так! Именно так! Только брат и сестра. На такое я согласна.

Он вытянул правую руку. Они стукнулись предплечьями.

— Да, жаль, что всё так обернулось, — пробормотала Наррайн. — Зажуёт же у нас эта тварь! Так зажуёт! Ух!

С грохотом пустая кружка опустилась на стойку.

***

Они собрались в командном зале. Усталые, обозлённые, но жаждущие завершить войну во что бы то ни стало. Облизав разорванную губу, Варайн взял слово.

— Братья, товарищи, друзья. Я рад, что имею честь служить рядом с вами, что вы идёте вместе со мной в последний бой. Враг наш силён и хитёр, велик и опасен. Однако у него нет того, что есть в сердце каждого из нас! Решимости сражаться до конца! Чувства локтя и стремления победить! Да, нас превосходят числом! Но не боевым духом! Каждый из нас поклялся защищать свой народ, справедливость и галактику, каждый из нас готов отдать

жизнь за них! Каждый тут герой! Ваши имена достойны занесения в анналы истории! Ваш подвиг не будет забыт! Мы все лучшие из лучших, плоть от плоти своего народа. Так пусть наша чистая кровь поведёт нас в последний путь! До последнего патрона! До последнего литра топлива! До последней капли крови! До победы или смерти! Мы пойдём до конца! Мы сокрушим врага. А теперь, друзья, запомните жар ваших сердец и пронесите его через тот ад, что ждёт нас! Займите посты и свирепой решимостью разите наших врагов! За галактику, за справедливость, за людей! Победа или смерть!

— Победа или смерть!

— За людей!

Оклайн сжал челюсти и кивнул. Как же он алкал крови своих врагов! Собственное выживание более не волновало его. Не осталось в мире ничего, кроме грядущей битвы. Каждая мысль, каждое движение посвящено одной ей.

Плотно обхватив штурвал корвета, отдал швартовы в последний раз. Лёгкий флот отсалютовал, отправляясь в бой. Раскрылись магнитные паруса, сверкала зеркальная броня. Они не будут скрываться. Они ударят всем, что есть, не жалея ни себя, ни снарядов, ни техники! Пусть враг узнает, что значит чистая ярость обозлённых солдат!

С гулом пронёсся световой год. Оклайн считал каждую секунду, каждый вдох, каждый удар сердца. Его веки дёргались в нетерпении, разряды скакали по оперению. Сам воздух наэлектризовался, готовый разразиться грозой. Железный привкус во рту. Скрежет зубов и резины.

Они выскочили сверкающим клином на орбите мёртвого мира. Предатели зависли внизу. Ровными шеренгами, как на параде. Тут же выпустили рои истребителей, поворачивали бронированные туши своих колоссальных пустоходов.

Стрелой тонкий строй нёсся вперёд, паля из всех калибров. Залились огнём непроницаемые щиты, раскидывали сопровождение удары, оставляя линкоры без прикрытия. Один за одним фрегаты вспыхивали в смертельном огне, разлетаясь на звёздную пыль. Уходили без крика и ругательств, со стойкой святостью внутри. Разрезали черноту пульсары лазерных лучей, проносились роями ос снаряды. Гудели ракеты, взрывались торпеды. Стрекозы летали тут и там.

Серебром блистали облака пара, обломки и снаряды. Дождём летели ядерные заряды. Вот, «Паладин» дал залп. Разлетались в щепу окружившие его корветы и фрегаты. Оставляли чёрные нити дыма катера. Не в силах лёгкому флоту одолеть мастодонта, но основной удар уже на подходе. Маршрут его построен.

Вот, вот они! Яркими вспышками осветилось их прибытие. Ионные лучи разрезали на части врага. «Меч» сверкнул на солнце золотом, выстрел его пронзил проклятый бело-алый корпус. И разорвался «Паладин» тысячей осколков, оставляя дыру во вражьем строе.

Грузные галеоны и невесомые транспорты, выпуская фейерверки ложных целей, ринулись вниз. Расцвела истерзанная поверхность вспышками, поднимались над берлогой врага голографические щиты, отражая новую волну снарядов. Но и сама крепость не могла огрызаться в ответ, мешая высадке десанта.

«Бездна» в пике прошла побоище, метеором врезалась в атмосферу, оставляя огненный след. Краска её от жара сошла, но керамика осталась цела, закалившись в жаре сражения. Бросив рычаги, кинулся Эмбар к танку, вылетел над головами авангарда.

Враг послал на них все силы. Из неведомых укрытий ринулись навстречу орды тварей, волной ужаса и смерти. Выскакивали одурманенные солдаты и Гвардейцы, гудели танки и

пронзали перехватчики небеса, оставляя за шатлами предательские полосы маслянистой тьмы!

Разорвались утренние сумерки светом ядерных пожаров, и обугленная плоть планеты оплавилась вновь. И вновь на чёрный камень пролилась горячая кровь. И вновь реют знамёна, идя за строем строй в последний бой. Сверкают взрывы, дым клубится. Лишь белые черты на спинах выдают в аду солдат. А те умирают, но стреляют вновь и вновь, забирая жизнь за жизнь. Падают, но не сдаются!

Гудят моторы, рвутся танки вперёд. Под гул тысячи орудий взмывают ракетные грады, пронзая застланное небо. Разрываясь впереди цветами тысячи смертей! Они рвались, рвались нещадно. Под лучи крепости, под гибель товарищей, идя по трупам врагов. Только вперёд! Не надеясь вернуться назад! Только вперёд!

Передовой отряд стрелой огня и взрывов достиг извитой обшивки. Не желая отступить, они, словно снаряд, подорвали и её, и себя, забрав на тот свет тысячи тварей. Бойцы ринулись в пролом. Сражались бок о бок рыцари и простые солдаты, танкисты и пехота, люди и мидду. Плечом к плечу, спина к спине, сжигая пирроген и собственную ярость, разя уроков направо и налево!

Они внутри! Пробились через рой! По колено в крови, врага и товарищей, в ранах и обугленных скафандрах. В гневе и беспощадном прорыве через орды тварей.

Впереди замаячили белые доспехи. Братья столкнулись с братьями. Лилась рекой лучшая кровь галактики. Падали один за одним, брусчаткой благородных тел устилая путь. Они не отступали, они выгрызали победу из вражеских рук!

Уж последний линейный солдат рухнул, не показав лопаток. Уж последний Белый щит отдал долг своему народу. Уж последний танк застыл, упёршись стволом в тушу жуткого монстра! Но они все шли и шли! Шли и шли! Кто не мог, становился на колени и стрелял, прикрывая товарищей.

Тварь на машину прыгнула сверху, Оклайн механически зажал гашетку. Щелчок. Опустел магазин. Он взмыл вверх, размазав гада по потолку. Триста алых рыцарей стояли по пояс в трупах врагов, пробирались, отбивались, но теряли темп. С каждой минутой их становилось всё меньше и меньше, а цель так близка, но так далека!

Внезапно ослаб напор тварей. Отступили они перед мастерством противника, готовясь добить несговорчивого врага!

— Оклайн! — позвал его слабым голосом Ур. — Спустись! Быстрее!

Выглянув из люка, он всё понял. Рыцари. Они уже в силах идти вперёд. Они останутся тут, прикроют его.

— Осталось всего ничего! Заложь эту бомбу и убей эту тварь!

— Я пойду с тобой! — подняла окровавленную руку Сидера.

Её почти не видно за слоем отрубленной плоти и грязи. Она словно чёрт из ада во время пира, но она жаждет покончить с этим не меньше остальных. Из туннелей раздался вой. Волна света пробежала по карамельным стенам.

— Оклайн, — Варайн достал блестящий медальон рыцаря. — Если ты выживешь, не дай Ордену погибнуть!

Он молча кивнул в ответ. В последний раз их взгляды встретились. Время замерло на миг негласного прощания. Варраден просто так не сдадутся, даже когда их силы иссякнут... У них остались бомбы.

Первые чудища показали из-за изгибов. Танк рванул вперёд на всех парах. Один зал,

второй, третий! Позади раздался вой битвы. Последней битвы.

Вот, вот оно! В толстенной стене одинокий проход, похожий на глубокую нору. Повреждёнными датчиками, заляпанными и обломанными, прощупал округу. Вроде всё чисто.

— Вперёд, — прошептала Сидера, вырываясь наружу.

Громкий удар. Она падает вниз с развороченной грудью. Пуля снайпера разорвала ей сердце. И прежде, чем Аррас успел сделать второй выстрел, раздался дикий грохот. Зажглись зелёные щиты останавливая ударную волну невиданной силы. Варраден исполнили последний долг!

Оклайн не кричал. Нет. Он был в такой ярости, что с голыми руками кинулся на рухнувшего с балкона предателя. Однако тот оказался силён. Очень силён. Они боролись полминуты, силы равны, как вдруг новый толчок.

Эмбар упал навзничь, нащупал рукой древко и молниеносным ударом лишил Арраса жизни. И головы. Тот качнулся пару раз и недвижно грохнулся оземь, истекая чернильной кровью.

Отдышавшись, Оклайн склонился над Сидерой. Она уже мертва, но голова её цела. Значит, есть шанс! Он закинул её в танк, а сам поднял бомбу и побежал, что есть мочи, по тоннелю.

За ним открылся тронный зал. Огромные колонны украшали его по обе стороны. Стены и пололок словно свиты из корней. Но они ничто, по сравнению с владельцем этого зала — огромная, невиданных размеров бесформенная туша, словно опухоль, зависла на цепях над огромным глубоким бассейном. Она метров сто в диаметре, вся испещрена глазами, лапами, копытами, пастями, крыльями и ртами. Главная голова напоминала лошадиную, с огромными рогами и закрытыми толстым бельмом глазами. К ней снизу тянулись десятки шлангов и кабелей, словно жуткий фартук. Так вот он какой. Шаггот. Нет существа во вселенной, способного выглядеть так!

Перед ним в трансе на балконе застыли три советника. Вот и все их переговоры — остались лишь пустые оболочки.

Не сбавляя темпа, Оклайн взвёл бомбу. Десять секунд таймера. Он размахнулся и метнул что есть силы заряд, дабы тварь сдохла! А вместе с ней — и вся её орда!

Вспышка! Волна обожгла латы, откинула его на десяток шагов назад.

— Вот мы и встретились, — проревели, прошептали, пролаяли, проскрипели и прокрякали десятки голосов. — Я же говорил, что не даю выбора!

Зеленоватое поле вокруг бомбы рассеялось.

— Иблис? — проскрежетал Эмбар.

— В одном ты ошибся, Оклайн. Я не прикрываюсь личиной шаггота, я он и есть! А теперь ты отдашь мне то, что я искал столько лет!

Он открыл свою пасть, откуда выползло длинное механическое щупальце, увенчанное огромной сияющей жемчужиной. Точь-в-точь Белая звезда! Фауст был прав!

Оклайн пытался оползти, но Иблис догнал его. Неведомая сила парализовала его. Чужое сознание накрыло мешком голову. Эмбар внезапно ослеп.

— Твое зрение — мой дар! Твоя живучесть — мой дар! Твоя скрытность — мой дар! Я их отдал, я их и заберу!

— Ты заплатишь за всё!

Не видя цели, он махнул протезом, неподвластным ещё контролю Абхама. Раздался

дикий визг, внезапно поле пропало. Эмбар вновь стал собой. Оказывается, копьё попало прямо по держателю жемчужины, и сейчас, она, болтаясь на ниточке, спешно скрылась внутри тела. Все глаза опухли устремились на жертву, все головы дико завывали, предвкушая расправу. Чем его убить?!

— Какой у тебя был потенциал! — гневно проревел Иблис. — Ты мог бы стать моим величайшим творением! Но ты бездарно растратил свои способности! Я дал тело, о котором и мечтать нельзя, а ты вернул мне кусок поношенного, отбитого мяса! Ничего, я могу вырвать импланты и из трупа!

Из щели позади выпрыгнул охотник, проскрипел своими когтями, прошипел в наслаждении. Однако Иблис не собирался беспомощно наблюдать — он поднял свои железные щупальца.

Оклайн едва успевал уклоняться. То один бьёт, снося колонну, то другой прыгает, рассекая со свистом воздух. Кровавая пелена злобы застилала взор. Улучив секунду, он вонзил копьё в бок охотника. Прогремел взрыв, разлетелись ошмётки.

— Я бог! Я творец! Ваша плоть для меня глина, из которой я рождаю свои творения! Я имею полное право сломать то, что отслужили своё!

Выхватил гранату, прогудел новый клинок. Когда Иблис попытался расплющить Эмбара, тот ловким ударом рассёк железный щуп. Потек из раны грязно-жёлтый ихор. Однако щупальце не отломилось, сбило с ног и потянуло за собой, к парапету обугленного балкона.

В последний миг он схватился за рваный край. Глянул вниз. Отсюда начинаются все кабели и трубы, что питают опухшее тело. словно трубы органа, они выходили из стены. Граната пошла. Пламя порвало сосуды и нервы. С воплем боли и ненависти дендриты шаггота рухнули, но сам он ещё дышал!

— Ты, ты отобрал у меня всё!

— Я дал тебе это всё! Я бог! И даже твоя Райна — моё творение! Своей борьбой ты лишил себя всего! Своими руками!

— Нет, нет! Гад ползучий! Нет!

Блокираторы отключены. Охладитель вытек. Ядро лат выскочило, со звоном ударилось об обрубку труб и скрылось в коричневой мутной пучине бассейна. Подтянувшись, Оклайн рухнул на пол в секунду взрыва. Раскалённая жидкость гейзером устремилась ввысь, исходя раскалённым паром.

Иблис закричал от боли тысячей голосов. Он выл, варясь заживо, но не умирая! Не умирая! Эмбар выхватил пистолет и принялся стрелять в тварь, пока магазин не опустел. И всё равно он нажимал на курок с бессильным щелчком — он добратья до врага и быть не в силах его убить!

— Оклайн! Оклайн! — достучался до него голос Саффа. — Пустоход взлетает! Его голографические щиты отключены!

— Отто! Отто! Как слышишь?!

Раздался звук боя и щелчки отлетающих от стен пуль.

— Сэр, нас взяли на abordаж! Мы теряем «Меч»!

— Сделайте выстрел! Уничтожьте крепость!

— Сэр, — отчаянно прошептал он. — Мы не можем. Оружие повреждено.

— А другие?!

— Мы остались последние! Их слишком много! Хотя! — раздался скрип закрывающейся

двери. — Мы сможем! Да! Сможем! Уходите оттуда!

— Не тяните! Стреляйте!

— Мы протараним флагман! Он как раз у нас на пути! Бомбы сомнутся и взорвутся. Уходите оттуда!

Сердце разрывало грудь с каждым ударом. Не чуя ног, Оклайн побежал, выбрался из рушащегося, скрипящего зала под дикий хохот Иблиса, сел в танк и полетел! Быстрее, быстрее! У Сидеры ещё есть шанс! Твари в панике разбежались прочь, из Стаи став зверьми.

На месте крайнего рандеву зияла огромная пробоина, которую оставили заряды Варраден. Тень разорвала рассветные лучи. «Бездна!» Невредимая, зависла на солнечной тяге. Залетев в ангар, первым делом подхватил Наррайн и запихнул в аварийную криокапсулу. А после — на мостик.

Машина взмыла вверх. Неслась навстречу судьбе через пепел и дым, к лучам и свету! Астероидом падал «Меч мира», Оклайн видел показатели Отто — он смертельно ранен. И всё же ещё жив!

— Полковник! Полковник! — в последнюю минуту крикнул он. — Рад был служить с вами.

— А я-то... как. Вы были... лучшим... Благодарю... — Либершафт глубоко дышал. — За Людей и во славу Их.

Они разминулись. Потоки ветра и пламени закрутили «Бездну», завертели её, не желая отпускать. В последний миг перед вспышкой сработал протокол Стеллара. Они вылетели перед волной всепоглощающей энергии и осколков. Ввинтились в пустоту.

Эмбар не сразу пришёл в себя. Он распластался на полу. В полумраке глядел в потолок. Застонал. Тяжело поднялся и закричал, держась за бок. Медленно, хрипя и хватаясь за стену, побрел обратно, роняя редкие вздохи. Как внезапно стало тихо. Казалось, что он оглох. Не было даже звона. Просто тишина.

Подойдя к капсуле, он прилип к окошку, боясь спросить.

— Сожалею...

Дальше Оклайн уже не слушал. Упал, где стоял, у ног Сидеры, свернулся и зарыдал. Все мертвы. Все мертвы. Все мертвы. Один он, поклявшийся их защищать, жив. За что? Почему? За что-о-о-о?

Редкие солёные слёзы текли по мятым посеревшим перьям, а вместе с ними вытекала и боль. Горло свело — из него выходили лишь безутешные хрипы и мольбы. За что?

Обессиленное тело вздрагивало, когда из душевных ран выливалась новая порция крови. Он сотрясался от плача, не ведая утехи. Он повел на смерть товарищей, убедил их, а сам остался жив? Разве это достойно?! Разве это правильно?!

Достав из кобуры пистолет, прижал к виску. Уж лучше так, чем мучатся всю остальную жизнь! Нажал на курок... Бессильный щелчок. Внутри пусто.

— Не-е-ет! Нет! Дай мне умереть! Дай! Тупая тварь!

— Я очень сожалею, но не надо, — остановил его попытки Сафф. — Вы живы, значит, так распорядилась судьба.

— Ты, машина, говоришь о судьбе?! Не сбрендил ли ты вместе со мной?!

— Вы должны жить.

— Ради чего? — обречённо прошептал он.

— Ради будущего.

— Оно не стоит того, — зубы застучали от холода. — Я не вынесу! Я... Я сойду с ума!

— Вы выстояте. Я знаю. Я верю в вас. Вы нужны мне, я нужен вам. Вам нужно поспать.

— Не надо, прошу. Если ты мне друг, дай яд.

— Спице, мой друг. Спице спокойно.

Под действием снотворного он и не заметил, как бессильно осел, упоённый тьмой.

***

Один пустоход покинул поле боя. Всего один.

Оклайн глыбой камня стоял на развёртываемой станции «Вавилона» перед капсулой Наррайн. Словно хрустальный гроб лучшей воительницы галактики, ставшей лучшей подругой. Нет, сестрой. Младшей сестрёнкой. Весёлой. Азартной. Живой.

Слёзы кончились. Глаза высохли и покраснели, но в груди тяжело щемило, не давая вдохнуть. Рядом покоилась урна с прахом. Эмбар слишком слаб, чтобы отнести её, как обещал. Однако потом, в будущем, он сделает это. Обязательно.

Стоя тут, он думал обо всём, через что прошёл. Кто был другом — лежит в безымянной могиле. Кто был врагом, им так и остался. Союз отвернулся в час нужды. Стоило ли оно того? Брошенный всеми. Ненужный. Забытый. Тот, чья смерть станет для мира облегчением. Последний из «Знамения». Последний землянин. Последний капитан. Последний с «Вавилона». Последний рыцарь.

Крепко сжав в руке медальон, он вышел из стазис-камеры и побрёл по пустому белому коридору. Один. Сердце, словно подушку для иголок, истыкала едкая скорбь.

Теперь настало его время. Над вечным покоем потухнет последний факел. Пусть дрёма снимет боль. Пусть время зашьёт раны. Пусть мир забудет его. Только забудется ли он сам?

Оклайн лёг в криокамеру. Закрыл глаза. Глубоко вдохнул. И уснул на века.

Больше книг на сайте - Knigoed.net